



Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 1, № 2, 2015

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Загравиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скредин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Сторт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu_journal@gmail.com



Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 1, Issue 2, 2015

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81-22, 81'342.1
UDC 81-22, 81'342.1

Андросова Светлана Викторовна, Караваева Вероника Георгиевна
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Российская Федерация

Svetlana V. Androsova, Veronika G. Karavayeva
Amur State University,
Blagoveshchensk, Russian Federation

e-mail: androsova_s@mail.ru, berenices1988@gmail.com

ОДНОУДАРНЫЕ АЛЛОФОНЫ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

FLAPS / TAPS IN AMERICAN AND BRITISH ENGLISH

Аннотация

В статье рассматриваются артикуляционно-акустические и перцептивные аспекты феномена одноударности в американской и британской спонтанной и квазиспонтанной речи. Результаты акустического анализа показали что, в АЕ и ВЕ реализуются оба механизма одноударных аллофонов на месте канонического /t/, интервокального в потоке речи – мгновенная точечная и скользящая типы артикуляций. О первом типе свидетельствуют выраженные смычка и импульсный шум, о втором – отсутствие таковых и наличие формантной структуры. В ВЕ, в отличие от АЕ, внутри слов количество интервокальных скользящих реализаций существенно возросло по сравнению со словесной границей, где преобладали точечные мгновенные реализации. В отличие от АЕ, в ВЕ одноударных в начале слов не зафиксировано. Акустические и перцептивные характеристики одноударного в АЕ позволяют интерпретировать его как аллофон фонемы /d/ и вести речь о чередовании /t-/d/ в соответствующих морфемах и словах. В ВЕ данный вопрос ждет своего решения. Одноударный в АЕ был реализован в 90,1% от характерных позиций, а в ВЕ – в 34–47% внутри слова и 41–51% на стыке слов. В ВЕ на стыке слов в 30–32% от общего числа возможных аллофонов на месте интервокального /t/ фиксировался глоттализированный аллофон. В АЕ данное явление присутствовало очень редко.

Ключевые слова: одноударный, озвончение, точечная реализация, скользящая реализация, чередование.

Abstract

The article deals with articulatory, acoustic, and perceptual aspects of the phenomenon of flapping / tapping in American and British spontaneous and quasi-spontaneous speech. The results of acoustic study demonstrate that both mechanisms – super-short plosive and super-short gliding instead of canonical intervocalic /t/ – are realized in the speech flow in AE and BE. The first type is acoustically expressed by the presence of occlusion and impulse phases, the second one – by the absence of those and the presence of formant structure. Unlike in AE, in BE the number of word-

internal intervocalic flaps considerably increased compared to word-external intervocalic positions where taps prevailed. Unlike in AE, there were no word-initial flaps or taps in BE. Acoustic and perceptual features of flaps and taps enable to interpret them as the allophones of the phoneme /d/ and to speak about /t/–/d/ alternation in corresponding morphemes and words. In BE this issue is still under consideration. In AE flaps and taps occurred in 90,1% of corresponding positions, in BE – in 34–47% word-internally and 41–51% word-externally. In BE in word-external intervocalic position glottalized allophone occurred in 30–32% of all the allophones found in this position. In AE this phenomenon rarely occurred.

Keywords: flap / tap, voicing, super-short plosive, super-short gliding, alternation.

Введение

Одноударные аллофоны переднеязычных согласных фонем можно по праву считать неотъемлемой чертой артикуляционной базы американского варианта английского языка (далее – АЕ). По-видимому, то же самое, согласно Л. В. Гришиной [Гришина, 2001, с. 24–31], справедливо и для британского варианта (далее – ВЕ), по крайней мере, для стыковых позиций. Одноударные реализуются, согласно В. Вольфраму и Р. Джонсону [Wolfram, Johnson, 1982, p. 19–20], на месте фонем /t/, /d/, /n/, /l/. Одноударным посвящено немалое количество работ как отечественных, так и зарубежных специалистов, однако среди лингвистов нет единого мнения относительно артикуляционного механизма образования одноударных и их акустических свойств, позиционной обусловленности, фонологического статуса и частотности в разных вариантах английского языка. Все это побудило авторов настоящей статьи провести исследование для того, чтобы внести посильный вклад в разрешение указанных спорных аспектов.

Критический анализ публикаций, посвящённых одноударным аллофонам и собственные более ранние исследования позволили выдвинуть следующую гипотезу.

Во-первых, возможен не один артикуляционный механизм реализации одноударных, что должно найти отражение в их акустической картине.

Во-вторых, одноударные в американском и британском вариантах английского языка будут отличаться позиционно и по вероятностным характеристикам.

1. Механизм образования одноударных аллофонов

Одноударный аллофон существенно отличается от канонического аллофона фонемы /t/, в котором отсутствует F0 и наличествуют смычка, импульсный шум и турбулентный шум в виде сильного высокочастотного фрикативного или / и слабого среднечастотного аспиративного шума (чаще присутствует фрикативный, но могут присутствовать и оба – фрикативный и аспиративный).

Одноударный определяется Д. А. Шахбаговой [Шахбагова, 1982, с. 18] как «слабо артикулируемый [d]». Одноударный назальный по аналогии следует рассматривать как слабо артикулируемый [n]. Артикуляционный механизм одноударного описан Дж. Лавером [Laver, 1994, p. 61] следующим образом: на большой скорости кончик языка ударяет об альвеолы. Сложно сказать, какой из предлагаемых терминов – «tap» или «flap» – в большей степени соответствует английскому одноударному. Часть фонетистов настаивает на термине «flap»

[Language Files..., 1998, p. 35 ; Odden, 2008, p. 47–48; Шахбагова, 1982]. Иногда понятия «flap» и «tap» используются как синонимичные [Janicki, 1977, p. 35 ; Broadbent, 2008, p. 142]. По мнению Г. Курата, Дж. Лавера, А. Круттендена и других исследователей, для одноударного в АЕ более применим термин «tap» [Kurath, 1964, p. 41 ; Laver, 1994, p. 218 ; Cruttenden, 2001, p. 164 ; Fabricius, 2000, p. 85].

П. Ладефогед [Ladefoged, 1996, p. 231] указывает на очень тонкую артикуляционную разницу между «tap» и «flap»: при общей активной зоне образования (альвеолярная или постальвеолярная зона), при общем активном артикуляторе (апекс или ламина) и при одинаковой – очень краткой – длительности смычки «flap» образуется кратким движением языка по касательной вдоль зоны контакта, а «tap» – точечной мгновенной смычкой. Согласно Р. Ф. Касаткиной [Касаткина, 2001, с. 97], «flap» в отличие от «tap» – мгновенный скользящий согласный.

Указанные разногласия в определении артикуляционного механизма побудили авторов настоящего исследования обратиться к данной проблеме через изучение акустических характеристик.

Материалом для акустического анализа послужила спонтанная и квазиспонтанная речь дикторов-мужчин, являющихся носителями стандартного АЕ (спонтанная речь на различные бытовые темы и новостной дискурс) и стандартного ВЕ (новостной дискурс). Все речевые образцы были предъявлены экспертной комиссии в составе 3 специалистов в области АЕ и ВЕ, которые единогласно пришли к выводу о принадлежности речевых образцов к стандартным разновидностям указанных территориальных вариантов.

Для анализа АЕ была взята спонтанная речь трёх дикторов-мужчин и записи передач канала VOA News. Дикторами выступили 3 американца, рождённые в США, с высшим образованием, полученным на территории США (возраст дикторов – 50 лет, 34 года и 27 лет). Тематика передач затрагивала преимущественно социальные и некоторые политические вопросы. Из передач, в которых участвовало большое количество дикторов мужчин и женщин, методом сплошной выборки отбирались примеры из речи дикторов, не содержащей выраженных диалектных черт.

Для анализа ВЕ (подробнее о характеристиках данной части материала см. в нашей предыдущей работе [Караваева, Андросова, 2015]) были использованы записи радиопередач теле- и радиовещательной компании BBC, которые находятся в свободном доступе на официальном сайте компании. Дикторами выступили 4 коренных британца с высшим образованием, полученным на территории Англии (средний возраст 50 лет); дикторы являются ведущими и участниками двух радиопередач: Hardtalk [Hardtalk, 2014] и Outlook [Outlook, 2014]. Тематика бесед преимущественно затрагивала социальные и политические вопросы.

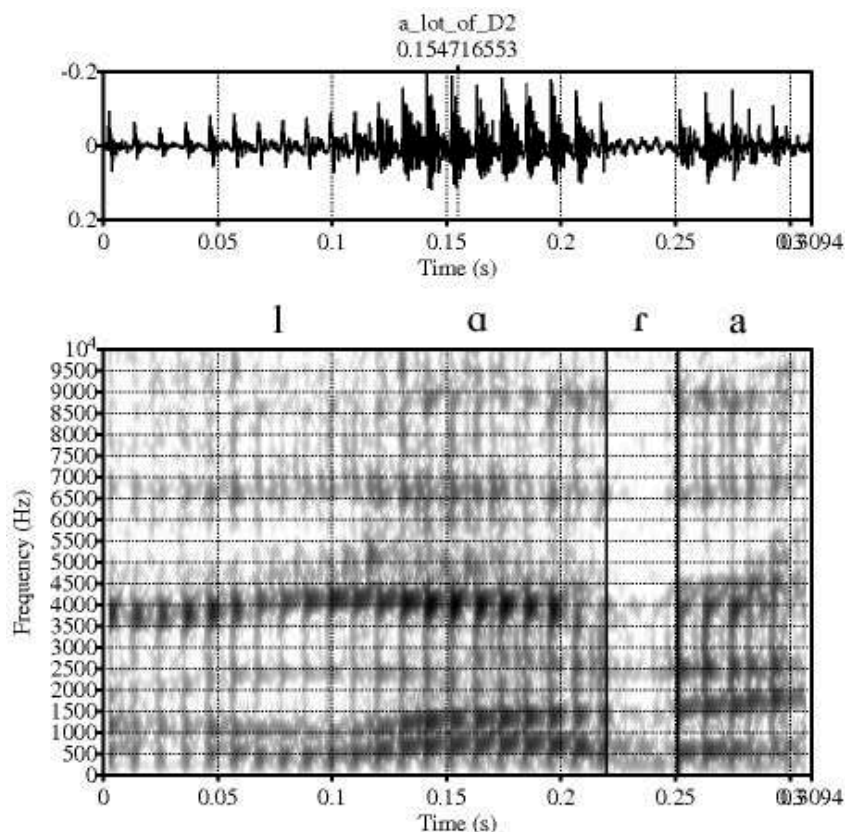
Проведённый акустический анализ, подтвердил выдвинутую гипотезу о том, что в спонтанной и квазиспонтанной речи АЕ и ВЕ реализуются оба механизма одноударных аллофонов на месте /t/. Изучение динамических спектрограмм позволили выявить акустические характеристики, свидетельствующие в одних случаях в пользу скользящей артикуляции, а в других – в пользу наличия удара. Приведём в качестве примеров несколько таких реализаций. На рисунках 1–2 представлены реализации точечной мгновенной смычки со слабовыражен-

ным импульсным шумом (рис. 1) и чётко выраженным импульсным шумом (рис. 2), на рисунке 3 – скользящая реализация. В первых двух случаях на спектрограммах чётко выражена смычная фаза, а на осциллограмме отмечены периоды основного тона (далее – ОТ). В третьем случае на осциллограмме помимо периодов ОТ отмечены обертоны, а на спектрограмме – формантная структура. Таким образом, осциллографическая и спектральная картины скорее соответствуют сонорному согласному.

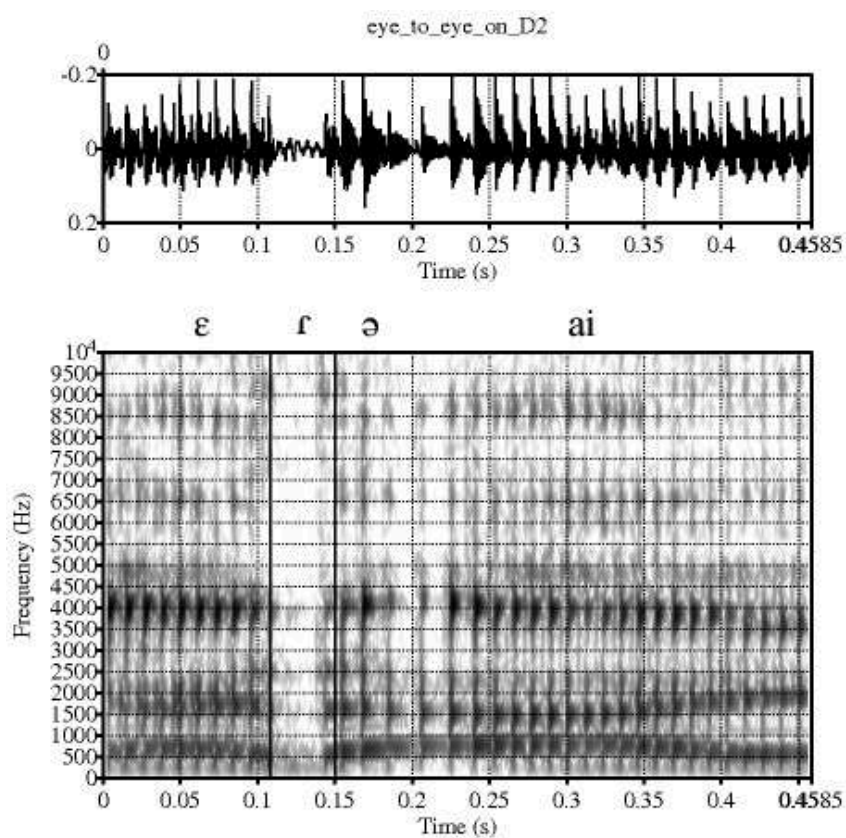
В квазиспонтанной речи ВЕ также встретились как точечные реализации, так и скользящие. Типичные примеры приведены на нижеследующих рисунках.

При сравнении рисунков 1–2 с рисунками 4–5 наличие смычки, импульса и звонкость являются очевидными общими чертами указанных реализаций. На рисунках отмечается вариативность длительности смычки и степени выраженности и чёткости локализации импульса вполне естественные для разных реализаций одной и той же фонологической единицы – одноударного аллофона. На рисунках 3 и 6 при разной длительности в обоих случаях фиксируются наличие формантной структуры и отсутствие признаков смычки и импульса.

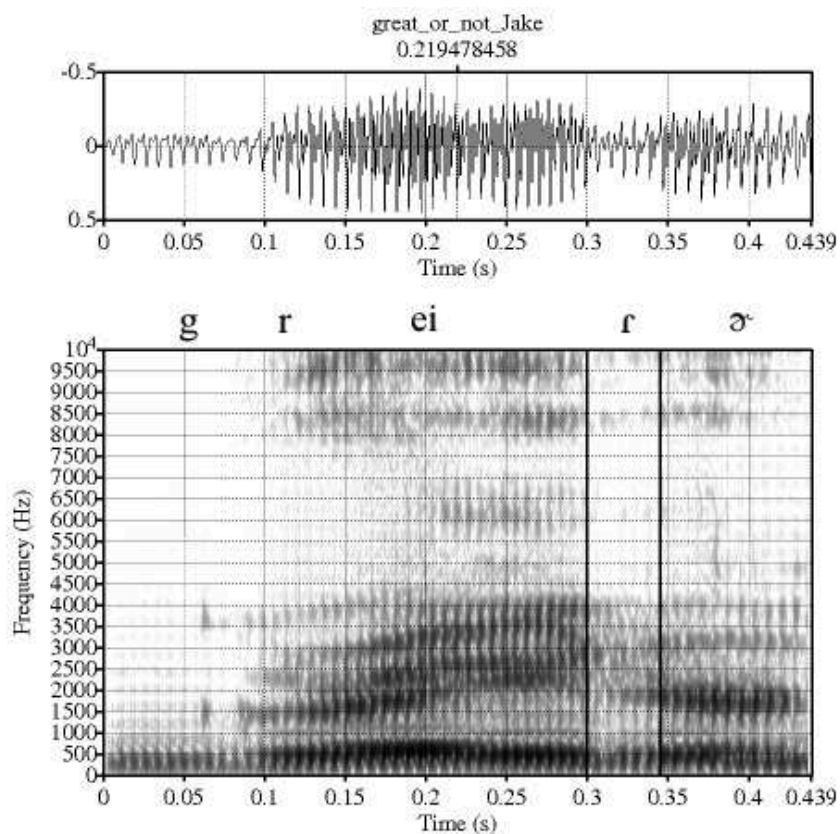
Акустический анализ также показал, что в ВЕ внутри слов количество интервокальных скользящих реализаций существенно возросло по сравнению с этой же позицией на границе слов, где преобладали точечные мгновенные реализации. В АЕ указанной особенности не отмечено.



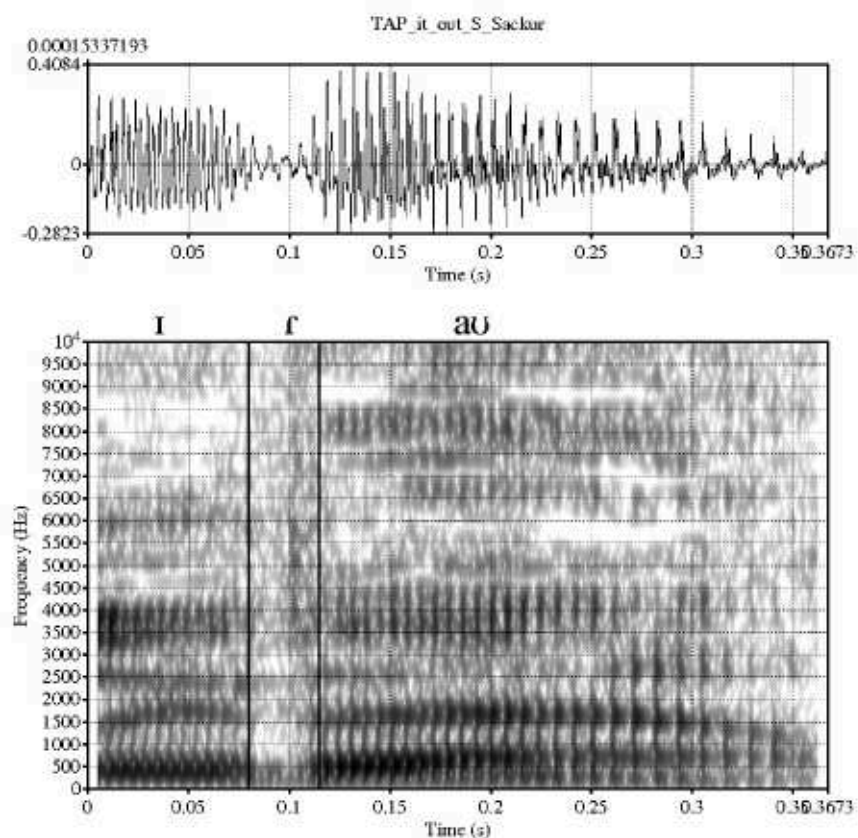
Р и с у н о к 1. Точечная смычная реализация одноударного в сочетании *a lot of*



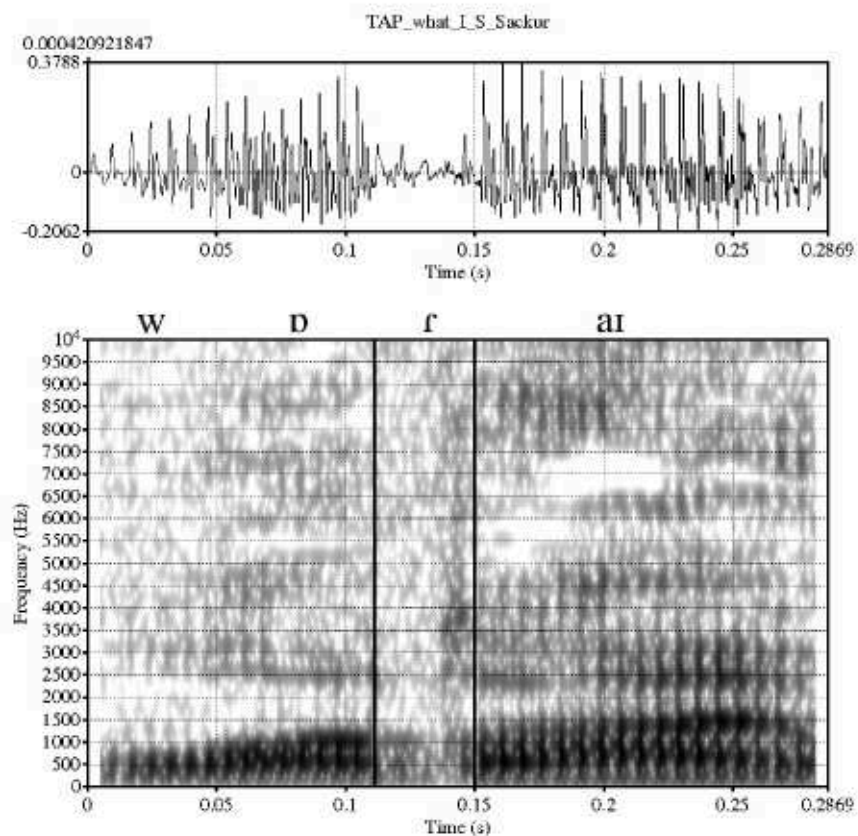
Р и с у н о к 2. Точечная смычная реализация одноударного в сочетании *eye to eye*



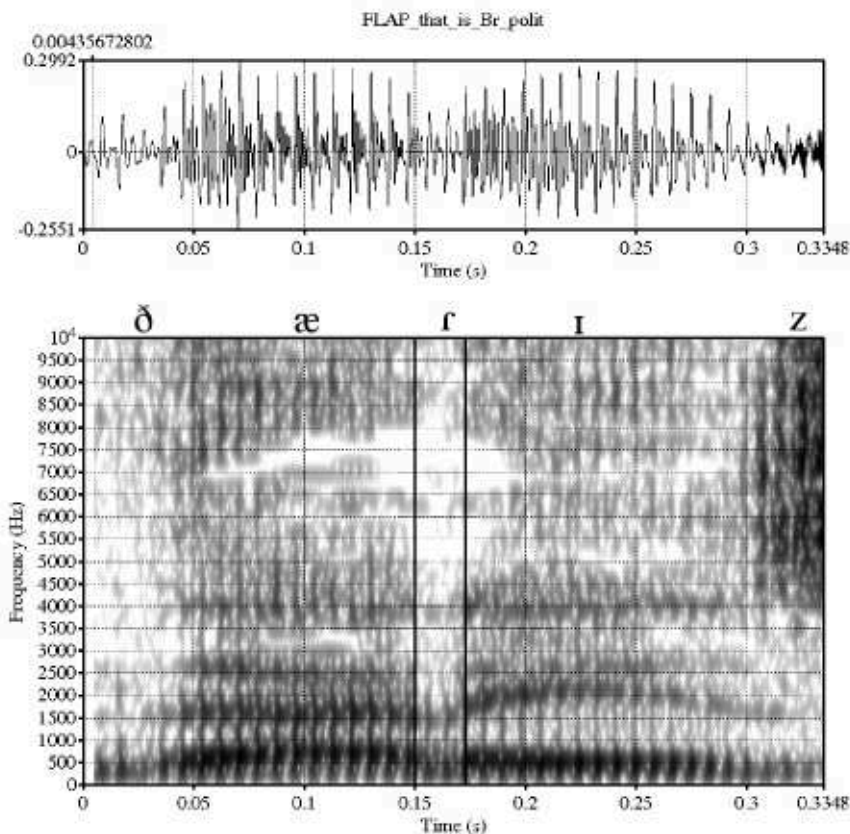
Р и с у н о к 3. Скользящая реализация одноударного в сочетании *great or*



Р и с у н о к 4. Точечная смычная реализация одноударного в сочетании *it out* (BE)



Р и с у н о к 5. Точечная смычная реализация одноударного в сочетании *what I* (BE)



Р и с у н о к 6. Скользящая реализация одноударного в сочетании *that is* (BE)

В дальнейшем мы планируем осуществить подсчёты и выявить точное соотношение точечных и скользящих реализаций в зависимости от того, какой перед нами вариант – американский или британский – и от фактора прохождения / непрохождения словесной границы.

2. Фонологический статус одноударных алофонов

Нельзя обойти вниманием вопрос о фонемной принадлежности одноударных. Иногда одноударный интерпретируется как аллофон фонемы /ɹ/ в позиции после межзубного, как в словах *three*, *throw* (см. справедливую критику точки зрения Б. Блока и Н. Хомского в работе В. Б. Касевича [Касевич, 2006, с. 45–46]). Предлагается также сравнение с интервокальным британским /ɹ/, реализация которого одноударным в данной позиции практически себя изжила и уступила место плавной ретрофлексной реализации [Janicki, 1977, p. 35, 38]. Однако нельзя не согласиться с мнением В. Б. Касевича [Касевич, 2006, с. 46] о противоречии подобной трактовки фонологическому принципу «разные позиции – разные аллофоны», особенно если сравнение производится на разных вариантах (все равно, что утверждать: одноударный – это аллофон русского вибранта /ɹ/, поскольку тот тоже может в русском языке реализовываться одноударным).

Акустически интервокальные реализации /ɹ/ и одноударные не схожи. Как отмечают Дж. Д. О'Коннор и соавторы, С. Й. Эпси-Уилсон и соавторы [Acoustic Cues..., 1957, p. 28; Acoustic Modeling..., 2000, p. 344], а также Р. С. МакГован и соавторы [McGowan, 2004, p. 871], первые представляют собой довольно протя-

женные по времени глайды, неотъемлемой чертой акустической картины которых является сближение F3 и F2 [A Magnetic Resonance..., 2008, с. 4473] по причине низкого положения F3. Вторые, по результатам настоящего исследования, всегда очень краткие (16–63 мс в зависимости от темпа произнесения), имеют выраженную смычку, если общая длительность не менее 30 мс (длительность смычки варьирует от 15 до 55 мс) и слабый импульсный шум, реализуемый на начальном участке следующего гласного (или плавного латерального /l/).

Однако интерпретация одноударного как аллофона /r/ невозможна, прежде всего, фонологически: согласно Н. С. Трубецкому [Трубецкой, 2000, с. 37], разные аллофоны одной и той же фонемы должны быть взаимоисключающими (не встречаться в одной позиции – в данном случае, например, интервокальной), если, конечно, перед нами не случай свободного варьирования. В случае взаимозаменяемых звуков мы имеем дело с реализациями разных фонем. Таковы как раз отношения между одноударным [r] и плавным ретрофлексным [r] в АЕ: соответственно Betty – berry, где, говоря словами Н. С. Трубецкого [Трубецкой, 2000, с. 37], указанные звуки выступают в качестве единственного различительного элемента двух слов.

В других разновидностях английского языка ситуация может быть и другой. Так, в западном йоркширском диалекте в примерах типа get out /t/ может заменяться в основном на [ɹ] (аллофон плавного сонорного /r/), но также и на [r] (см. об этом у Дж. М. Бродбента [Broadbent, 2008, р. 142]). В данном случае мы имеем дело с орфоэпической вариантностью фонетического облика соответствующих слов. В стандартном американском и британском произношении подобного сосуществования на исследуемом материале не выявлено.

Реализацию одноударного аллофона [r] на месте типичных аллофонов фонем /t/ и /d/ Дж. М. Бродбент [Broadbent, 2008, р. 148–149] рассматривает как продуктивный процесс ленизации, имевший место в XIX в. в ряде диалектов английского языка, включая западный йоркширский; этот процесс действовал на всей северной части Англии [Broadbent, 2008, р. 151]. Очевидно, что в АЕ ленизация привела к фонологическому озвончению.

Как отмечают Л. Хальцен и П. Ладефогед, в словах типа writing-riding озвончение /t/ существенно снижает возможность их различения при восприятии [Hultzen, 1964, с. 369 ; Ladefoged, 2006, с. 63]. На одинаковое произнесение /t/ и /d/ в интервокальной позиции указывает и Дж. Лавер [Laver, 1994, р. 225], что, по его мнению, привело к нейтрализации оппозиции /t/ – /d/. По нашим данным, акустико-артикуляторные (звонкость и слабость) и перцептивные (в условиях ограниченного контекста [V1rV2], когда нельзя узнать слово, воспринимаются как /d/ 90% аудитором), характеристики одноударных, реализованных как на месте /t/, так и /d/ указывают на то, что это аллофоны фонемы /d/ [Андросова, 2001, с. 129; Андросова, 2005, с. 9]. Более поздние исследования Н. Варнера [Warner, 2009, р. 3317] и соавторов также подтверждают сказанное. С позиции Щербовской фонетической школы логично трактовать данное явление как чередование /t/–/d/ в соответствующих морфемах, поскольку на реализацию /d/ на месте /t/ указывают и акустико-артикуляторные, и перцептивные характеристики одноударных.

Поскольку на материале ВЕ данных о перцептивных характеристиках одноударных не получено, решение вопроса о возможности фонологического озвончения составит перспективу нашего дальнейшего исследования. В настоя-

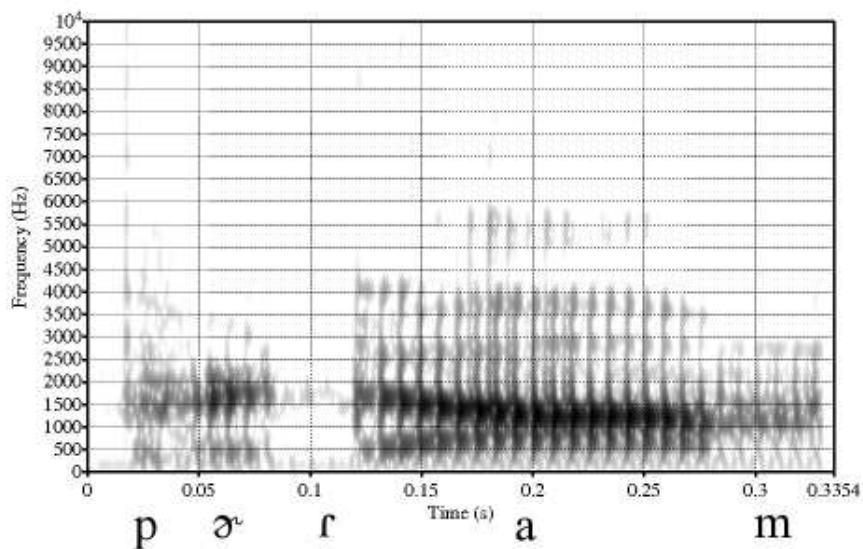
щей статье ограничимся лишь указанием на принципиальную схожесть акустических характеристик одноударных на месте /t/ и /d/.

3. Позиционная обусловленность одноударных аллофонов

Разными лингвистами (например, Дж. Лавером, К. Милзом, Г. Ф. Орайон) многократно отмечено, что реализации одноударного способствует появление следующего гласного либо слогового [ɪ] [Language Files, 1998, с. 90 ; Laver, 1994, с. 218 ; Mills, 1990, с. 119 ; Orion, 1988, с. 199]. В примерах типа get – get a / getting присутствие следующего гласного «навязывает» употребление одноударного.

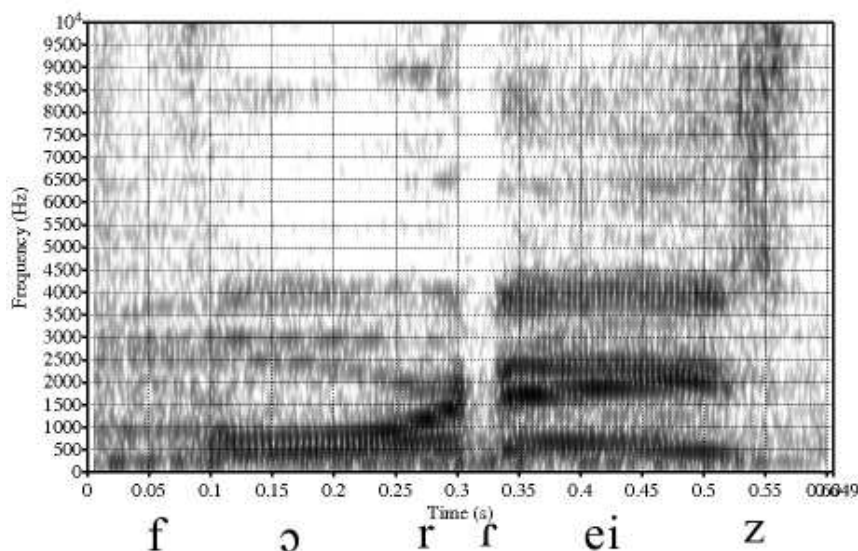
В абсолютном большинстве случаев одноударные тяготеют к безударной позиции. Как верно подмечено Р. Соном [Son, 2005, р. 111–112], реализация /t/, /d/, /n/ одноударными говорит об их тесной связи с безударным гласным. Одноударные реализации «спровоцированы» появлением следующего безударного гласного независимо от морфемной/словесной границы: в АЕ Florida, Italy, eighty, not as и т. п. [Реализация..., 2006, с. 37]; в ВЕ city, British, competitive, getting, political [Караваева, Андросова, 2015], that is, it out, what I и тому подобные.

Можно сказать, что запрет на употребление одноударного в начале ударного слога в рамках фонологического слова строго соблюдается и в АЕ и в ВЕ, хотя в АЕ имеются единичные случаи реализации одноударного на месте /d/ при быстром темпе произнесения, – например, в словах predominant, four days (см. рис. 7–8). В ВЕ подобных случаев на нашем материале не зафиксировано.



Р и с у н о к 7. Одноударный в слове *predom(inant)*

Следует отметить, что одноударные на месте /t/, /d/, /n/ в начальнослоговой позиции в АЕ интерпретируются, в частности, С. Гринбергом [Beyond the Phoneme..., 2002, р. 39] и соавторами как неканонические, как явления стыка, и не рассматриваются как фонетические сегменты.



Р и с у н о к 8. Одноударный в сочетании *four days*

С такой трактовкой сложно согласиться. Реализация согласных фонем одноударными прекрасно укладывается в рамки аллофонного и фонемного чередования, поскольку указанные реализации привязаны к вполне определённым комбинаторно-позиционным условиям, а существенные отличия от аллофонов в полном типе – не повод для их исключения из сегментных единиц.

Имеется определённая связь со словесной границей: случаи реализации одноударного перед ударным гласным зафиксированы именно на стыках слов: *visit 'each state* [Реализация..., 2006, с. 37], *the White House* [Андросова, 2001, с. 82]. Эта особенность является общей и для АЕ, и для ВЕ (примеры из ВЕ см. выше: *it out, what I* на рис. 4–5).

Запрет на употребление одноударного в абсолютном начале слова, по нашим исследованиям, не имеет абсолютного характера в АЕ и касается только изолированно произнесённых слов. Одноударный в предлоге *to – go to Florida* [Реализация..., 2006, с. 38], *go to college, to see eye to eye* [Андросова, 2001, с. 82], в приставке в слове *together – be together* [Андросова, 2001, с. 82] – служат этому доказательством. Как ясно из приведённых примеров, для снятия запрета достаточно оказаться в интервокальной позиции в потоке речи. Вариантность на орфоэпическом уровне – /t-/d/ (/d/ в виде своего одноударного аллофона) в словах типа *to, together*, – делает употребление одноударного в начале слога принципиально возможным с точки зрения особенностей речевой фонотактики В ВЕ на исследуемом материале данный запрет соблюдался неукоснительно: ни одного примера реализации одноударного в начале слова обнаружено не было.

Предположительно преодоление преграды при реализации одноударного внутри слова и на словесной границе происходит принципиально одинаково. Акустический анализ полностью подтверждает ожидания: краткий импульсный шум практически не отделим от начального участка следующего гласного независимо от словесной границы. Скользящие реализации также принципиально схожи. Вместе с тем, необходимо более скрупулёзное сравнение одноударных аллофонов на словесной границе и внутри слова, что составляет перспективу исследования.

4. Вероятностные характеристики одноударных аллофонов

В настоящей статье сравнивались частотность одноударных аллофонов в американском и британском вариантах английского языка только в интервокальной позиции.

4.1. Одноударные в АЕ

В спонтанной речи АЕ одноударные обладают довольно высокой частотностью. Например, как показало наше предыдущее исследование, на одноударный на месте /t/ приходится 17,9% всех случаев реализации /t/ по сравнению с 29,7 % канонического аллофона [t^h] фонемы /t/ [Андросова, 2001, с. 77].

После проверки всех употреблений -t/-tt- в интервокальной позиции, способствующей появлению одноударного аллофона [Андросова, 2001, с. 81–82], оказалось, что в некоторых случаях (67 из 679) ожидаемая реализация отсутствовала. Таким образом, если принять количество комбинаторно-позиционных условий (679), благоприятствующих появлению [ɾ] за 100%, то употребление [ɾ] и его отсутствие составляют соответственно 90,1% и 9,9%. На эти 9,9% приходится в основном употребление переднеязычного смычного глухого непридыхательного аллофона [t].

Предположение о зависимости появления [ɾ] от нахождения в интервокальной позиции внутри фонематического слова или на стыке фонематических слов не подтвердилось. Отсутствие ожидаемой реализации в обоих случаях изредка наблюдалось приблизительно в одинаковом количестве. В основной массе примеров был реализован одноударный аллофон и в пределах фонематического слова, и на стыке слов.

Особо следует отметить ряд случаев реализации глоттализованного аллофона [ʔ] фонемы /t/ в данной позиции. Подобные случаи встречались в небольшом количестве во всех речевых образцах.

Примеры: market and [mɑːkɪt ʔend], but I [bʌ ʔaɪ], but it (was) [bʌ ʔɪ ʔwɒz], quite a few [kʰmaɪ ʔə fjuː], undergraduate is [ʌndəˈgrædʒʊːtɪ ʔɪz].

4.2. Одноударные в ВЕ

В отличие от АЕ, где вероятность употребления одноударного аллофона в интервокальной позиции перед безударным гласным внутри слова и перед гласным независимо от его ударности на словесной границе составляет чуть более 90%, в ВЕ вероятность употребления внутри слова колеблется в пределах 34–47% внутри слова и 41–51% на стыке слов, в среднем практически не уступая по частотности каноническому аллофону. Одноударный в указанных позициях в ВЕ является одним из семи возможных типов аллофонов, ряд из которых принадлежат разным фонемам (подчеркнём, что в этом вопросе мы придерживаемся позиций Щербовской фонологической школы).

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что если в АЕ реализация глоттализованного аллофона в интервокальной позиции на стыке слов оказалась редкой, то в ВЕ количество таких реализаций резко возросло до 30–32% от общего числа возможных аллофонов.

Т а б л и ц а 1. Типы аллофонов на месте интервокального /t/ в ВЕ (%)

Аллофон		Позиция	Диктор	
			D1	D2
Канонический	[t ^h]	стык	20%	15%
		внутри	50%	40%
Одноударный	[ɾ]	стык	41%	52%
		внутри	34%	47%
Спирантизованный	/s/	стык	4%	2%
		внутри	6%	5%
	/ʃ/	стык	1%	1%
		внутри	4%	3%
	/z/	стык	-	-
		внутри	-	2%
Двухвершинный	[t ^h ː]	стык	2%	-
		внутри	3%	1%
Глотализированный	[ʔ]	стык	32%	30%
		внутри	3%	2%

5. Выводы

Проведённый акустический анализ позволил прийти к ряду выводов.

Во-первых, полностью подтвердилось предположение о реализации обоих механизмов образования одноударных – точечного и скользящего. При точечном механизме варьировали длительность смычки и выраженность импульса в сторону большей или меньшей его чёткости, вплоть до порой полного отсутствия импульса.

Во-вторых, в ВЕ, в отличие от АЕ, внутри слов количество интервокальных скользящих реализаций существенно возросло по сравнению со словесной границей, где преобладали точечные мгновенные реализации. В дальнейшем предполагается провести точные подсчёты для выявления указанного соотношения.

В-третьих, акустические характеристики как корреляты соответствующих дифференциальных признаков одноударного аллофона и его перцептивные свойства позволяют интерпретировать одноударный как аллофон фонемы /d/ в АЕ. Изучение перцептивных характеристик одноударного аллофона в ВЕ и определение возможности подобной интерпретации составляют перспективу исследования.

В-четвёртых, в АЕ одноударный аллофон встречался в интервокальной позиции в речи в абсолютном начале некоторых слов – инфинитивной частицы и предлога *to* и слов, начинающихся с приставки *to-*. В ВЕ на нашем материале подобных случаев не отмечено.

В-пятых, как и предполагалось, одноударные в АЕ и ВЕ имеют разные вероятностные характеристики. Одноударный в АЕ был реализован в 90,1% от характерных позиций, при этом внутри слов перед безударным гласным одноударный встретился в 100% случаев; в ВЕ одноударный был реализован в 34–47% случаев внутри слова и 41–51% – на стыке слов. В ВЕ на стыке слов в 30–32% от общего числа возможных аллофонов на месте интервокального /t/ фиксировался глоттализированный аллофон; в АЕ данное явление присутствовало крайне редко.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Аллофонное варьирование согласных фонем в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Андросова Светлана Викторовна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Благовещенск, 2001. – 220 с.
2. Андросова, С. В. Акустические и перцептивные характеристики согласных в спонтанной речи (на материале американского варианта английского языка) / С. В. Андросова // Вариативность сегментных и супraseгментных единиц в речи / отв. ред. С. И. Гусева ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск : [Б. и.], – 2005. – С. 5–16.
3. Гришина, Л. В. Озвонченное /t/ в произносительной норме Великобритании: американское влияние? [Текст] / Л. В. Гришина // Сегментный и супraseгментный аспекты звучащего текста : сб. науч. тр. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2001. – Вып. 462. – С. 21–34.
4. Караваева В. Г., Андросова С. В. Аллофонное варьирование интервокального /t/ в британском новостном дискурсе [Текст] / В. Г. Караваева, С. В. Андросова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. – Вып. 95. – 2015. – № 10. – С. 81–89.
5. Касаткина, Р. Ф. Акустико артикуляторная характеристика русских вибрантов в свете данных современной общей фонетики [Текст] / Р. Ф. Касаткина // 100 лет экспериментальной фонетике в России : материалы междунар. конф., СПб., 1–4 февр. 2001 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, Филол. фак. ; [отв. ред. Л. В. Бондарко]. – СПб. : Изд-во С-Петерб. ун-та, 2001. – С. 96–100. – ISBN 5-8465-0002-1.
6. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Труды по языкознанию [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 10–238. – ISBN 5-8465-0242-3.
7. Реализация фонетических единиц в информационной структуре высказывания / С. В. Андросова, Е. В. Гнатюк, С. И. Гусева, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Т. В. Шуйская ; под ред. С. И. Гусевой ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск : [Б. и.], 2006. – 272 с.
8. Шахбагова, Д. А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка [Текст] / Д. А. Шахбагова. – М. : Высшая шк., 1982. – 128 с.
9. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / пер. с нем. А. А. Холодовича / Н. С. Трубецкой. – 2-е изд. – М : Аспект Пресс, 2000. – 352 с. – ISBN 5-7567-0250-4. – [1-е изд. 1960].
10. A Magnetic Resonance Imaging-Based Articulatory and Acoustic Study of “Retroflexed” and “Bunched” American English /r/ [Text] / X. Zhou, C. Y. Epsy-Wilson, S. Boyce et al. // JASA. – 2008. – Vol. 123, N 6. – P. 4466–4481. – ISSN 0014966.

11. Acoustic Cues for the Perception of Initial /w, j, r, l/ in English [Text] / J. D. O'Connor, L. J. Gersman, A. M. Liberman et al. // *Word*. – 1957. – Vol. 13, N 1. – P. 24–43.
12. Acoustic Modeling of American English /r/ [Text] / C. Y. Espy-Wilson, S. E. Boyce, M. Jackson et al. // *JASA*. – 2000. – Vol. 108, N 1. – P. 343–356. – ISSN 0014966.
13. Broadbent, J. M. t-to-r in West Yorkshire English [Text] / J. M. Broadbent // *English Language and Linguistics*. – 2008. – Vol. 12, N 1. – P. 141–168.
14. Beyond the Phoneme: A Juncture-Accent Model of Spoken language [Text] / S. Greenberg, H. Carvey, L. Hitchcock et al. // *Proc. of the Human Language Technology Conf. (HLT – 2002)*. – San Diego, California : [S. n.], 2002. – P. 36–43.
15. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English [Text] / A. Cruttenden. – [S. 1.] : Edward Arnold Limited, 2001. – 360 p.
16. Fabricius, A. H. T-glottaling. Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP [Text] / A. H. Fabricius. – Copenhagen : [S. n.], 2000. – 180 p.
17. Hardtalk 2014 – Hardtalk. BBC Podcasts and downloads. URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht>
18. Hultzen, L. S. Degrees of Difference of English Consonants [Text] / L. S. Hultzen // *Proc. of the Fifth Intern. Congr. of Phonetic Science*. – New York : [S. n.], 1964. – P. 367–370.
19. Janicki, K. Elements of British and American English [Text] / K. Janicki. – Warszawa : [S. n.], 1977. – 139 p.
20. Ladefoged, P. A Course of Phonetics – 2nd ed. [Text] / P. Ladefoged. – Singapore: Cengage Learning, 2006. – 312 p. – [1st ed. 1975].
21. Ladefoged, P. The Sounds of the World Languages [Text] / P. Ladefoged, I. Maddieson. – Cambridge, USA : John Wiley & Sons, 1996. – 448 p. – ISBN 0631198156, 9780631198154.
22. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics. – 7th ed. [Text]. – Ohio : The Ohio State Univ., 1998. – 495 p. – ISBN 0814250033.
23. Laver, J. Principles of Phonetics [Text] / J. Laver. – New York : Cambridge Univ. Press, 1994. – 736 p. – ISBN-10: 052145655X ; ISBN-13: 978-0521456555.
24. Kurath, H. A Phonology and Prosody of Modern English [Text] / H. Kurath. – Michigan : The Univ. of Michigan Press, 1964. – 158 p.
25. McGowan, R. S. Development of [ɹ] in Young, Midwestern, American Children [Text] / R. S. McGowan, S. Nittrouer, G. J. Manning // *JASA*. – 2004. – Vol. 115, N 2. – P. 871–884. – ISSN 0014966.
26. Mills, C. American Grammar. Sound, Form and Meaning [Text] / C. Mills. – New York : P. Lang, 1990. – 475 p. – ISBN 0820409529 ; 9780820409528.
27. Odden, D. Introducing Phonology [Text] / D. Odden. – [S. 1.] : Foreign Language Teaching Press and Cambridge Univ. Press, 2008. – 348 p.
28. Orion, G. F. Pronouncing American English. Sounds, Stress and Intonation [Text] / G. F. Orion. – New York, 1988. – 321 p.
29. Outlook 2014 – Outlook. BBC. Podcasts and downloads. URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook>
30. Son, van R. J. J. H. Duration and Spectral Balance of Intervocalic Consonants: a Case for Efficient Communication [Text] / R. J. J. H. van Son, J. P. H. van Santen // *Speech Communication*. – 2005. – Vol. 47, N 1–2. – P. 100–123.
31. Warner, N. Cues to Perception of Reduced Flaps [Text] / N. Warner, A. Fountain, B. V. Tucker // *JASA*. – 2009. – Vol. 125, N 5.– P. 3317–3327. – ISSN 0014966.
32. Wolfram, W. Phonological Analysis. Focus on American English. [Text] / W. Wolfram, R. Johnson. – Washington D. C. : Prentice Hall Regents, 1982. – 217 p.

References

1. Androsova, S. V. Allofonnoe var'irovanie soglasnyh fonem v spontannoj rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Androsova Svetlana Viktorovna ; S.-Peterb. gos. un-t. – Blagoveshensk, 2001. – 220 s.
2. Androsova, S. V. Akusticheskie i perceptivnye harakteristiki soglasnyh v spontannoj rechi (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) / S. V. Androsova // Variativnost' segmentnyh i suprasegmentnyh edinic v rechi / otv. red. S. I. Guseva ; Amur. gos. un-t. – Blagoveshensk : [B. i.]. – 2005. – S. 5–16.
3. Grishina, L. V. Ozvonchennoe /t/ v proiznositel'noj norme Velikobritanii: amerikanskoe vlijanie? [Tekst] / L. V. Grishina // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta : sb. nauch. tr. Mosk. gos. lingvist. un-ta. – 2001. – Vyp. 462. – S. 21–34.
4. Karavaeva V. G., Androsova S. V. Allofonnoe var'irovanie intervokal'nogo /t/ v britanskom novostnom diskurse [Tekst] / V. G. Karavaeva, S. V. Androsova // Vestnik Cheljab. gos. un-ta. Serija Filologija. Iskuststvovedenie. – Vyp. 95. – 2015. – № 10. – S. 81–89.
5. Kasatkina, R. F. Akustiko artikuljatornaja harakteristika russkih vibrantov v svete dannyh sovremennoj obshhej fonetiki [Tekst] / R. F. Kasatkina // 100 let jeksperimental'noj fonetike v Rossii : materialy mezhdunar. konf., SPb., 1–4 fevr. 2001 g. / S.-Peterb. gos. un-t, Filol. fak. ; [otv. red. L. V. Bondarko]. – SPb. : Izd-vo S-Peterb. un-ta, 2001. – S. 96–100. – ISBN 5-8465-0002-1.
6. Kasevich, V. B. Fonologicheskie problemy obshhego i vostochnogo jazykoznanija // Trudy po jazykoznaniju [Tekst] / V. B. Kasevich. – SPb. : Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2006. – S. 10–238. – ISBN 5-8465-0242-3.
7. Realizacija foneticheskikh edinic v informacionnoj strukture vyskazyvanija / S. V. Androsova, E. V. Gnatjuk, S. I. Guseva, S. V. Derkach, O. N. Morozova, M. A. Pirogova, T. V. Shujskaja ; pod red. S. I. Gusevoj ; Amur. gos. un-t. – Blagoveshensk : [B. i.], 2006. – 272 s.
8. Shahbagova, D. A. Foneticheskie osobennosti proiznositel'nyh variantov anglijskogo jazyka [Tekst] / D. A. Shahbagova. – M. : Vysshaja shk., 1982. – 128 s.
9. Trubeckoj, N. S. Osnovy fonologii [Tekst] / per. s nem. A. A. Holodovicha / N. S. Trubeckoj. – 2-e izd. – M : Aspekt Press, 2000. – 352 s. – ISBN 5-7567-0250-4. – [1-e izd. 1960].
10. A Magnetic Resonance Imaging-Based Articulatory and Acoustic Study of “Retroflexed” and “Bunched” Americal English /r/ [Text] / X. Zhou, C. Y. Epsy-Wilson, S. Boyce et al. // JASA. – 2008. – Vol. 123, N 6. – P. 4466–4481. – ISSN 0014966.
11. Acoustic Cues for the Perception of Initial /w, j, r, l/ in English [Text] / J. D. O'Connor, L. J. Gersman, A. M. Liberman et al. // Word. – 1957. – Vol. 13, N 1. – P. 24–43.
12. Acoustic Modeling of American English /r/ [Text] / C. Y. Epsy-Wilson, S. E. Boyce, M. Jackson et al. // JASA. – 2000. – Vol. 108, N 1. – P. 343–356. – ISSN 0014966.
13. Broadbent, J. M. t-to-r in West Yorkshire English [Text] / J. M. Broadbent // English Language and Linguistics. – 2008. – Vol. 12, N 1. – P. 141–168.
14. Beyond the Phoneme: A Juncture-Accent Model of Spoken language [Text] / S. Greenberg, H. Carvey, L. Hitchcock et al. // Proc. of the Human Language Technology Conf. (HLT – 2002). – San Diego, California : [S. n.], 2002. – P. 36–43.
15. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English [Text] / A. Cruttenden. – [S. 1.] : Edward Arnold Limited, 2001. – 360 p.

16. Fabricius, A. H. T-glottaling. *Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP* [Text] / A. H. Fabricius. – Copenhagen : [S. n.], 2000. – 180 p.
17. Hardtalk 2014 – Hardtalk. BBC Podcasts and downloads. URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht>
18. Hultzen, L. S. Degrees of Difference of English Consonants [Text] / L. S. Hultzen // *Proc. of the Fifth Intern. Congr. of Phonetic Science*. – New York : [S. n.], 1964. – P. 367–370.
19. Janicki, K. *Elements of British and American English* [Text] / K. Janicki. – Warszawa : [S. n.], 1977. – 139 p.
20. Ladefoged, P. *A Course of Phonetics – 2nd ed.* [Text] / P. Ladefoged. – Singapore: Cengage Learning, 2006. – 312 p. – [1st ed. 1975].
21. Ladefoged, P. *The Sounds of the World Languages* [Text] / P. Ladefoged, I. Maddieson. – Cambridge, USA : John Wiley & Sons, 1996. – 448 p. – ISBN 0631198156, 9780631198154.
22. *Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics*. – 7th ed. [Text]. – Ohio : The Ohio State Univ., 1998. – 495 p. – ISBN 0814250033.
23. Laver, J. *Principles of Phonetics* [Text] / J. Laver. – New York : Cambridge Univ. Press, 1994. – 736 p. – ISBN-10: 052145655X ; ISBN-13: 978-0521456555.
24. Kurath, H. *A Phonology and Prosody of Modern English* [Text] / H. Kurath. – Michigan : The Univ. of Michigan Press, 1964. – 158 p.
25. McGowan, R. S. Development of [ɹ] in Young, Midwestern, American Children [Text] / R. S. McGowan, S. Nittrouer, G. J. Manning // *JASA*. – 2004. – Vol. 115, N 2. – P. 871–884. – ISSN 0014966.
26. Mills, C. *American Grammar. Sound, Form and Meaning* [Text] / C. Mills. – New York : P. Lang, 1990. – 475 p. – ISBN 0820409529 ; 9780820409528.
27. Odden, D. *Introducing Phonology* [Text] / D. Odden. – [S. l.] : Foreign Language Teaching Press and Cambridge Univ. Press, 2008. – 348 p.
28. Orion, G. F. *Pronouncing American English. Sounds, Stress and Intonation* [Text] / G. F. Orion. – New York, 1988. – 321 p.
29. Outlook 2014 – Outlook. BBC. Podcasts and downloads. URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook>
30. Son, van R. J. J. H. Duration and Spectral Balance of Intervocalic Consonants: a Case for Efficient Communication [Text] / R. J. J. H. van Son, J. P. H. van Santen // *Speech Communication*. – 2005. – Vol. 47, N 1–2. – P. 100–123.
31. Warner, N. Cues to Perception of Reduced Flaps [Text] / N. Warner, A. Fountain, B. V. Tucker // *JASA*. – 2009. – Vol. 125, N 5.– P. 3317–3327. – ISSN 0014966.
32. Wolfram, W. *Phonological Analysis. Focus on American English*. [Text] / W. Wolfram, R. Johnson. – Washington D. C. : Prentice Hall Regents, 1982. – 217 p.

УДК 81'342.1
UDC 81'342.1

Корыткин, Юрий Анатольевич
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Российская Федерация

Yuriy A. Korytkin
Amur State University,
Blagoveshchensk, Russian Federation

e-mail: korytkin76@mail.ru

СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ИНТОНАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

SPORT COMMENTARY DISCOURSE AND PECULIARITIES OF ITS INTONATION

Аннотация

Футбольный комментарий является самым частотным в информационном освещении спортивных соревнований. В настоящее время количество футбольных трансляций значительно возросло. При прочих равных условиях, зритель выбирает для приоритетного просмотра матч, который будет вести более интересный ему комментатор. Важным элементом, во многом определяющим качество и привлекательность футбольного комментария, является интонация. Общеизвестно, что в интонации следует различать два аспекта: коммуникативный и эмоциональный. Настоящее исследование посвящено сравнению параметров основного тона и интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных участках футбольного комментария. Результаты акустического анализа комментария двух дикторов-британцев дают основание вести речь о главенствующей роли основного тона при варьировании степени эмоциональности того или иного участка комментария. Общие средние, средние минимальные и средние максимальные значения F_0 существенно повышались на эмоциональных участках по сравнению с неэмоциональными. При одинаковой общей тенденции, степень повышения / понижения F_0 у дикторов несколько отличалась. Интенсивность эмоциональных и неэмоциональных отрывков варьировала очень незначительно у обоих дикторов.

Ключевые слова: футбольный комментарий, эмоциональность, интонация, основной тон, интенсивность.

Abstract

Football commentary is the most frequent among sports competitions that receive media coverage. Nowadays the amount of football live commentaries has significantly increased. All other conditions being equal, the viewer gives the priority to the match covered by the commentator who he / she considers the most interesting one. A key element that determines the quality and attractiveness of a football commentary to a great extent is intonation. There are two well-known aspects of intonation: communicative and emotional ones. The current research is aimed at comparing the parameters of fundamental frequency and intensity of non-emotional and emotional

excerpts of football commentary. The results of the acoustic study of the two subjects – British commentators – enable to speak about the major role of the degree of F0 variation in determining emotionality level of certain excerpts. Mean values, average minimum and average maximum values of F0 considerably increased in emotional excerpts compared to non-emotional ones. Besides this tendency common for both subjects there was a certain speaker-dependent variability of F0 increasing / decreasing. The intensity of emotional and non-emotional excerpts varied insignificantly with both subjects.

Keywords: football commentary, emotionality, intonation, fundamental frequency, intensity.

1. Общие особенности футбольного комментария

Комментарий сегодня является неотъемлемой частью информационного освещения спортивных соревнований. Футбольный комментарий здесь стоит особняком – футбол по праву считается спортом № 1, и количество трансляций футбольных матчей намного превосходит количество трансляций любого другого вида спорта, а то и нескольких вместе взятых. Являясь достаточно специфическим явлением, футбольный комментарий не имеет какого-либо официального и общепринятого определения. На основе личного опыта его можно определить как информационное сопровождение диктором трансляции футбольного матча, в основные задачи которого входят следующие:

- прямое описание происходящих на поле событий (в эпоху радиорепортажей эта задача была, по сути, единственной);
- заострение внимания зрителя/слушателя на наиболее ярких и интересных моментах;
- предварительный анализ игровых эпизодов и ситуаций;
- ознакомление зрителя/слушателя с дополнительной информацией об игроках, командах, турнирной ситуации и так далее.

Сегодня, с развитием компьютерных технологий, увеличением стоимости телевизионных прав и числа телекомпаний и каналов количество футбольных трансляций, как отмечалось выше, значительно возросло по сравнению с тем, что было, к примеру 20-30 лет назад. Соответственно, больше стало и комментаторов. И порой зритель при прочих равных условиях выбирает для приоритетного просмотра матч, который будет вести более интересный ему комментатор.

Почему же часто комментарий и комментатор не менее (а то и более) интересны для футбольного болельщика, чем сама игра? На этот вопрос, на мой взгляд, наиболее полно и развёрнуто ответил известный российский спортивный комментатор, телеведущий и актёр Александр Елагин:

«Я сравнил бы работу комментатора с саундтреком к фильму. Потому что без музыки даже самый интересный фильм, снятый самым авторитетным режиссером, потерял бы половину своей прелести и обаяния. Считаю, что хороший комментатор, через которого зритель ненавязчиво получает информацию о происходящем на поле – это как хороший саундтрек.

В этом отношении очень важен тембр голоса. Ведь наши великие комментаторы – Озеров, Синявский, Махарадзе – являются непревзойденными мастерами такого «саундтрека» благодаря голосу: у Синявского с хрипотцой, у Озерова мощный, силовой, у Махарадзе – бархатный, с акцентом. У них была великолепно поставленная русская речь, можно сказать, литературная, никаких заигрываний, никаких поддавок со зрителем – они говорили то, что видели.

Да, они были в рамках, потому что сверху осуществлялся жесткий контроль, но личность этих корифеев обогащала любой матч. А уж если и матч был на высшем уровне, то они добавляли еще больше нерва.

Озеров получил звание народного артиста после 1966-го года, когда – как он сам вспоминал – подслушал этот знаменитый латиноамериканский тянувшийся «го-о-о-л!». Это ведь не его изобретение: он как великолепный актер подслушал и в своей комментари пререподнес – а все просто обалдели! Вот что такое для меня комментаторская работа. Конечно, комментатор обязан досконально знать правила чтобы не попадать впросак, знать игроков, но главное – не мешать зрителю. Сопровождать, помогать, обогащать матч своим присутствием» [Footballtop, 2013].

С учётом вышеизложенного и переходя от спортивных аспектов комментария к собственно лингвистическим, можно сказать, что важным элементом, во многом определяющим привлекательность и качество футбольного комментария, является интонация.

2. Интонация: функции и компоненты

Л. Р. Зиндер пишет: «Широко распространено мнение (даже в лингвистических кругах), что интонация – вещь субъективная, что у каждого человека своя интонация. При этом нередко ссылаются на то, что один и тот же текст разные артисты читают по-разному и что разница в чтении может быть очень существенной. Факт несомненный, наблюдаемый очень часто. Однако различное чтение оказывается отнюдь не безразличным для осмысления текста. Различное интонирование одного и того же текста есть следствие различного понимания его разными чтецами. Одно и то же предложение можно произнести с различной интонацией. Но действительно ли оно будет оставаться при этом всё тем же предложением, т.е. с одним и тем же интеллектуальным и эмоциональным содержанием? Разумеется, нет. Оно каждый раз будет несколько иным» [Зиндер, 2007, с. 305].

Л. Р. Зиндер настаивает, что «Признание того, что интонация субъективна, было бы равносильно отрицанию её языковой функции, ибо субъективное, социально не обусловленное, не может иметь лингвистического значения. Совершенно очевидно, что отрицать языкового значения интонации невозможно, так как это противоречит объективному положению вещей. Если бы мелодика была субъективной, то она была бы непонятна. А раз мы её понимаем, т.е. связываем с ней определённый смысл, значит, она имеет объективное лингвистическое значение. Разумеется, индивидуальные особенности сказываются и в интонации, так же как они сказываются и при реализации фонем, но они не имеют лингвистического значения, а накладываются на то общее, что характерно для фонетического уклада данного языка» [Зиндер, 2007, с. 305].

На лингвистическом значении интонации настаивает Н. Д. Светозарова, определяя интонацию как совокупность символических просодических средств, обладающих языковыми функциями и осуществляющих организацию и членение речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения [Светозарова, 1983. с. 20–21].

По словам Л. Р. Зиндера, «Теснейшая связь, существующая между интонацией и смыслом предложения, делает её одним из важнейших факторов коммуникации. Известно, что для понимания предложения не обязательно узнавание всех

составляющих его слов. Контекст часто помогает восстановить нерасслышанное слово, а если даже такое «восстановление» и не происходит, то понимание смысла предложения в целом отнюдь не исключено. Не подлежит сомнению, что интонация играет при этом немаловажную роль» [Зиндер, 2007, с. 305].

В интонации следует различать два аспекта: один, который можно назвать коммуникативным, поскольку интонация сообщает, является ли высказывание законченным или незаконченным, содержит ли оно вопрос, ответ и т.п. Пример, разобранный в предыдущем параграфе, может служить иллюстрацией этого аспекта. Другой, который можно было бы назвать эмоциональным, состоит в том, что в интонации заключена определённая эмоция, которая всегда отражает эмоциональное состояние говорящего, а иногда и намерение его (впрочем, не всегда осознаваемое им) определённым образом воздействовать на слушающего. Последнее имеют в виду, когда говорят об «эмфазе» [Зиндер, 2007, с. 306].

Интонация выполняет следующие функции [Зиндер, 2007, с. 309 ; Светозорова, 1983, с. 29–40].

1. Интонация является средством членения речи на предложения и предложения на синтагмы. Это особенно важно в чтении, которое в наше время благодаря развитию радио и телевидения играет огромную роль. Отсюда вытекает, в частности, важность связи между знаками препинания на письме и интонацией. В результате действия данной функции слова, образующие смысловое единство, объединяются специальными фонетическими средствами в интонационное целое и фонетическими же средствами отделяются от слов, образующих другое смысловое единство. Интонация также отмечает, является ли данный отрезок речи конечной или неконечной синтагмой.

Выдвижение этой функции на первое место объясняется ее универсальностью: любая речь является интонационно расчлененной и интонационно организованной, а в грамотной, нормативной речи интонационное членение определяется смыслом. В случае омонимичных звуковых последовательностей интонация может служить единственным звуковым средством выражения смысла высказывания.

2. Интонация выражает отношения между интонационно-смысловыми единствами (различная степень их связи друг с другом, их относительная важность, равнозначность, подчиненность и т.д.). Основными фонетическими средствами выражения являются: пауза, мелодика, длительность и интенсивность в их особом – относительном проявлении. Например, разная степень связи выражается паузами разной длительности. Интонация также выражает отношения между элементами высказывания (элементами смысловых единиц), выражение относительного веса этих элементов. Так, интонация оформляет актуальное членение предложения. В зависимости от выделенности логическим ударением того или иного слова, соответственно то или иное из них будет означать новое (рему), что сообщается о данном (теме).

3. Интонация участвует в различении коммуникативных типов предложения, являясь иногда единственным средством так называемого общего вопроса. Важнейшим средством реализации этой функции является мелодика в ее конфигурационном проявлении. Может присутствовать автономно, например, в ситуации обмена собеседниками короткими репликами, когда рассмотренные ранее функции интонации не имеют возможности проявиться. Возможность различного в качественном отношении оформления интонационно-смысловых единиц при одном и том же типе членения и связи, создает базу для передачи

принципиально иной смысловой информации. При этом устойчивость связи между коммуникативным типом и типом интонации не абсолютна. Существует определенная свобода, в одних случаях приводящая к образованию варианта, а в других – к образованию иного смысла.

4. Эмоциональная функция. Интонация может выражать эмоциональные значения: сомнение, категоричность, сожаление, вызов, упрёк и т.д. В этом плане данная функция лингвистична, порождается сознательно, имеет эквиваленты в лексике. Но кроме этого, интонация может выражать общую эмоциональную окраску, которая в разных языках носит универсальный характер. В этом плане данная функция нелингвистична, порождается произвольно.

Схожего мнения относительно последней функции придерживается И. Г. Торсуева [Торсуева, 2009, с. 57], относя выражение эмоционального состояния к экстралингвистическим функциям, не формирующим интонационных единиц.

Согласно Л. Р. Зиндеру, «эмоциональный аспект интонации не обязательно связан со смысловым содержанием высказывания. Будет ли сказано предложение *Петров вернулся с радостью* или с сожалением, оно останется сообщением об одном и том же факте объективной действительности, иными словами – будет иметь одно и то же денотативное значение. Не отразится это и на синтаксической структуре предложения. Поэтому эмоциональный аспект до недавнего времени практически исключался из языковедения, а вопрос о его значении, с лингвистической точки зрения, о его языковой функции теоретически остаётся неисследованным и в наши дни. Вместе с тем эмоция высказывания, несомненно, связана с его модальностью, категорией, которой в современной лингвистике придаётся большое значение. И действительно, в каждом акте коммуникации отражено не только то, о чём идёт речь (денотативный аспект), но и отношение к сообщению со стороны говорящего (коннотативный аспект)» [Зиндер, 2007, с. 307].

Л. Р. Зиндер [Зиндер, 2007, с. 307] упоминает некоторые исследования, свидетельствующие о том, «что формы выражения эмоций, имея психофизиологическую основу, в этом смысле являются общечеловеческими. Наряду с этим существуют факты, делающие очевидным, что интонация различается от языка к языку. Когда мы слушаем иноязычную речь (даже при довольно хорошем знании соответствующего языка), от нас часто ускользают тонкие оттенки смысла, передаваемые незнакомыми нам интонационными средствами. Общеизвестно, как трудно, например, уловить на чужом языке шутку или иронию или выразить разные оттенки удивления, раздражения, презрения, уважения, доверия, недоверия и так далее, которые в большинстве случаев передаются только интонацией. Общеизвестно также, что труднее всего иностранцы усваивают именно интонацию. Лица, безукоризненно произносящие отдельные слова чужого языка, делают зачастую ошибки в интонации, особенно тогда, когда дело идёт о более значительных по объёму отрезках речи. Можно сказать, что интонация представляет наиболее характерный фонетический признак данного языка».

С несколько иного ракурса функции интонации выделяет Т. И. Шевченко [Шевченко, 2011, с. 142–150]: 1) синтаксическая – разделение на интонационные фразы или фразировка (границы в целом, но не полностью, совпадают с синтаксическими); 2) акцентная (членение на данное и новое или тему и рему и тому подобное с помощью распределения акцентов и фокуса в интонационной фразе); 3) эмоционально-модальная (передача эмоционального состояния гово-

рящего и его отношения к тому, что он говорит с помощью тонов, диапазона и так далее); 4) семантическая (способность изменять значение целого предложения или одного слова путём изменения мелодического контура).

Таким образом, интонация выполняет разнообразные функции, неотъемлемой частью которых является выражение универсальных и специфических для носителей разных языков эмоций. Способы этого выражения изучены недостаточно, что и побудило нас провести настоящее исследование.

В интонации традиционно выделяют ряд компонентов, тесно взаимодействующих при выполнении той или иной функции: 1) частоту основного тона голоса, иными словами, высотный или мелодический компонент (далее – ОТ); 2) интенсивность или динамический компонент (далее – ИТ); длительность и темп, иначе – временной / темпоральный компонент; 4) паузу; 5) тембр [Зиндер, 2007, с. 311]. И. Г. Торсуева называет их первичными параметрами и на их основе выделяет дифференторы – относительные изменения указанных параметров, которые и являются лингвистически релевантными [Торсуева, 2009]. Особенности динамики первых двух параметров при варьировании эмоционального уровня реплик мы попытались определить на материале британского футбольного комментария.

3. Эксперимент

3.1. Материал и методика исследования

Для выявления основного компонента интонации, определяющего эмоциональность комментария с акустической точки зрения, был проведён пилотный эксперимент. В качестве материала для исследования была использована аудиозапись английского комментария футбольного матча (со статьями и интервью о характеристиках и особенностях футбольного комментария можно ознакомиться на соответствующем сайте [Footballtop.ru, 2013]), состоявшегося 8 июля 2014 года в городе Белу-Оризонте, в Бразилии, в рамках XX Чемпионата мира по футболу, между сборными командами Бразилии и Германии. Матч транслировался в прямом эфире на телеканале BBC Sport [BBC Sport, 2014]. Статус матча был предельно высоким – полуфинал чемпионата мира, при этом итоговый результат оказался беспрецедентным – победа Германии со счётом 7–1. Репортаж вели два комментатора: Стив Уилсон (Steve Wilson) – профессиональный футбольный комментатор, постоянно работающий на BBC, и Мартин Киоун (Martin Keown) – бывший профессиональный футболист, игрок сборной Англии и лондонского «Арсенала», сотрудничающий с британскими футбольными каналами в качестве эксперта.

С помощью программы PRAAT [Praat: doing ..., 2014] были подготовлены 40 коротких фрагментов из репортажа, 20 из которых принадлежали одному комментатору, 20 – второму. При этом половина фрагментов с речью каждого комментатора носила ярко выраженный эмоциональный характер (фразы, произносимые во время голевых атак и непосредственно после их завершения). Вторая половина выбранных отрывков каждого диктора не имела какой-либо особенной эмоциональной окраски. На каждом участке были измерены параметры ОТ и ИТ.

3.2. Результаты исследования

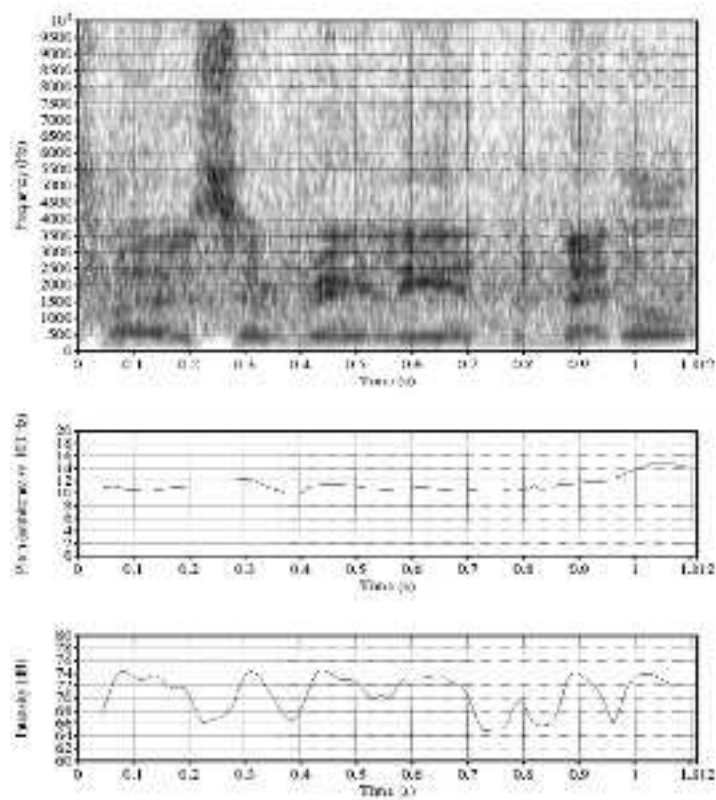
Ниже приведено содержание всех анализируемых фрагментов. В качестве иллюстративных примеров для каждого диктора представлены по одному рисунку из неэмоциональных и эмоциональных участков комментария со спектрограммами и графиками ОТ (Pitch) и ИТ (Intensity) (см. рис. 1–4).

Комментатор Стив Уилсон, неэмоциональные фрагменты

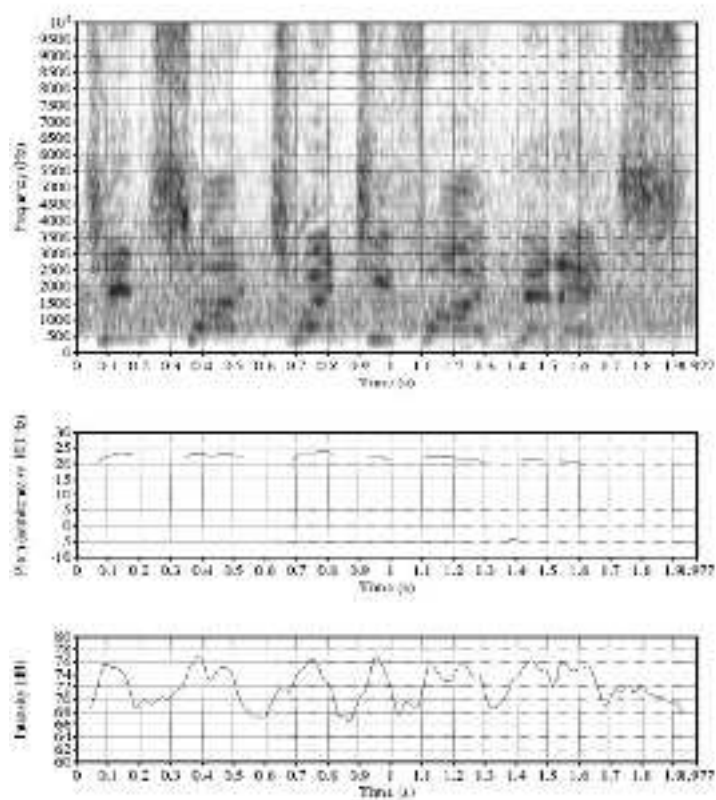
1. «And the referee is Marco Rodriguez of Mexico, his first game since the Uruguay-Italy match in Nathal, a vote of confidence in him from FIFA after he missed the Suarez's bite, his nickname ironically is Dracula».
2. «The World Cup's Golden Boot winner four years ago Thomas Müller has fired Germany in front in the twenty-fourteen semi-final»
3. «At half-time in the World Cup semi-final Brazil – nil, Germany – five».
4. «This is the first time Brazil 'ave ever considered five in a World Cup match».
5. «They've never lost a World Cup match by more than two».
6. «Captain for the ninth time of his country is David Luiz in the absents of Thiago Silva».
7. «Brazil without the superstar and without the captain».
8. «Fantastic atmosphere inside the Mineirao».
9. «Bernard over the top Hulk, he's off side»
10. «There was only Klose really in the middle, Özil was doing his best to get that too» (см. рис. 1).

Комментатор Стив Уилсон, эмоциональные фрагменты

11. «Thomas Müller from the corner puts Germany in front! His fifth goal of this World Cup!».
12. «Who picked him up? No one picked him up! And Müller scores!».
13. «Germany – two, Brazil – nil! And Miroslav Klose is the all-time World Cup record goalscorer!»
14. «Brazil have fallen apart inside twenty five minutes! Germany – three, Brazil – nil!» (см. рис. 2).
15. «Brazil are being humiliated, humbled and taken apart by Germany!»
16. «Five – nil! Five – nil! Absolute humiliation!».
17. «And the supporters simply cannot believe what they have seen».
18. «It is the biggest ever victory in a World Cup semi-final».
19. «And Brazil have a mountain to claim in their own back yard against Germany. The two down inside twenty three minutes».
20. «Klose! Brilliant save! Klose scores! Historic goal!».



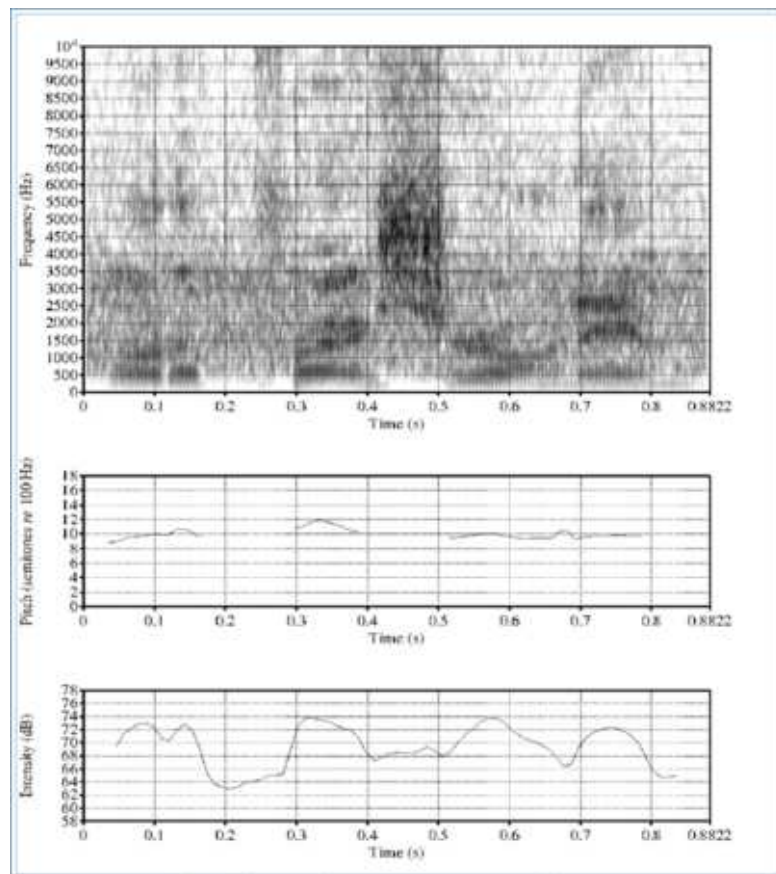
Р и с у н о к 1. «...Klose really in the middle...»



Р и с у н о к 2. «... inside twenty five minutes ...»

Комментатор Мартин Киоун, неэмоциональные фрагменты

1. «Can't wait, two of the big boys of world football. It's going to be fascinating. David Luiz certainly looking forward to this. If ever any player wanted to be captain more than anyone else you can just tell it's him. He's loving it».
2. «In eighteen minutes the hosts nation's emotions have gone from euthorical to autodesolation and despair».
3. «I'm sure that was completely out».
4. «Yes, going start a coming across, in chest in Oscar's course. He's going into that central road that Neymar is vacated today».
5. «Very important Gustavo it makes him stronger cause that lost those two big players but burden at his back today».
6. «Yeah, good moment for Dante, he coming in. What a pressure on him» (см. рис. 3).

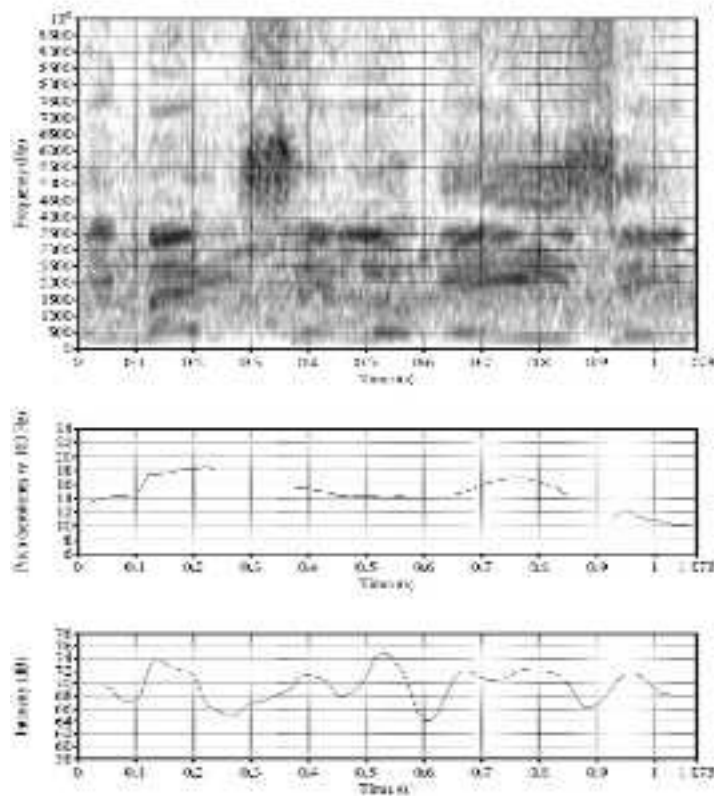


Р и с у н о к 3. «... what a pressure on him ...»

7. «Hulk should do better with the cross, though».
8. «Germany stop in the mountain any attacks, doing it very well in front to Khedira coming out, there's well to support».
9. «Fantastic finish. Top corner».
10. «That's Khedira at his best, those threaded little passes that he makes in the final third».

Комментатор Мартин Киоун, эмоциональные фрагменты

11. «To give that corner space at this level».
12. «Well, it's a ball that just goes ends of for the far post. He's totally unmarked».
13. «He makes it look easy, but it's just about concentration» (см. рис. 4).



Р и с у н о к 4. «... he makes it look easy ...»

14. «Stunning finish. I mean everyone of these is just sublime football, great finish».
15. «Stunning. They're absolutely punishing them. They look lost, the Brazilians».
16. «The ... that wants down to David Luiz, absolutely no discipline, it goes charging out. He's a great big hole to run into mega punished again».
17. «What a finish this is of his left foot done it. It's just smashes a in».
18. «What a finish that is! Goes like an arrow».
19. «So unprofessional! Less it could closing down. Khedira, look at this, just gives it him back».
20. «Well, it's is if without the two main players, just like pulling the plug out the bath».

Для каждого фрагмента были посчитаны значения частоты ОТ (F0) и интенсивности – минимальные, максимальные и средние на участке. Затем были определены соответствующие общие средние показатели для каждого диктора отдельно по эмоциональным и неэмоциональным фрагментам. Результаты представлены в таблицах 1–4.

Т а б л и ц а 1. **Основной тон (комментатор Стив Уилсон)**

Неэмоциональные фрагменты				Эмоциональные фрагменты			
№	min	max	average	№	min	max	average
1	108	278	211	11	77	416	346
2	169	311	250	12	274	419	341
3	134	323	239	13	244	420	360
4	132	277	217	14	276	399	355
5	121	186	157	15	240	393	335
6	157	308	208	16	231	453	357
7	207	306	264	17	241	335	299
8	163	274	220	18	220	315	275
9	84	254	166	19	240	418	340
10	159	288	195	20	333	441	401
Среднее	143	281	213	Среднее	238	401	341

Как видно из таблицы 1, средние показатели F0 эмоциональных фрагментов значительно превышают аналогичные показатели неэмоциональных фрагментов. Минимум основного тона эмоциональных фрагментов больше соответствующего минимума неэмоциональных фрагментов на 95 Гц или в 1,7 раза, максимум – на 120 Гц или в 1,4 раза, средний показатель – на 128 Гц или в 1,6 раза. При этом если сравнивать все выбранные фрагменты, то даже условно наименее эмоциональный фрагмент из эмоциональных по показателям основного тона превышал условно наиболее эмоциональный из неэмоциональных: минимум 220 Гц, максимум 315 Гц, средний 275 Гц против соответственно 207 Гц, 306 Гц, 264 Гц (несмотря на то, что отнесение к эмоциональным и неэмоциональным было осуществлено достаточно однозначно, уровень эмоций (восторга) в тот момент, когда немецкие футболисты забивали второй и третий мячи, был заметно выше, чем когда были забиты шестой и седьмой, т.е. по сути исход игры был уже всем ясен). Существенная разница OT на неэмоциональных и эмоциональных фрагментах данного комментатора проиллюстрирована на рисунках 1–2. На неэмоциональном фрагменте (см. рис. 1) график OT реализуется в пределах 10–15 полутонов, тогда как на эмоциональном фрагменте (см. рис. 2) – в пределах 20–25 полутонов. Следует отметить, что в данных примерах диапазон варьирования был стабильным – в пределах 5 полутонов – и на неэмоциональном, и на эмоциональном фрагментах. Эмоциональность была достигнута только повышением уровня OT на 10 полутонов по минимальному и столько же – по максимальному значениям.

Что касается интенсивности (см. табл. 2), то по этому показателю эмоциональные и неэмоциональные отрывки отличаются очень незначительно. Ин-

тенсивность эмоциональных фрагментов превышает соответствующие показатели интенсивности неэмоциональных фрагментов на 4 дБ, 1 дБ, 2 дБ (соответственно минимум, максимум, среднее).

Т а б л и ц а 2. Интенсивность (комментатор Стив Уилсон)

Неэмоциональные фрагменты				Эмоциональные фрагменты			
№	min	max	average	№	min	max	average
1	63	76	71	11	63	76	73
2	63	76	71	12	65	75	72
3	65	77	72	13	70	77	74
4	63	77	73	14	69	77	74
5	61	74	69	15	68	77	74
6	64	76	72	16	71	77	75
7	64	75	72	17	67	77	73
8	65	76	72	18	67	76	73
9	65	76	71	19	66	77	73
10	65	76	72	20	71	77	74
Среднее	64	76	72	Среднее	68	77	74

Данные таблицы 3 также демонстрируют превышение средних показателей F0 эмоциональных фрагментов соответствующих показателей неэмоциональных фрагментов. Но при этом абсолютные значения данного превышения меньше, чем у первого комментатора. Минимум основного тона эмоциональных фрагментов больше соответствующего минимума неэмоциональных фрагментов на 34 Гц (в 1,3 раза), максимум – на 50 Гц (в 1,2 раза), средний показатель – на 46 Гц (в 1,3 раза). Меньший размер отклонений скорее всего связан с индивидуальными особенностями второго комментатора, который на протяжении всего репортажа менее ярко выражал свои эмоции, и в моменты взятия ворот был склонен не столько восторгаться мастерством атакующей команды, сколько разбирать ошибки защитников (возможно, поскольку сам в свою бытность футболистом играл в центре обороны). Разница ОТ на неэмоциональных и эмоциональных фрагментах данного комментатора проиллюстрирована на рисунках 3–4. На неэмоциональном фрагменте (см. рис. 3) график ОТ реализуется в пределах 8,5–12 полутонов, тогда как на эмоциональном фрагменте (см. рис. 4) – в пределах 10–18 полутонов. Здесь обращает на себя внимание не только повышение общего уровня ОТ, но и больший диапазон ОТ в эмоциональном фрагменте.

Т а б л и ц а 3. **Основной тон (комментатор Мартин Киоун)**

Неэмоциональные фрагменты				Эмоциональные фрагменты			
№	min	max	average	№	min	max	average
1	95	211	161	11	167	249	219
2	106	216	162	12	178	275	215
3	141	166	150	13	178	291	232
4	139	231	185	14	132	259	196
5	127	180	151	15	170	254	211
6	137	198	171	16	162	274	210
7	118	176	162	17	150	260	201
8	133	217	156	18	119	217	170
9	137	325	177	19	177	270	221
10	113	164	134	20	158	231	197
Среднее	125	208	161	Среднее	159	258	207

Интенсивность эмоциональных фрагментов (табл. 4), как и у первого диктора, отличается очень незначительно и превышает соответствующие показатели неэмоциональных фрагментов в среднем на 1 дБ.

4. Выводы

На основании результатов проведённого акустического анализа комментария двух дикторов-британцев можно сделать следующие выводы.

Главным показателем, определяющим эмоциональность спонтанной речи во время футбольного комментария с акустической точки зрения, является уровень F0. Общие средние, средние минимальные и средние максимальные значения F0 стабильно повышались на эмоциональных участках по сравнению с неэмоциональными. Возможно, ещё одним важным показателем следует назвать диапазон OT, однако необходимо расширение корпуса исследования для более обоснованного вывода по данному аспекту.

При сохранении общей тенденции, степень повышения / понижения F0 у дикторов несколько отличалась. Внутри эмоциональных участков возможно выделение градаций эмоциональности, что и составит перспективу исследования. Перцептивный эксперимент, основанный на методе шкалирования, поможет решить поставленную задачу.

Интенсивность эмоциональных и неэмоциональных отрывков варьировала очень незначительно у обоих дикторов. На данном этапе исследования указанный параметр не может претендовать на ведущую роль в акустическом выражении эмоциональности.

Т а б л и ц а 4. Интенсивность (комментатор Мартин Киоун)

Неэмоциональные фрагменты				Эмоциональные фрагменты			
№	min	max	average	№	min	max	average
1	63	75	71	11	68	76	72
2	64	78	74	12	64	75	72
3	65	73	70	13	66	75	72
4	65	75	71	14	67	75	72
5	63	75	71	15	66	76	72
6	65	76	72	16	66	76	73
7	68	75	72	17	67	76	73
8	64	75	71	18	66	76	72
9	67	75	72	19	65	77	73
10	66	72	70	20	66	76	72
Среднее	65	75	71	Среднее	66	76	72

Список литературы

1. Светозарова, Н. Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Светозарова Наталья Дмитриевна ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л, 1983. – 514 с.
2. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб. : Филол. фак. С-Петербург. гос. ун-та, М. : Академия, 2007. – С. 7–354.
3. Торсуева, И. Г. Интонация и смысл высказывания [Текст] / И. Г. Торсуева. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 112 с.
4. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка [Текст] / Т. И. Шевченко. – Дубна : «Феникс+», 2011. – 256 с.
5. Praat: doing phonetics by computer [Electronic Resource]. – 2014. – URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
6. BBC Sport [Electronic Resource]. – 2014. – URL: <http://www.bbc.com/sport/0/>
7. Footballtop.ru [Electronic Resource]. – 2013. – URL: <http://www.footballtop.ru/tags/kommentatorskaya-budka>

References

1. Svetozarova, N. D. Prosodicheskaja organizacija vyskazyvanija i intonacionnaja sistema jazyka [Tekst] : dis. ... dokt. filol. nauk : 10.02.19 / Svetozarova Natal'ja Dmitrievna ; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. – L, 1983. – 514 s.

2. Zinder, L. R. Obshhaja fonetika [Tekst] / L. R Zinder // Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i. – SPb. : Filol. fak. S-Peterb. gos. un-ta, M. : Akademija, 2007. – S. 7–354.
3. Torsueva, I. G. Intonacija i smysl vyskazyvanija [Tekst] / I. G. Torsueva. – 2-e izd. – M. : Librokom, 2009. – 112 s.
4. Shevchenko, T. I. Fonetika i fonologija anglijskogo jazyka [Tekst] / T. I. Shevchenko. – Dubna : «Feniks+», 2011. – 256 s.
5. Praat: doing phonetics by computer [Electronic Resource]. – 2014. – URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
6. BBC Sport [Electronic Resource]. – 2014. – URL: <http://www.bbc.com/sport/0/>
7. Footballtop.ru [Electronic Resource]. – 2013. – URL: <http://www.footballtop.ru/tags/kommentatorskaya-budka>

УДК 372.881.111.1
UDK 372.881.111.1

Кравец Татьяна Владимировна, Блохинская Людмила Олеговна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация

Tatyana V. Kravets, Lyudmila O. Blokhinskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

e-mail: t_kravetc@mail.ru , blokhinskaya@mail.ru

**ПУТИ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ
НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ**

**THE WAYS OF OVERCOMING DIFFICULTIES
IN TRANSLATING SPECIAL ORIGINAL ENGLISH LITERATURE
AT NON-LINGUISTIC DEPARTMENTS**

Аннотация

В статье рассматриваются пути и способы развития у студентов навыков перевода текстов по специальности. Объектом научного анализа является переводческая деятельность (переводческая составляющая обучения). Предмет исследования – задания, ориентированные на формирование переводческих умений и навыков, с помощью которых студенты могут продемонстрировать владение лексикой, являющейся важным показателем уровня иноязычной коммуникативной компетенции. Авторы констатируют что, переводческая составляющая обучения основана на семантически и грамматически обоснованной системе отбора материала (разграничение и сбалансированность общеупотребительной и профессиональной лексики, грамматики, соответствующая тематика текстов).

Ключевые слова: переводческие умения и навыки, упражнения, профессионально-ориентированный характер обучения, понимание иноязычного текста, система отбора материала.

Abstract

The article presents the ways and means of developing students' skills of the original literature translation for specific purposes. We examine different approaches to organization of students' translating activities. The subject of the research is different types of tasks and exercises aimed at the students' translating skills development that would help students demonstrate their command of lexical units that are an important indicator of their level of a foreign language communicative competence. We state that translation as an integral part of learning activity dwells upon semantically and grammatically-based system of language material selection (grouping and balancing common and specific vocabulary and grammar, choosing appropriate specific texts, etc.).

Keywords: translating skills of, exercises, teaching a foreign language for specific purposes, understanding authentic specific texts, the system of selecting reading materials.

Как известно, курс обучения иностранному языку в неязыковом вузе носит коммуникативный, профессионально-ориентированный характер и ставит целью развитие у студентов способности обмена информацией в сфере профессиональной деятельности. Другими словами, под коммуникативной компетенцией понимается высокая степень обученности выпускника вуза определенным видам иноязычной речевой деятельности: чтению, письму, аудированию, говорению и, наконец, переводу как специфическому вторичному виду речевой деятельности в свете современных требований к специалисту для профессионального общения. Учитывая, что основным направлением в овладении иностранным языком в неязыковом вузе можно считать формирование навыков и умений чтения специальной литературы и умений высказаться по специальности, перевод можно считать единственно эффективным путем к пониманию иноязычного текста. Исходя из вышеизложенного, попытаемся обобщить опыт работы с заданиями, ориентированными на формирование переводческих умений и навыков, с помощью которых студенты могут продемонстрировать владение лексикой, являющейся важным показателем уровня иноязычной коммуникативной компетенции.

В условиях неязыкового вуза целесообразно говорить об овладении навыками перевода научного текста по специальности с иностранного языка на русский, что требует наличия у специалиста специфических языковых навыков и умений. Достичь вышеназванных целей можно организационно-деятельностными подходами к обучению и подбором соответствующего текстового материала, поскольку текст является самым распространенным форматом содержания обучения, используемого в практике преподавания иностранных языков. Интегрированность данных подходов обучения иностранному языку в неязыковом вузе в процесс профессиональной подготовки обуславливает использование актуального текстового материала и овладение средствами перевода. Переводческая составляющая обучения основана на семантически и грамматически обоснованной системе отбора материала (разграничение и сбалансированность общеупотребительной и профессиональной лексики, грамматики, подбор текстового материала).

Организация переводческой деятельности связана с решением целого комплекса непростых задач по формированию умений студентов работать со словарями, с постепенным усложнением текстов – от простых учебных до аутентичных текстов по специальности, – их проблемного обсуждения. Задача преподавателя – научить пониманию, свободному оперированию текстовым материалом. Специальные тексты, которые используются в процессе обучения иностранному языку, обладают определёнными особенностями, в первую очередь, это наличие специальной лексики и терминологии. К специфической лексике относятся также слова и словосочетания, не обладающие свойствами термина идентифицировать понятия и объекты в определённой области, но употребляемые почти исключительно лишь в этой сфере. Перевод такой лексики и, тем более, необходимых контекстуальных соответствий терминологические словари почти не дают, что ведёт к серьёзным проблемам при чтении и переводе текста.

Прежде чем переходить непосредственно к обучению переводу, с первого же занятия следует обратить внимание на умение студентов пользоваться двуязычным словарем. Зачастую выясняется, что нечёткое знание алфавита создает основные

трудности в поисковой работе со словарем. Многие студенты уверены в том, что электронный переводчик полностью заменил двуязычные словари, поэтому на первых этапах внеаудиторной работы с текстами они полностью полагаются на компьютерный перевод, который не всегда можно назвать адекватным.

На качество перевода оказывает влияние способность «находить в языковых системах те закономерности, которые определяют место каждой языковой единицы в соответствующем семантическом окружении смысловой ситуации языков переводимых оригиналов, то есть которые диктуют единственную контекстную возможность адекватной передачи содержания текста или речи» [Зиновьева, 2003, с. 2]. Для того, чтобы определить, какое именно значение необходимо взять при переводе, студентов знакомят с методом контекстуального анализа текста, при котором наряду с индивидуальными признаками слова учитываются признаки контекста. Контекст можно определить, как «некоторое ситуационное значение текста или его фрагмента, его глубинное значение, стоящее за языковой формой» [Колшанский, 1980, с. 3]. Часто у студентов развита способность к аналогии, которая бывает ошибочной, особенно при переводе интернациональных слов, например, *data* – *дата* вместо *данных*, *record* – *рекорд* вместо *записи*, *standard of living* – *стандарт жизни* вместо *уровня жизни*. Кроме того, «ложными друзьями переводчика» могут оказаться паронимы, например, *to affect* – *to effect* и подобные. Явление межъязыковой паронимии (звукового сходства слов двух языков) и межъязыковой омонимии (звукового тождества слов) нередко приводит к комическим недоразумениям.

Работа с текстом требует от читающего, в первую очередь, знания самого языка, что включает знание лексики, идиоматических выражений, правил грамматики, орфографии, знания лексических и синтаксических средств связности текста. В связи с этим, целесообразно формировать умения и навыки, необходимые для осуществления различных видов перевода, которые развиваются в процессе обучения с помощью специальных упражнений, а также путём тренировок в выполнении перевода определённого вида.

В зависимости от целей и задач, стоящих перед студентом или преподавателем, на занятиях переводом могут выполняться различные виды упражнений. В соответствии с практической направленностью обучения переводу можно применить следующие группы заданий [Ахметова, Мартемьянова, 2015]:

1) упражнения, направленные на формирование навыков и умений, необходимых для осуществления любого вида переводческой деятельности (например, навыков девербализации, трансформации; умение осуществлять анализ и синтез, определять стиль и жанр текста и др.);

2) упражнения, формирующие навыки и умения, необходимые при реализации перевода того или иного вида (письменного перевода с иностранного языка на родной – техники чтения, в том числе лингвистического и филологического, сегментации переводимого текста, редактирования, использования словарей и другой справочной литературы и т. д.; для устного перевода с иностранного языка на родной – навыков и умений аудирования, техника речи, переключения, определения коммуникативного умения говорящего, сжатия текста без утраты существенных элементов, кодирования и восстановления закодированного текста, одновременного выполнения нескольких действий и т. д.);

3) упражнения, направленные на расширение и закрепление знаний;

4) упражнения языковые (лексические, фразеологические, грамматические, стилистические);

5) упражнения речевые;

6) упражнения, направленные на отработку одного явления или одной трудности, и упражнения комплексные, выполнение которых требует владения несколькими или многими знаниями, навыками и умениями, и так далее.

Остановимся более подробно на упражнениях, направленных на выработку таких абсолютно необходимых при переводе иноязычного текста навыков, как девербализация, трансформация и переключение, а также на языковых и речевых упражнениях.

К упражнениям, направленным на формирование навыка девербализации относятся следующие.

Чтение текста со счетом. Студентам предлагается прочесть текст глазами при одновременном счете вслух, после чего необходимо пересказать содержание текста. Начинать такие упражнения следует с чтения текстов на родном языке, а потом переходить на иностранные тексты. Счет также следует усложнять. Сначала обучаемые считают на родном языке, а потом на иностранном. Одновременно упражнение способствует развитию оперативной памяти и становлению навыков управления своим вниманием.

Микрореферирование. Студентам предлагается сообщение в виде письменного текста объемом в 800–1000 печатных знаков, из которого они должны выписать ключевые слова, то есть слова, несущие основную информацию. На эту работу выделяется две минуты (время постепенно сокращается). После этого текст изымается, а обучаемые должны устно предложить свои варианты пересказа всего сообщения, опираясь только на записанные слова. Начинать упражнение рекомендуется с текста на родном языке, а потом на иностранном с его последующим переводом. Упражнение следует использовать и для формирования навыков и умений смыслового анализа текста с выделением ключевой информации.

Фиксирование информации без слов. В процессе восприятия устного текста, студенты фиксируют его содержание на бумаге при помощи тех или иных знаков, символов или рисунков, не прибегая к словам. Обозначения выбирают сами учащиеся, но им можно напомнить, что вопросительный знак способен заменять слова (вопрос, проблема, задача, спор и т. п.), небольшой кружок напоминает не только о круглом столе, но и о всевозможных совещаниях, встречах, беседах, переговорах и тому подобном. После прослушивания текста обучаемые восстанавливают его содержание, опираясь на придуманные ими символы или рисунки. Начинать работу с этим упражнением следует с текстов на родном языке, а потом переходить на иностранный. Данный вид упражнений подготавливает студентов к усвоению системы записей в последовательном переводе.

Упражнения, направленные на формирование навыка **трансформации**. Здесь можно выделить три разновидности заданий.

1. Студентам предлагается список слов и выражений, к которым они должны найти синонимические замены или подобрать антонимы. Например:

Give the opposites to: liabilities, receivables, long-term liabilities, tangible assets, profit, single-entry bookkeeping, fall, increase, lend, debtor.

Give the synonyms to: deal, rival, revenue, entity, statement of financial position, charge, general accountant, evaluate, management accounting, depreciation [Understanding accounting..., 2011, с. 51].

2. Упражнения на словообразование (Word-building), которые могут выглядеть следующим образом.

A. Complete the table: write the appropriate related words under each heading.

<i>noun</i>	<i>adjective</i>	<i>verb</i>	<i>meaning</i>
		<i>finance</i>	
<i>account</i>			
	<i>payable</i>		
<i>profit</i>			

B. Form the verbs from the following nouns.

Finance, credit, import, increase, discount, interpret, export, control, supply, purchase, face, experience, debit, proceed, decrease, transfer, persuade, deposit [Understanding accounting..., 2011, с. 36–37].

3. Упражнения в глобальной трансформации речи. Для этого упражнения подбираются газетные сообщения в 500–800 печатных знаков, которые предлагаются учащимся для передачи их на родном языке с условием не употреблять слова, уже имеющиеся в тексте. На продвинутом этапе можно переходить к текстам на иностранном языке. Хорошими результатами можно считать интерпретацию, выполненную с листа, без пауз и достаточно грамотно. Данное упражнение очень эффективно и для работы над техникой устной речи.

Упражнения для формирования навыка **переключения**, тренируемого с помощью записи прецизионных слов. Имеется в виду фиксирование под диктовку названий месяцев, дней недели, имён собственных на иностранном языке с помощью различных приёмов. К таким приёмам относятся:

1) запись с помощью порядковых числительных названий месяцев и дней недели: так, понедельник получает обозначение "1", вторник – "2", среда – "3" и так далее; месяцы имеют соответственно обозначения от "1" до "12";

2) показ на географической карте названий городов, рек, озёр, островов, морей, проливов, продиктованных на иностранном языке, а также достопримечательностей крупных городов на плане этих городов;

3) название профессии, должности, страны проживания, а если возможно, то и произведений искусства или литературы в процессе диктовки на иностранном языке имён политических деятелей, учёных, литераторов, художников и прочее.

Синхронизированный перевод словосочетаний. Для этого упражнения отбираются наиболее употребительные по той или иной тематике словосочетания, которые называются учителем вразброс, то на иностранном, то на родном языках. Словосочетания читаются сначала в замедленном, а потом в нормальном темпе и независимо от того, успевают ли учащиеся их переводить. Текст упражнения повторяется до тех пор, пока не достигнуты удовлетворительные результаты у всей группы. Например, *a detailed record; to keep accounts; счет (бухгалтерского учета), записывать на счет; to measure business activities; events affecting the financial performance; квалифицированный бухгалтер, бухгалтер с управленческими функциями* и тому подобное. Набор словосочетаний от занятия к занятию меняется с периодическим повторением нескольких из них. Такое упражнение полезно делать и с разговорными клише, которые таким образом усваиваются быстрее и более прочно, чем в других упражнениях.

Процесс овладения обучаемыми лексическими навыками содержит комплекс проблем, связанных с многоаспектностью слова, обладающего грамматическим и собственным (лексическим) статусом, многомерностью смысловых отношений слова в словаре, непосредственной соотнесенностью слова с неязыковой действительностью [Акопова, Измайлова, 2001, с. 8], что обуславливает разработку языковых упражнений. Приведём примеры языковых упражнений, направленных на формирование лексических и грамматических навыков.

А. Лексические навыки

1. Define accounting terms:

a)

Term	Translation	Answers
1. overhead costs	a) учетная практика некоммерческих организаций	1. _____
2. tangible asset	b) накладные расходы	2. _____
3. non-profit accounting	c) материальный актив	3. _____

b)

Translation	Term	Answers
1) накладные расходы	a) tangible asset	1. ____
2) материальный актив	b) non-profit accounting	2. ____
3) учетная практика некоммерческих организаций	c) overhead costs	3. ____

2. Classify the following words according to:

- 1) слова, обозначающие текущие материальные активы компании;
- 2) слова, обозначающие текущие нематериальные активы компании;
- 3) слова, обозначающие долгосрочные материальные активы компании;
- 4) слова, обозначающие долгосрочные нематериальные активы компании;
- 5) слова, обозначающие долгосрочные пассивы компании;
- 6) слова, обозначающие текущие пассивы компании.

Office equipment; salaries; copyright; long-term loans; money in cash; investments in bonds; accounts receivable; stock-in trade; wages; real estate; trademarks; taxes on property; computers; short-term investments in stocks; goodwill; company buildings; short-term loans; accounts payable; patents.

3. Define whether it is a noun, a verb, an adverb, an adjective, a preposition.

Accountant, external, reduce, support, depend, audit, procedure, inaccurate, typically, without, profit, scarce, purpose, total, lender, primary, unfamiliar, reasonable, schedule, statutory, determine [Understanding accounting..., 2011, с. 55–56].

Следует добиваться более быстрого ответа студентов. Упражнение практикуется на начальном этапе обучения переводу на родном языке обучаемых с постепенным переходом на иностранный. Упражнение формирует не только навыки трансформации, но и обогащает словарь студентов.

Б. Грамматические навыки

Такие явления, как пассивные конструкции, инфинитивные и причастные обороты, модальность и эмфатические и инверсионные структуры, относятся к грамматическим трудностям «высшего порядка» и требуют особого внимания при разработке упражнений на формирование грамматических приёмов перевода. Приведём примеры заданий [Understanding accounting..., 2011, с. 58].

I. Define the form of the Gerund.

1) *being met* 2) *talking* 3) *having been introduced* 4) *regulating* 5) *having transferred* 6) *being read* 7) *having been told*.

II. Using the Gerund open the brackets and translate the sentences into Russian.

1. *(To keep) records accurately is very important both for a company and tax authorities.* 2. *After (to post) the data the bookkeeper began (to calculate) debit and credit balances.* 3. *Double-entry bookkeeping speeds up (to check) accounts by (to show) whether they are in balance.* 4. *The bookkeeper informed the Financial Manager of the first three steps of the accounting cycle (to complete) by his department.*

III. Translate into English using the Gerund.

1. *The main task of financial account is to concentrate his attention on (нравильном управлении деньгами компании и подготовке отчетов в соответствующее время).* 2. *Any owner of a business is interested in (управлении компанией) as efficiently as possible.* 3. *The company manager and the board of directors are responsible for (проведение общей политики).*

IV. Translate into English using the Infinitive and paying attention to its functions.

1. *The task of bookkeeping (состоит в том, чтобы записывать) systematically all transactions of the company and (обеспечивать) accounting with all necessary data.* 2. *An error in records of this transaction (как говорят, была сделана) at the posting step when the accountant transferred the data from the journal into ledger.* 3. *(Для того, чтобы была закончена) the bookkeeper's work, a trial balance summarizing all debits and credits should be prepared at the end of the fiscal year.*

V. Fill the gaps with the following modal verbs: can, must, should.

1. *According to the most general classification, capital ... be classified as physical, human and financial.* 2. *The latter ... be grouped into fixed and circulating.* 3. *The money ... be exchanged for whatever goods and services a producer requires* [Understanding accounting..., 2011, с. 99–100].

VI. Find among the sentences the Absolute Participial Construction and translate them into Russian:

1. *The trial balance having been successfully prepared, the bookkeeping portion of accounting cycle is completed.* 2. *Record keeping of companies being based on a double - entry system, each transaction is recorded on the basis of its dual impact on the company's financial position.* 3. *A typical account has two sides, the items on the left side being called debits, while the items on the right side being credits.*

В ходе практических занятий представляется целесообразным предложить студентам подбирать примеры переводов перфекта, модальности, инфинитивных форм или любых других грамматических категорий, требующих

определенных трансформаций. Это способствует накоплению собственного опыта студентов и приучает к более внимательному отношению к тексту в ходе учебного перевода.

Реализация коммуникативной функции с точки зрения создания ролевых ситуаций, помогающих развить речевые умения, организовать и представить речевые средства, преодолеть «языковой барьер», а также продумать стратегию построения коммуникации, также возможна в условиях реализации переводческих функций. Этому будут способствовать **речевые упражнения**.

Agree or disagree with the following statements.

1. Accounting is the language of literature and finance.
2. We don't know when and where accounting was born.
3. It is a role of accounting standards to attempt to reconcile the conflicts.
4. In 1873 The International Accounting Standards Committee was established to coordinate the development accounting standards internationally.
5. The study of accounting begins with the understanding of the way in which the economists see the business transaction.
6. A business entity is an economic unit [Understanding accounting..., 2011, с. 36–37].

Для развития навыка разметки и анализа текста также рекомендуется ряд упражнений. В частности, преподаватель может предложить разбить данный сегмент текста на несколько частей для упрощения перевода, либо проделать обратную работу на укрупнение конструкции.

В силу языковых особенностей при переводе с английского на русский язык возникает необходимость применения **грамматических приёмов перевода**. Для этого предлагаются следующие виды заданий.

1. Проведите синтаксический анализ предложений текста, определите тип предложения: простое, распространенное, сложноподчиненное, сложносочиненное.
2. Проведите синтаксический разбор каждого предложения, выделите главные (подлежащее, сказуемое) и второстепенные (дополнение, обстоятельство, определение) члены каждого предложения.
3. Рассмотрите пары слов, переведите их: flexible – flexibility; predicted – unpredicted; product – production.
4. Определив синтаксическую функцию слов в тексте, дайте их адекватный перевод: changes, covers, order, control, controls, multiple, manufacture, like, effort, sets, routing.
5. Переведите многочленные атрибутивные словосочетания. Обратите внимание на порядок перевода каждого из слов, их составляющих: machine flow; machine flexibility; new production types; central control computer; time effort; mass production; large scale changes; parts flow; computer numerical control; most flexible manufacturing systems.
6. Определите, в какой функции (сказуемого, определения или составной части сказуемого) представлены формы глагола: considered; predicted; executed; called; predicted; unpredicted; changed; automated; connected.
7. Определите видовременную форму и залог сказуемых: is considered; are connected; is found. Дайте их неопределенную форму.
8. Соедините существительные с формой глагола в страдательном залоге. Переведите словосочетания: the ability to be changed; this flexibility is considered to fall into; the system's ability to be changed to produce; the machines are connected.

9. Догадайтесь о значении глагола *to fall* в словосочетании *is considered to fall into two categories*.

10. Сравните функции грамматических форм: *to be changed*; *is considered*. Какие грамматические категории объединяют их, и в чем их отличия?

11. Определите функции герундиальных форм в тексте. Найдите случаи употребления герундия с формальным определителем.

12. Определите, чем является данная -ing форма: герундием или причастием: *handling system*; *in managing manufacturing*.

Таким образом, при обучении переводу в зависимости от целей, которые преследуются при формировании переводческих навыков и умений (овладение студентами умениями девербализации, трансформации и переключения, лексическими, грамматическими навыками и речевыми умениями) важную роль играют специально подобранные упражнения и соответствующий текстовый материал.

Список литературы

1. Акопова, М. А. Роль иностранного языка в подготовке квалифицированного специалиста по связям с общественностью [Текст] / М. А. Акопова, А. Г. Измайлова // Вопросы методики преподавания в вузе. СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 7–11.
2. Ахметова, А. Р. Упражнения в процессе обучения переводу [Электронный ресурс] / А. Р. Ахметова, В. Г. Мартемьянова / 1 сентября – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/567599/2015/06/19>
3. Зиновьева, Л. Ю. Роль контекста в усвоении иноязычной лексики [Текст] / Л. Ю. Зиновьева // Вестник. Серия «Гуманитарные науки». – 2003. – №1 (8), – С. 152–154.
4. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 150 с.
5. Understanding accounting [Электронный ресурс]: учеб. пособие для бакал. 080100.62 – Бухгалтерский учет, финансовый анализ и аудит / АмГУ, ФФ; сост. Л. О. Блохинская. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2011. – 192 с.

References

1. Akopova, M. A. Rol' inostrannogo jazyka v podgotovke kvalificirovannogo specialista po svjazjam s obshhestvennost'ju [Tekst] / M. A. Akopova, A. G. Izmajlova // Voprosy metodiki преподаvanija v vuze. SPb., 2001. – Vyp. 3. – S. 7–11.
2. Ahmetova, A. R. Uprazhnenija v processe obuchenija perevodu [Jelektronnyj resurs] / A. R. Ahmetova, V. G. Martem'janova / 1 sentjabrja – Rezhim dostupa: <http://festival.1september.ru/articles/567599/2015/06/19>
3. Zinov'eva, L. Ju. Rol' konteksta v usvoenii inojazyčnoj leksiki [Tekst] / L. Ju. Zinov'eva // Vestnik. Serija «Gumanitarnye nauki». – 2003. – №1 (8). – S.152–154.
4. Kolshanskij, G. V. Kontekstnaja semantika [Tekst] / G. V. Kolshanskij. – M.: Nauka, 1980. – 150 s.
5. Understanding accounting [Jelektronnyj resurs]: ucheb. posobie dlja bakal. 080100.62 – Buhgalterskij uchet, finansovyj analiz i audit / AmGU, FF; sost. L. O. Blohinskaja. – Blagoveshhensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2011. – 192 s.

УДК 811' 111
UDC 811'111

Матвеева Елена Владимировна, Ма Татьяна Юрьевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация

Elena V. Matveeva, Tatyana Y. Ma
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

e-mail: tdovnar@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА АНТИТЕЗЫ**

**A COGNITIVE POTENTIAL
OF THE STYLISTIC DEVICE OF ANTITHESIS**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению критериев, положенных в основу выделения стилистического приема антитезы и определения понятия о нем с учетом когнитивного потенциала данной фигуры речи. Антитеза относится к разряду сложных фигур речи, не имеющих единого общепринятого определения. Анализ различных трактовок данного стилистического приема позволяет выделить критерии, лежащие в основе понятия антитезы: противопоставление, сопоставление, эмоциональная окрашенность, антонимы, способствующие возникновению контекстуальных приращений, параллелизм синтаксических конструкций, создающий контраст. Антитеза возникает там, где логическое противопоставление рождает новый, обычно эмоционально окрашенный смысл, или концепт. Кроме того, антитеза способна привлечь внимание адресата не только как фигура речи, но и как когнитивный феномен мышления человека, проявляемый в противоречивом, антитезном характере языка.

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, смысловые наслоения, эмоциональная окрашенность, концепт.

Abstract

The article views the criteria of determining the stylistic device of antithesis and defining its notion taking into account the cognitive potential of this figure of speech. Antithesis is considered a “sophisticated” figure of speech lacking a generally accepted definition. The examination of different definitions of antithesis allows us to emphasize the criteria forming the basis of this stylistic device. They are opposition, juxtaposition, emphatic effect, contextual antonyms contributing to additive effect to meanings, parallel syntactic constructions creating contrast. Antithesis occurs if a logical opposition gives rise to a new emphatic meaning, or concept. Moreover, antithesis attracts the reader’s interest as a figure of speech as well as a cognitive phenomenon which can be manifested linguistically and antithetically in a contradictive thinking.

Keywords: antithesis, opposition, additive effect to meanings, emphatic effect, concept.

1. Антитеза в лингвистике и литературоведении

Такое средство художественной выразительности как антитеза возникло еще в глубокой древности. Интерес к антитезе в античности был связан с расцветом ораторского искусства, где данный приём воздействия на слушателя был неотъемлемым элементом практически каждого выступления. В специальном разделе риторики, элокуции, антитеза являлась объектом изучения наряду с другими риторическими фигурами, а также стилями речи [Фрейденберг, 1936].

Сегодня, несмотря на достаточно долгую историю изучения и описания данного стилистического приёма в лингвистике и литературоведении, антитеза относится к разряду сложных фигур речи, не имеющих единого общепринятого определения. Чтобы обозначить как можно чётче его границы, необходимо сравнить существующие в лингвистике и литературоведении подходы к трактовке антитезы и критерии, положенные в основу её выделения из стилистических приемов.

Объект лингвистического анализа в целом несколько шире, чем литературоведческого, поскольку лингвистический анализ ориентирован на произведения всех функциональных стилей, а не только художественных, и предполагает рассмотрение текста как комбинации всех языковых элементов. Лингвистический анализ текста идет от формы к содержанию, а литературоведческий – от содержания к форме. Лингвист изучает текст с точки зрения адресата, литературовед рассматривает произведение с позиции автора [Задорнова, 1992, с. 20].

Итак, учитывая названные особенности объекта анализа в лингвистике и литературоведении, рассмотрим определения антитезы, которые дают словари, в первую очередь, специальные.

В литературном энциклопедическом словаре под редакцией В. М. Кожевникова и П. А. Николаева антитеза трактуется и как стилистическая фигура, основанная на резком противопоставлении образов и понятий, и как термин современного литературоведения – «обозначение всякого содержательно-значимого контраста», в отличие от которого, однако, всегда демонстрируется открыто, в том числе – «через слова-антонимы» [Кожевников, 1987, с. 28].

Принципы открытости, облигаторной языковой объективации и антонимичности могут рассматриваться в данном случае как категориальные, позволяющие идентифицировать антитезу в пространстве художественного произведения, а также разграничивающие приемы антитезы и контраста в зависимости от задач, стоящих перед исследователем. В то же время, границы реализации антитезы в тексте в данном определении не уточняются, что определяется спецификой литературоведческого подхода к выделению стилистических фигур.

Такой пространственный критерий определения антитезы (своего рода «понятийная лакуна») отсутствует и в ряде других литературоведческих словарей. В «Словаре литературоведческих терминов» под редакцией Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева антитеза рассматривается как резко выраженное противопоставление каких-либо понятий или явлений. Авторы словаря уточняют, что данный приём способствует усилению эмоциональной окраски речевого отрезка и подчёркивает содержащуюся в нем мысль, однако границы речевого отрезка, как и указание на обязательную языковую объективацию антитезы (например, в форме слов-антонимов), в данном источнике также отсутствуют [Тимофеев, 1974, с. 18].

Аналогичное определение есть в словаре А. П. Квятковского, который рассматривает антитезу как «резкое противоположение в художественной или ораторской речи понятий или сравнений в целях усиления впечатления», при этом не конкретизируя, в какой языковой форме эти понятия или сравнения существуют в границах текстового пространства, как дистантно соположены [Квятковский, 2010, с. 24].

И. В. Арнольд («резкое противопоставление понятий и образов, создающее контраст») [Арнольд, 2006, с. 104], О. С. Ахманова («антонимирование сочетаемых слов») [Ахманова, 1966, с. 47], Ф. Ф. Павленков («противоположение, соединение двух противоположных мыслей или образов для большей рельефности») [Павленков, 1921, с. 37], Ю. М. Лотман («...поскольку значимо только то, что имеет антитезу, то любой композиционный прием становится смысло-различительным, если включен в противопоставление контрастной системе...») [Лотман, 1998, с. 252], Д. Э. Розенталь («стилистическая фигура, служащая для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов») [Розенталь, 1985], Н. И. Епишкин («риторическая фигура, состоящая в противопоставлении контрастных мыслей или выражений») [Епишкин, 2010], Л. Л. Нелюбин («использование резко противоположных понятий или явлений для усиления выразительности речи») [Нелюбин, 2007, с. 118] указывают на антонимирование, противопоставленность, эмоциональную выразительность, контрастность явлений, образов, мыслей, составляющих когнитивную основу антитезы как стилистического (риторического) приёма, однако расположение соответствующих элементов, находящихся в отношениях антонимии в тексте, как критерий не уточняется.

Иные трактовки антитезы предлагают А. Д. Михельсон – «помещение рядом двух противоположных мыслей для придания им большей силы» [Михельсон, 1865], и А. Н. Чудинов – «риторическая фигура, заключающаяся в помещении рядом двух противоположных, но связанных общей точкой зрения мыслей для придания им большей силы и живости») [Чудинов, 1910, с. 40]. В данных определениях акцент сделан на близком («помещение рядом») расположении в тексте противоположных мыслей, в результате чего возникает необходимый стилистический эффект. Поэтому принцип локализации элементов, создающих антитезные отношения в границах текста, становится обязательным. При этом, как и в ранее приведенных дефинициях, неотъемлемым критерием выделения антитезы, её «обнаружения», остается идея противопоставления явлений, понятий, мыслей (чувств).

Совершенно чёткую позицию в вопросе границ функционирования антитезы в тексте занимает И. Р. Гальперин. Антитеза, согласно точке зрения автора, «может быть реализована как в пределах одного предложения, так и в составе крупных отрезков высказывания. ...Контрастное противопоставление фактов, явлений действительности может формироваться в композиционном отношении и в составе двух абзацев, в которых один представляет собой противопоставление другому. В этом случае в стилистике обычно используется термин контраст или контрастное противопоставление, термин же антитеза обычно применяется для противопоставлений, не выходящих за рамки абзаца» [Гальперин, 1958, с. 242–244]. При этом, говоря о контрасте, автор указывает, что это литературный (не лингвистический) приём, основанный на логическом противопоставлении между явлениями, феноменами, помещенными друг против друга [Galperin, 1981, с. 206].

Кроме того, И. Р. Гальперин отмечает, что «в анализе антитезы необходимо учитывать те смысловые наслоения, которые появляются в словах в результате противопоставления сопоставляемых понятий» [Гальперин, 1958, с. 243]. Такой немаловажный критерий как смысловые наслоения выделяет и Н. М. Разинкина: «Антитеза как стилистический приём представляет собой сложное синтаксическое образование, в рамках которого возникают контекстуальные (часто весьма неожиданные) смысловые приращения и преобразования» [Разинкина, 2009]. Другими словами, согласно И. Р. Гальперину и Н. М. Разинкиной, антитезу как стилистический приём следует отличать от простого логического противопоставления, поскольку в нем «нет той эмоциональной окрашенности, которая является обязательным качеством антитезы» [Разинкина, 2009].

Итак, в лингвистике, в отличие от литературоведения, пространственный критерий выделения антитезы оказывается очень важным, конструктивным для анализа. Явления, понятия, мысли, образы, воспринимаемые как противоположные, должны получать языковую объективацию в виде контекстуальных антонимов (порождающие особые смысловые преобразования) в границах предложения или абзаца, в ином случае их роль в тексте сводится к созданию контраста.

Помимо этого, с позиций лингвистического подхода важно также отметить, что как стилистический приём антитеза зависит от определённой синтаксической композиции высказывания, поскольку часто возникает в рамках параллельных конструкций, создавая особую контрастную характеристику одного описываемого явления на фоне другого, при этом внося элемент сопоставления одного понятия с другим. Как подчеркивает И. Р. Гальперин, «антитеза почти всегда строится на параллелизме синтаксических конструкций или хиазме». [Гальперин, 1958, с. 243] Тем самым формируется ещё один критерий выделения антитезы – синтаксической зависимости.

Принимая во внимание все вышеизложенные трактовки антитезы, можно заключить, что идея противопоставления (Кожевников, Тимофеев, Квятковский, Павленков, Ломан, Розенталь и др.), яркая эмоциональная окрашенность (Тимофеев, Тураев, Квятковский, Розенталь, Михельсон, Чудинов, Нелюбин и др.), контраст (Кожевников, Лотман, Епишкин, Арнольд), антонимирование (Ахманова, Кожевников), синтаксический параллелизм (Гальперин, Разинкина) и смысловые преобразования (Гальперин, Разинкина) являются основополагающими в определении понятия о данной риторической фигуре и её сущностных свойствах, при этом идея противопоставления и яркая эмоциональная окрашенность чаще всего выделяются авторами.

Итак, в качестве категориальных критериев выделения антитезы, отличающих ее от других, основанных на контрасте фигур речи (параллелизм, хиазм) и тропов (оксюморон, сравнение), можно назвать: 1) наличие резкого противопоставления образов и понятий с целью усиления эмоциональной окраски речевого отрезка; 2) языковую объективацию антитезы в форме слов-антонимов, включая контекстуальные антонимы, которые порождают особые смысловые оттенки; 3) параллелизм синтаксических конструкций (или хиазм), создающий контраст; 5) ограничение пространства функционирования антитезы рамками абзаца.

Такие наблюдения, как соединение, помещение рядом двух противоположных мыслей [Михельсон, Павленков, Чудинов], носят факультативный ха-

рактер в трактовке антитезы и могут служить подсказкой исследователям в тех или иных вопросах. Тем не менее, нельзя поставить точку на «возможностях» антитезы, не рассмотрев еще один важный критерий – когнитивный потенциал данной фигуры речи, в котором концепт противопоставления наделяется новым смыслом.

2. Когнитивный потенциал антитезы

Исследуя когнитивный потенциал антитезы, следует начать с определения противопоставления, которое рассматривается как «действие по значению глагола «противопоставлять»: 1) сопоставляя кого-либо, что-либо, указывать на их несходство, противоположность; 2) сравнивая, отдавать предпочтение кому-либо, чему-либо; 3) противодействуя, направлять против кого-либо, чего-либо; 4) выдвигать как равное, замещающее или превосходящее (по своим свойствам, достоинству)» [Толковый словарь русского языка, vedu.ru].

Иными словами, противопоставляться могут несходные, но равные объекты, имея целью выявить отличие, предпочтение, сопротивление. Кроме того, исходя из подобной трактовки, можно предположить, что идея сопоставления становится ещё одним дифференциальным признаком понятия «антитеза». Здесь важно отметить, что в некоторых словарях именно он вкладывается в определение данной стилистической фигуры. Например, в «Новом словаре иностранных слов» антитеза – это «стилистическая фигура, состоящая в сопоставлении резко отличных по смыслу слов или словесных групп» [EdwART, 2009]. То есть, чтобы выявить антонимичность лексических единиц, объективирующих антитезу, нужно их прежде всего сопоставить, найти общий признак, положенный в основу противоположения.

Так, например, у П. И. Лебедева-Полянского и А. В. Луначарского антитеза рассматривается как «один из приемов стилистики, заключающийся в сопоставлении конкретных представлений и понятий, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом» [П. И. Лебедев-Полянский, 1929–1939]. Н. Бродский, А. Лаврецкий определяют антитезу как «фигуру, состоящую в сопоставлении логически противоположных понятий или образов» [Бродский, 1925]. Иными словами, понятия, представления, образы сопоставляются и могут быть соединены между собой общей конструкцией или внутренним смыслом.

Тем не менее, некоторые исследователи, например Е. С. Корюкина, полностью исключают отношения сопоставления из понятия об антитезе, указывая, что они выражают семантику соединения, а не противопоставления. «Ни контекст, реализующий отношения соединения, ни контекст, отражающий отношения сопоставления, не могут быть иллюстрацией антитезы, поскольку этот прием выразительности основывается на противопоставлении» [Корюкина, 2012, с. 302].

Однако логика противопоставления говорит об обратном: если понятие противопоставление является в определённом смысле синонимом термина антитеза и лежит в основе его определения, то тогда идея сопоставления, содержащаяся в понятии противопоставления, не может не отражать суть антитезы.

Некоторые исследователи видят в данной фигуре речи одновременно и противопоставление и сопоставление. Например, Л. П. Крысин пишет, что антитеза – «противопоставление, противоположность; стилистическая фигура,

состоящая в сопоставлении слов или словосочетаний, резко различных или противоположных по смыслу» [Крысин, 2008, с. 20]. У М. Попова подчеркивается мысль о том, что антитеза – это «противоположение, соединение, сопоставление двух противоположных, но связанных общей точкой зрения мыслей или образов для большей наглядности» [Попов, 1906, с. 136].

Попытаемся понять, почему процессы сопоставления, исходя из вышеуказанных дефиниций, оказываются основополагающими в формировании антитезы.

Если исходить из убеждения в том, что окружающая нас действительность являет собой мир вещей, их свойств и отношений, тогда допустимо видеть в процессах сопоставления одно из проявлений когнитивной активности человека, стремящегося постичь причинно-следственные связи между элементами объективного мира. Прагматическое стремление человека воспринимать познаваемый мир посредством анализа и синтеза завершается установлением между элементами окружающей действительности их сходств и различий, обнаруживаемых в результате постижения в сопоставительном аспекте присущей этим элементам совокупности существенных признаков [Уемов, 1963].

Когнитивные, мыслительные процессы, часто объективируемые посредством языка в разного рода противопоставлениях, находят своё выражение в антитезе.

Таким образом, анализируя приведённые дефиниции и разные подходы к определению понятия об антитезе, можно сделать вывод, что все они свидетельствуют о сложности семантической, прагматической и функциональной природе антитезы, а также показывают, насколько важными становятся для формирования антитезы идеи противопоставления и сопоставления, разграничение которых, бесспорно, требует дальнейшего изучения.

Рассмотренный выше материал позволяет утверждать, что, помимо уже названных критериев выделения антитезы, данная стилистическая фигура служит объективации когнитивных, ментальных процессов человека через порождение противоположных по содержанию концептов. Это объясняется, прежде всего, необычным сближением контекстуальных антонимов, которое, вызывая определённые семантические приращения, в свою очередь, способствует формированию новых сложно структурированных концептов, поскольку в сферу противительных отношений вовлекаются не просто объекты, а целые классы явлений, понятий, отношений, образов и т.д.

Здесь важно отметить, что, на самом деле, не противительные значения антонимов образуют особый концептуальный уровень сознания, а наши понятия или «мыслительные коды», в которых заключены представления об окружающем нас мире. При этом запоминаются не слова-антонимы, определяющие антитезные отношения в тексте, а антитезный смысл, специфика возникновения которого обусловлена особенностями индивидуального опыта познания. Смысл, в свою очередь, может порождать безграничные понятийные лакуны. Иначе говоря, можно предположить существование концептуальной антитезы, воплощающей себя не через словесные оболочки антонимов, а через специфический «язык понятий», поскольку последнее всегда шире, чем значение слова.

Если говорить о том, в каких пределах (предложение, абзац или текст) антитеза может реализовывать себя как стилистический приём или риторическая фигура, то следует принять во внимание те подходы, в рамках которых она исследовалась в настоящей статье.

Как литературный приём антитеза создает контраст для того, чтобы исследовать все преимущества и недостатки обсуждаемого объекта, а также ясно показать (рас)суждение в этом вопросе. Кроме того, в литературе писатели используют данный приём не только в предложениях, но также для характеристики персонажей и событий. Именно контрастирующие идеи, заключенные в параллельных конструкциях, заметно выделяют литературный замысел произведения: конфликт, трагедию, иронию, нравы, отношения и так далее. [Literarydevices.net]

Иными словами, вышесказанное позволяет сказать:

- 1) антитеза создаёт и подчеркивает контраст;
- 2) контраст строится на антитезе;
- 3) контраст может проявляться на уровне слов, словосочетаний, предложений, текста, следовательно, антитеза не существует без контраста, а контраст едва ли может реализовать себя без антитезы.

Что касается границ антитезы и контраста, то вырисовывается следующая картина: если антитеза – это резкое противопоставление контрастирующих идей, тогда антитеза и контраст «идут рука об руку», то есть если контраст проявляется в рамках предложения, значит и антитеза существует в этих границах. Если контраст положен в основу композиции литературного произведения, следовательно, антитеза будет реализована как принцип концептуального восприятия текста.

Таким образом, область литературоведения расширяет пространственные рамки антитезы, в то время как лингвостилистика «задаёт» свои рамки – предложение или абзац. Однако рассмотрение антитезы только с точки зрения одного из подходов – либо литературоведческого, либо лингвостилистического – невозможно, поскольку антитеза часто находит широкое применение и как стилистическая, и как риторическая фигура, как художественный приём и как структурообразующий принцип. Поэтому когнитивный потенциал данной фигуры может быть раскрыт лишь в рамках лингвопоэтики – науки на «стыке» языкознания и литературоведения. Лингвистическими методами она объясняет, как эксплицируются смыслы в художественном тексте, и оказывается эмоционально–эстетическое воздействие на читателя [Задорнова, 1992].

3. Выводы

Итак, антитеза возникает там, где логическое противопоставление рождает новый, обычно эмоционально окрашенный смысл, или концепт, получающий пространственно не ограниченную языковую объективацию в форме комплементарных или контекстуальных антонимов. Кроме того, антитеза способна привлечь внимание адресата не только как фигура речи, но и как когнитивный феномен мышления человека, проявляемый в противоречивом, антитезном характере языка.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов [Текст] / И. В. Арнольд. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 384 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М., «Сов. Энциклопедия», 1966. – 598 с.

3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1958. – 459 с.
4. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Текст] / Н. И. Епишкин. – М. : Словарное изд-во ЭТС, 2010. – 714 с.
5. Задорнова, В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Задорнова Велта Яновна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1992. – 49 с.
6. Квятковский, А. П. Словарь поэтических терминов [Текст] / А. П. Квятковский / под ред. С. М. Бонди. Изд.2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 240 с.
7. Кожевникова, В. М. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Корюкина, Е. С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках [Текст] / Е. С. Корюкина // Вестник ННГУ. – № 5. – 2012. – С. 300–303.
9. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
10. Литературная энциклопедия в 11 томах [Текст] / П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, И. М. Нусинов, В. Ф. Переверзев, И. А. Скрыпник. – М.: Издательства: изд-во Коммунистической академии (тома 1–5); «Советская энциклопедия» (тома 6–9); «Художественная литература» (тома 10–11), 1929–1939.
11. Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 т. [Текст] / П. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин [и др.] / – Москва ; Ленинград : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1. – 1925. – 544 стб.
12. Лотман, Ю. Об искусстве [Текст] / Ю. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – 752 с.
13. Михельсон, А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней [Текст] / А. Д. Михельсон. – М. : Издание книгопродавца А. И. Манухина, 1865. – 718 с. (1-е изд., М. – 1861, 12-е, М. – 1898).
14. Нелюбин, Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка : учеб. пособие [Текст] / Л. Л. Нелюбин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 128 с.
15. Павленков, Ф. Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / Ф. Ф. Павленков. – 5-е изд. – СПб.: Изд-во книжн. магазина М., 1921. – 359 с.
16. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке [Текст] / М. Попов. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во И. Д. Сытина. – 1906. – 458 с.
17. Разинкина, Н. М. Стилистика английского научного текста [Текст] / Н. М. Разинкина. – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
18. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.
19. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
20. Толковый словарь русского языка [Electronic Resource]. – URL.: www.vedu.ru/expdic/
21. Уемов, А. А. Вещи, свойства и отношения [Текст] / А. А. Уемов. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. – 178 с.
22. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. [Текст] / О. М. Фрейденберг. – М.: Л., Соцэкгиз, 1936. – 341с.
23. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / А. Н. Чудинов. – Изд. 3-е. – СПб., Изд-во В. И. Губинского, 1910.

24. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. Introduction – General Notes on Style and Stylistics. – M.: Высшая школа, 1981. – 295 с.
25. EdwART. Новый словарь иностранных слов [Electronic Resource]. – URL.: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/
26. Literary Devices. Definition and Examples of Literary Terms [Electronic Resource]. – URL.: Literarydevices.net/antithesis .

References

1. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk: uchebnik dlja vuzov [Tekst] / I. V. Arnol'd. – 8-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2006. – 384 s.
2. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Tekst] / O. S. Ahmanova. – M., «Sov. Jenciklopedija», 1966. – 598 s.
3. Gal'perin, I. R. Oчерки по stilistike anglijskogo jazyka [Tekst] / I. R. Gal'perin. – M.: Izd-vo lit. na inostr.jaz., 1958. – 459 s.
4. Epishkin, N. I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo jazyka [Tekst] / N. I. Epishkin. – M. : Slovarnoe izd-vo JeTS, 2010. – 714 s.
5. Zadornova, V. Ja. Slovesno-hudozhestvennoe proizvedenie na raznyh jazykah kak predmet lingvopojeticheskogo issledovanija [Tekst] : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk : 10.02.04 / Zadornova Velta Janovna; MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 1992. – 49 s.
6. Kvjatkovskij, A. P. Slovar' pojeticheskikh terminov [Tekst] / A. P. Kvjatkovskij / pod red. S. M. Bondi. Izd.2-e. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 240 s.
7. Kozhevnikova, V. M. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – 752 s.
8. Korjukina, E. S. Problema opredelenija antitezy v terminologicheskikh slovarjah i spravocnikah [Tekst] / E. S. Korjukina // Vestnik NNGU. – № 5. – 2012. – S. 300–303.
9. Krysin, L. P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov [Tekst] / L. P. Krysin. – M.: Jeksmo, 2008. – 944 s.
10. Literaturnaja jenciklopedija v 11 tomah [Tekst] / P. I. Lebedev-Poljanskij, A. V. Lunacharskij, I. M. Nusinov, V. F. Pereverzev, I. A. Skrypnik. – M.: Izdatel'stva: izd-vo Kommunisticheskoy akademii (toma 1–5); «Sovetskaja jenciklopedija» (toma 6–9); «Hudozhestvennaja literatura» (toma 10–11), 1929–1939.
11. Literaturnaja jenciklopedija : Slovar' literaturnyh terminov : v 2 t. [Tekst] / P. Brodskij, A. Lavreckij, Je. Lunin [i dr.] / – Moskva ; Leningrad : Izd-vo L.D. Frenkel', 1925. – T. 1. – 1925. – 544 stb.
12. Lotman, Ju. Ob iskusstve [Tekst] / Ju. Lotman. – SPb. : Iskusstvo-SPb, 1998. – 752 s.
13. Mihel'son, A. D. Ob#jasnenie 25 000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkij jazyk, s oznacheniem ih kornej [Tekst] / A. D. Mihel'son. – M. : Izdanie knigoprodavca A. I. Manuhina, 1865. – 718 s. (1-e izd., M. – 1861, 12-e, M. – 1898.).
14. Neljubin, L. L. Lingvistilistika sovremennogo anglijskogo jazyka : ucheb. posobie [Tekst] / L. L. Neljubin. – 4-e izd., pererab. i dop. – M. : Flinta : Nauka, 2007. – 128 s.
15. Pavlenkov, F. F. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka [Tekst] / F. F. Pavlenkov. – 5-e izd. – SPb.: Izd-vo knizhnogo magazina M., 1921. – 359 s.
16. Popov, M. Polnyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkom jazyke [Tekst] / M. Popov. – Izd. 2-e. – M. : Izd-vo I. D. Sytina. – 1906. – 458 s.
17. Razinkina, N. M. Stilistika anglijskogo nauchnogo teksta [Tekst] / N. M. Razinkina. – Izd. 2-e, dop. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 216 s.

18. Rozental', D. Je. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Tekst] / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. – Izd. 2-e. – M. : Prosveshhenie, 1985. – 400 s.
19. Timofeev, L. I. Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Tekst] / L. I. Timofeev, S. V. Turaev. – M. : Prosveshhenie, 1974. – 509 s.
20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Electronic Resource]. – URL.: www.vedu.ru/expdic/
21. Uemov, A. A. Veshhi, svojstva i otnoshenija [Tekst] / A. A. Uemov. – M.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1963. – 178 s.
22. Frejdenberg O. M. Antichnye teorii jazyka i stilja. [Tekst] / O. M. Frejdenberg. – M.: L., Socjkgiz, 1936. – 341s.
23. Chudinov, A. N. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka [Tekst] / A. N. Chudinov. – Izd. 3-e. – SPb., Izd-vo V. I. Gubinskogo, 1910.
24. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. Introduction – General Notes on Style and Stylistics. – M.: Vysshaja shkola, 1981. – 295 s.
25. EdwART. Novyj slovar' inostrannyh slov [Electronic Resource]. – URL.: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/.
26. Literary Devices. Definition and Examples of Literary Terms [Electronic Resource]. – URL.: Literarydevices.net/antithesis.

УДК 81-23

**Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация**

**Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation**

e-mail: morozova_olga06@mail.ru , androsova_s@mail.ru

ИНТОНАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

MODELS OF INTONATION IN THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация

В интонационных моделях языков мира обнаруживается немало универсальных черт, однако конкретные реализации и соотношение интонационных средств в тех или иных интонационных моделях в разных языках неодинаковы. Знания об интонационной системе исчезающего эвенкийского языка и её реализации весьма ограничены. Настоящее исследование посвящено особенностям мелодического контура предложений разных коммуникативных типов. Результаты акустического анализа показали, что в реализации интонационных единиц в речи двух женщин-эвенков наблюдалось немало общего. Схожим образом были реализованы утверждения, общие и альтернативные вопросы, а также восклицания и побудительные предложения. Была выявлена неустойчивость в реализации интонационных единиц, которая, с одной стороны, объясняется индивидуальными особенностями дикторов, а с другой – напрямую связана со статусом эвенкийского языка как исчезающего. Вариантность проявилась в разных уровнях основного тона и крутизне инклинации и деклинации, а также в разном направлении основного тона в специальных вопросах. Последнее связано с разной степенью влияния русского языка на родной эвенкийский в жизни дикторов.

Ключевые слова: эвенкийский язык, коммуникативные типы предложений, интонация, инклинация, деклинация.

Abstract

In models of intonation in the languages of the world there is a considerable amount of universal features. However certain realizations and grouping of prosodic means in certain models of intonation in different languages are not similar. Our knowledge about intonation patterns of the endangered Evenki language is rather limited. The current research is aimed at studying pitch contours of sentences of different communicative types. The results of the acoustic study of tone units pronounced by two female Evenki native speakers demonstrate the following common features. Statements, general and alternative questions as well as exclamations and imperative sentences were realized by both speakers in a very similar way. However there was instability in tone units phonetic manifestation that on the one hand, is speaker-dependent, but on the other hand, is closely connected with the status of the Evenki language as an endangered one. Variability was

found in general pitch level, inclination and declination slope and even in pitch direction in special questions. The latter can be explained by the different influence of the acquired Russian language on the native Evenki language with different Evenki speakers.

Keywords: the Evenki language, communicative types of sentences, intonation, inclination, declination.

1. Введение

В интонационных моделях языков мира обнаруживается много общих, универсальных черт. Согласно М. В. Гординой [Гордина 1997, 229], обычно законченное повествование характеризуется понижением тона и замедлением темпа к его концу; при вопросе наблюдается повышение тона в том или ином месте предложения; эмоционально-окрашенная речь отличается иными динамическими и темпоральными характеристиками. Подобные интонационные универсалии связывают с общефизиологическими и общепсихологическими закономерностями. Но, даже при большом сходстве обобщенных интонационных схем, конкретные реализации и соотношение интонационных средств в тех или иных интонационных моделях в разных языках неодинаковы [Гордина 1997, 229].

Описание интонационной системы языка в лингвистике принято строить двояким образом. Во-первых, можно исходить из противопоставленных интонационных типов, то есть из интонационных моделей, указывать случаи их применения; во-вторых, можно исходить из типа фразы – синтаксической конструкции и семантики, указывать надлежащую интонацию [Гордина 1997, 229–230]. В первом случае подчеркивается фонетическая сторона и отчетливо выступает интонационная система языка, что позволяет сопоставить собственно фонетические характеристики интонационных моделей разных языков (см. напр., работы Д. Болинджера [Bolinger, 1986], Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1977], более ранние работы Д. Кристала [Crystal, 1969 a, b], Дж. Д. О'Коннора и Г. Ф. Арнольда [O'Connor, Arnold, 1978]). Однако при нынешнем состоянии знаний об интонационной системе эвенкийского языка, когда не сведений, какую семантическую нагрузку несут интонационные противопоставления, когда не выяснено число интонационных моделей в эвенкийском языке и их возможные модификации, такое описание невыполнимо. Кроме того, при рассмотрении интонационных типов необходим и перечень случаев их применения, что заставляет обращаться к синтаксическому анализу и тем самым использовать второй способ описания с опорой на синтаксис (см. подробнее об этом подходе, напр., в более поздней работе Д. Кристала [Crystal, 1975]).

Для практического обучения эвенкийской интонации исходить из синтаксиса, несомненно, удобнее. Реалии современной жизни таковы, что маленькие эвенки в подавляющем большинстве не владеют языком своих предков. Перед преподавателями эвенкийского языка в настоящее время стоит задача разработки рекомендаций и создание учебников для не владеющих эвенкийским языком. Немногочисленные попытки создания таких учебников имеются [Александрова и др. 1999, Леханова и др. 2002], где у обучающихся есть возможность овладеть навыками чтения, говорения и письма при выполнении лексико-грамматических и коммуникативных упражнений. Тем не менее, рекомендаций по овладению навыками эвенкийского произношения и восприятия эвенкийской речи на слух найти невозможно. Мы считаем, что при обучении эвенкийской интонации обу-

чающемуся, имеющему дело с заданной синтаксической конструкцией; нужны, прежде всего, указания, какую интонацию применять в каждом отдельном случае. Кроме того, необходимо учитывать, что одна и та же интонационная схема может быть применима в разных синтаксических конструкциях, и, наоборот, одна конструкция может сопровождаться разными интонациями с соответствующим изменением оттенков смысла. Описание интонационных моделей в нашей статье будет построено с учётом этого обстоятельства, а именно, при рассмотрении наиболее характерного интонационного оформления определённой синтаксической конструкции будут указываться и другие синтаксические построения, которые сопровождаются такой же интонацией.

Обращение к изучению эвенкийской интонационной системы было обусловлено отсутствием соответствующих исследований на материале эвенкийского языка. Единственной работой, в которой приводится краткое описание интонации трёх коммуникативных типов предложений, является книга «Эвенки» Н. Я. Булатовой, Л. Гренобль, опубликованная в 1999 году [Bulatova, Grenoble, 1999]. Авторы отмечают постепенное понижение интонационного контура (обычно со сказуемого) в утвердительных предложениях. В вопросах пик интонационного контура приходится на вопросительное слово высказывания. Уровень окончания мелодической кривой в вопросах выше по сравнению с интонационной кривой утвердительных предложений. Побудительные высказывания начинаются с резкого падения кривой основного тона. Такого падения не наблюдается ни в утвердительных ни в вопросительных высказываниях [Bulatova, Grenoble 1999, с. 5].

Как известно, в большинстве языков мира существуют четыре типа высказываний, которые различаются по коммуникативной установке и по интонационному оформлению, то есть четыре коммуникативных типа предложений: 1) повествование (констатация фактов, сообщение информации); 2) вопрос (запрос информации); 3) побуждение (требование определенного действия); 3) эмоционально-оценочное, или восклицательное, предложение (оценка факта, действия, ситуации) [Гордина 1997, 230–231]. Эвенкийский язык, в этом отношении, не является исключением.

Настоящее исследование посвящено анализу мелодических характеристик рамочных конструкций различного типа. Для того, чтобы выяснить особенности мелодического оформления указанных коммуникативных типов предложения в эвенкийском языке, был проведён пилотный акустический эксперимент. Гипотеза исследования состояла в том, что в связи со статусом эвенкийского языка как исчезающего языка в результате его повсеместного вытеснения русским языком (см. подробнее об этом в работах О. Н. Морозовой и Е. А. Процукович [Морозова, 2014 ; Морозова. Процукович, 2014 ; Процукович, 2015]), помимо общих тенденций в реализации интонационных единиц, будет отмечаться высокая степень вариантности, связанная с индивидуальными особенностями говорящих.

2. Акустический анализ мелодических контуров

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для акустического анализа послужили аудиозаписи двух дикторов-женщин – носителей селемджинского диалекта эвенкийского языка в

возрасте 39 и 70 лет. Для обоих дикторов эвенкийский язык является родным, усвоенным с детства в семье. При этом D1 является полным билингом, а D2 владеет русским языком посредственно и не изучала русский язык в школе. Никто из дикторов не сослался на проблемы со слухом или нарушения речи. Группа экспертов-фонетистов в ходе предварительной беседы с дикторами дефектов речи и признаков нарушения слуха не обнаружила.

Перед дикторами была поставлена задача прочитать предложенные рамочные конструкции, составленные нами с помощью экспертов-эвенков, исходя из разновидностей коммуникативных типов предложений, представленных в работе Т. М. Николаевой [Николаева, 1977]. Каждая из девяти рамочных конструкций, отражающих утверждения, различные виды вопросов, восклицания, побуждения к действию, включала три слова – дю, сэксэ, неройкан (= дом, кровь, ребёнок). Полный перечень предложений дан в приложении.

Запись материала осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Запись производилась с микрофона через микшерный пульт на звуковую плату компьютера при помощи программы Audacity. Устройство с микрофоном было закреплено на голове на расстоянии 2,5 см от лица говорящего. При записи использовались стандартные параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно. В ходе записи был сформирован корпус исследования: 54 предложения (по 27 от каждого диктора), которые были сохранены в отдельные файлы формата wav и подвергнуты акустическому анализу в программе свободного доступа PRAAT. В ходе анализа были получены динамические спектрограммы и графики основного тона (интонограммы).

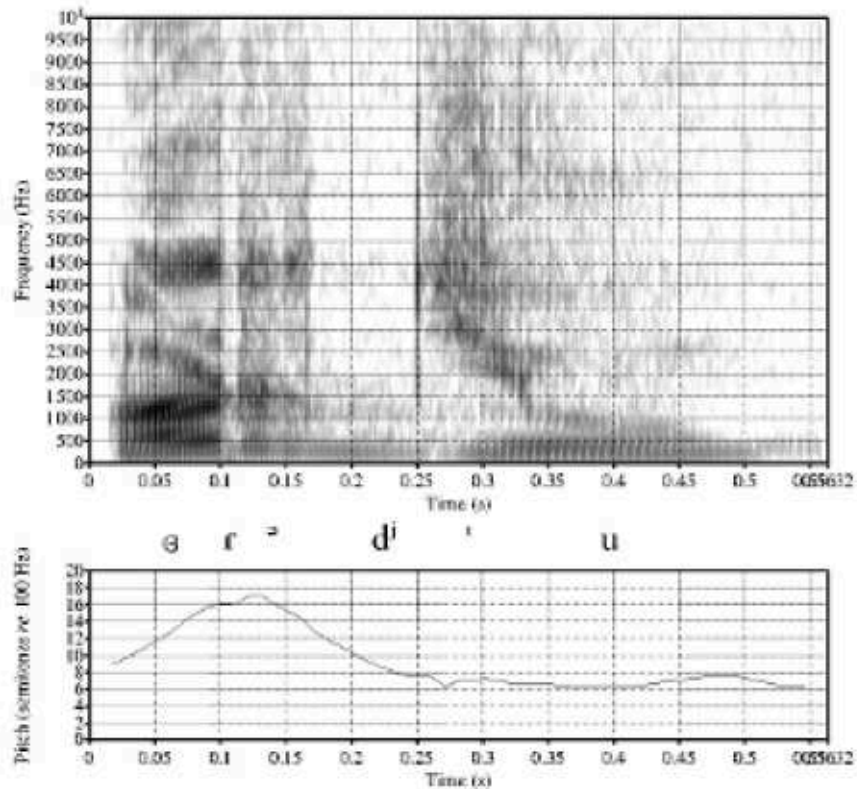
В ходе акустического анализа измерялись параметры основного тона (далее – ОТ): перечисление всех значений частоты ОТ (далее – ЧОТ) на выделенных участках, минимальные, максимальные и средние значения ЧОТ.

2.2. Обсуждение результатов исследования

Акустический анализ продемонстрировал существенные отличия интонационного оформления одних и тех же единиц в речи D1 и D2. По слуховым впечатлениям авторов настоящей статьи речь D1 является в целом более эмоциональной по сравнению с речью D2. Мы предполагаем, что с этим связаны более резкие изменения ОТ на протяжении реализации интонационных единиц D1.

На рисунке 1 приведены динамическая спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (= Это дом) в речи D1. В интонационном плане данная единица состоит из шкалы и ядра, состоящие каждая из одного слога. На шкале происходит довольно резкое возрастание (далее – инклинация) значений основного тона от 179 до 268 Гц за 100 мс. Исходя из указанных значений, скорость инклинации составляет 0,89 Гц/мс. После первого согласного [r] реализуется гласная вставка, которая представляет особый интерес, так как именно на ней реализуется пик основного тона и начало падения (далее – деклинация), которое происходит на ядре.

В течении 150 мс происходит резкое падение частоты основного тона с 268 Гц до 144 Гц. Скорость деклинации при этом составляет 0,83 Гц/мс. Далее сохраняется относительно ровный мелодический контур с колебаниями ЧОТ в пределах 144–150 Гц.

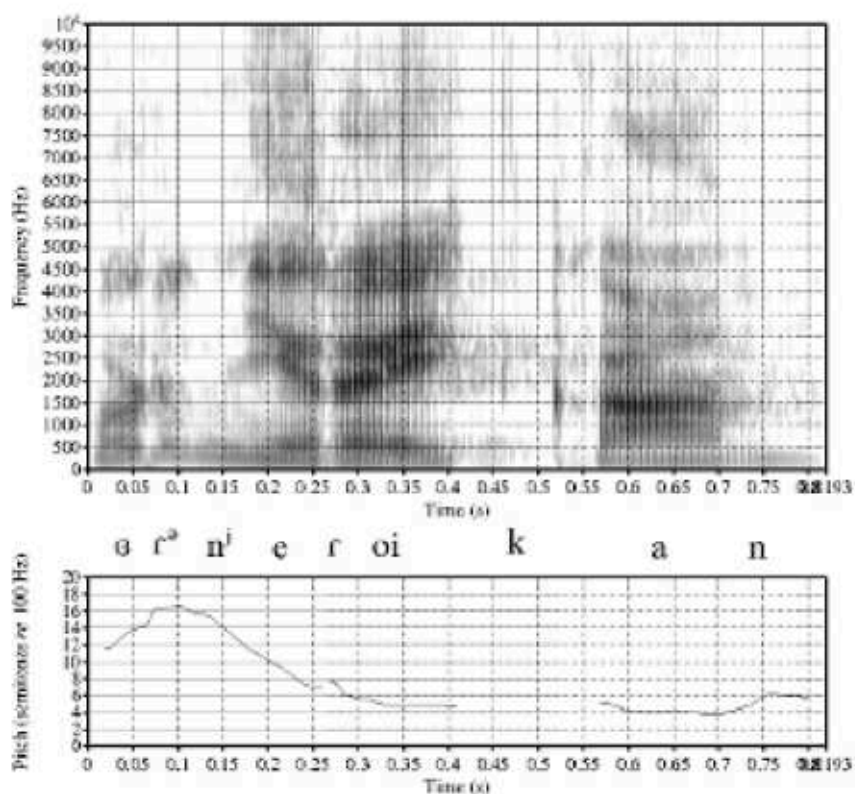


Р и с у н о к 1. Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (D1)

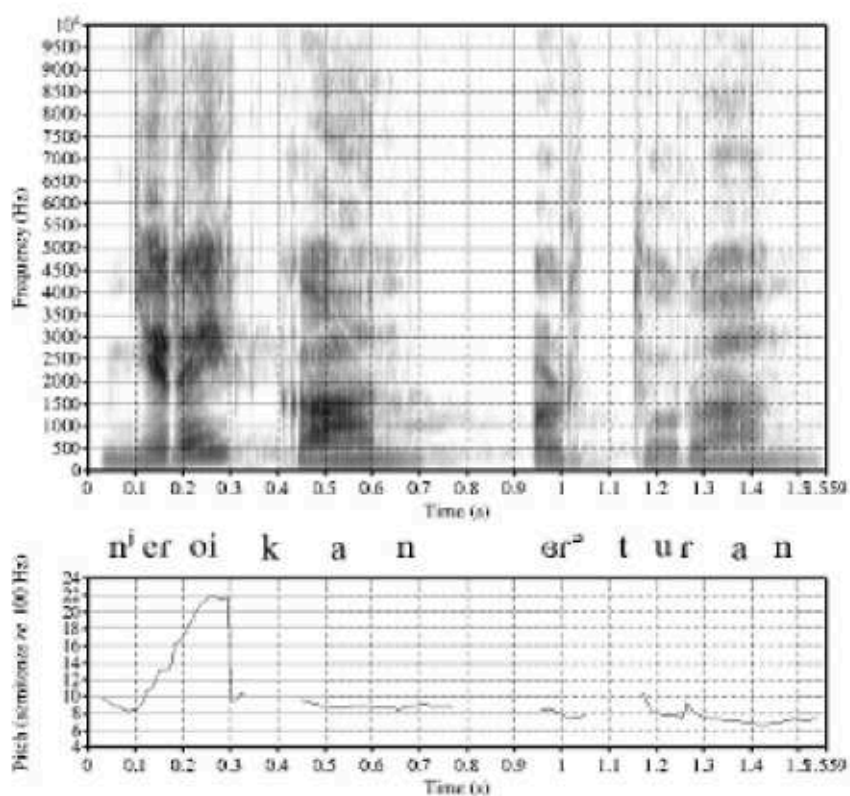
Для данного диктора схожая мелодическая картина наблюдается и на утвердительных предложениях с большим количеством слогов. При этом значительная крутизна инклинации и деклинации принципиально сохраняется, варьируя в зависимости от длительности соответствующих участков интонационных единиц. Так, в утвердительном предложении Эр неройкан (см. рис. 2) с увеличением количества слогов сокращается длительность шкалы. Следует особо отметить, что при увеличении количества слогов в интонационной единице её ядро тяготеет к началу мелодического контура (см. рис. 2–3).

Речь D2, как уже отмечалось, по нашим субъективным впечатлениям, не отличается эмоциональностью. С этим связано более плавная реализация интонационного контура. Как и в речи D1, ядро характеризуется деклинацией, которая, однако, на четыре полутона меньше по сравнению с D1 (ср. деклинацию в 10 полутонов у D1 и 6 полутонов у D2 на рис. 1 и 4, а также на 12 полутонов у D1 и 6 полутонов у D2 на рис. 2 и 5).

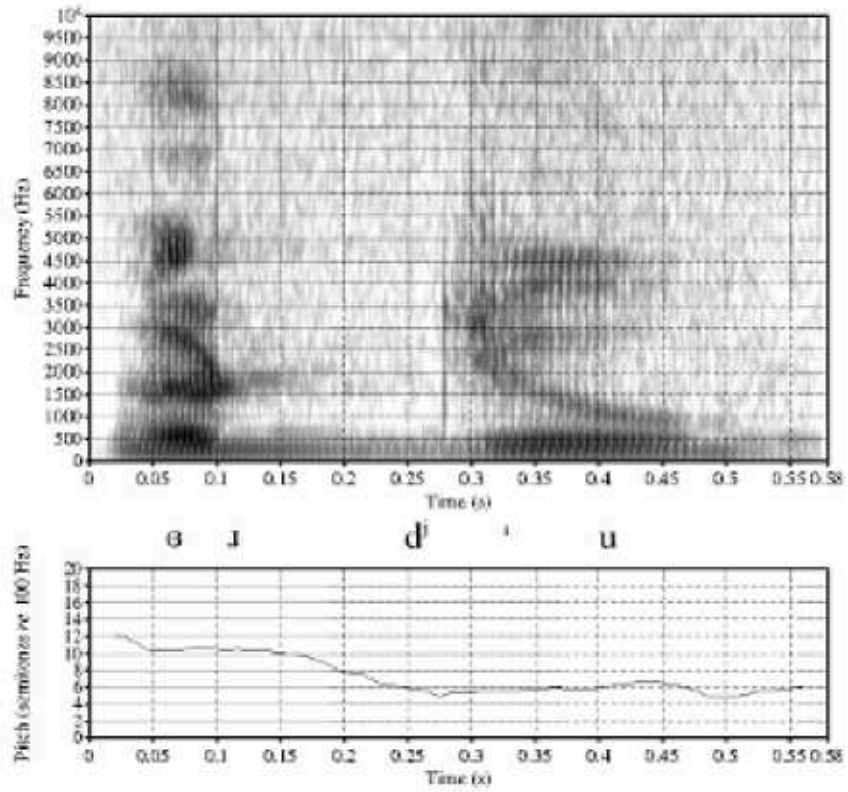
Кроме того, у D2 отсутствует инклинация, которая всегда отмечалась в утвердительных предложениях D1. Поскольку дикторы – одного пола и являются носителями одного и того же говора, более того, связаны отношениями родства, можно предположить, что указанные различия объясняются возрастным и/или эмоциональными факторами.



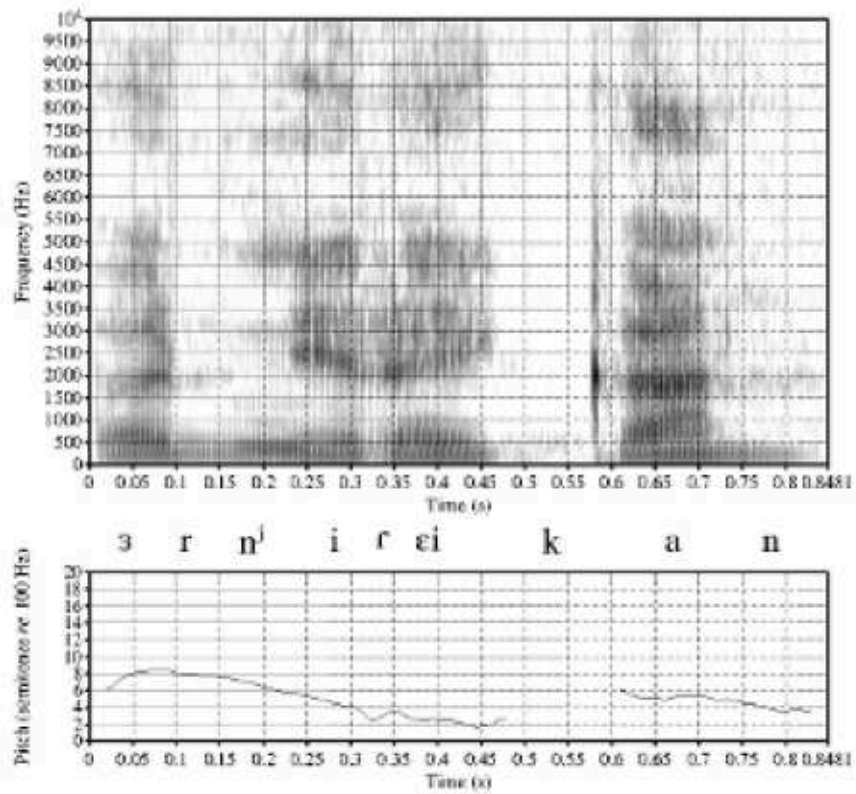
Р и с у н о к 2. Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Эр неройкан» (D1)



Р и с у н о к 3. Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Неройкан эр турэн» (D1)

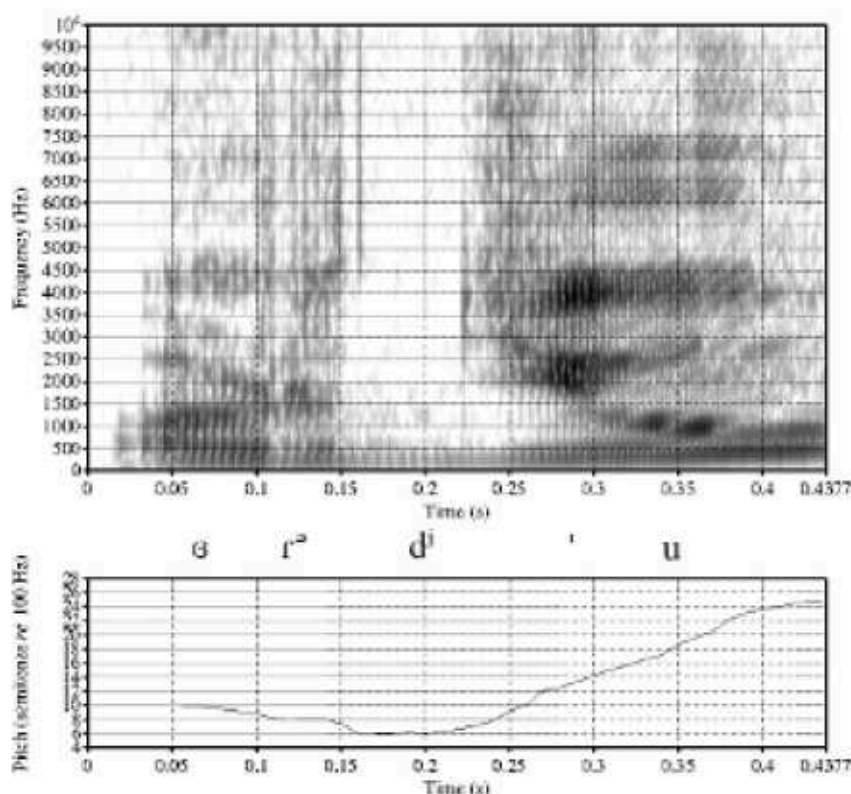


Р и с у н о к 4. Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (D2)



Р и с у н о к 5. Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Эр неройкан» (D2)

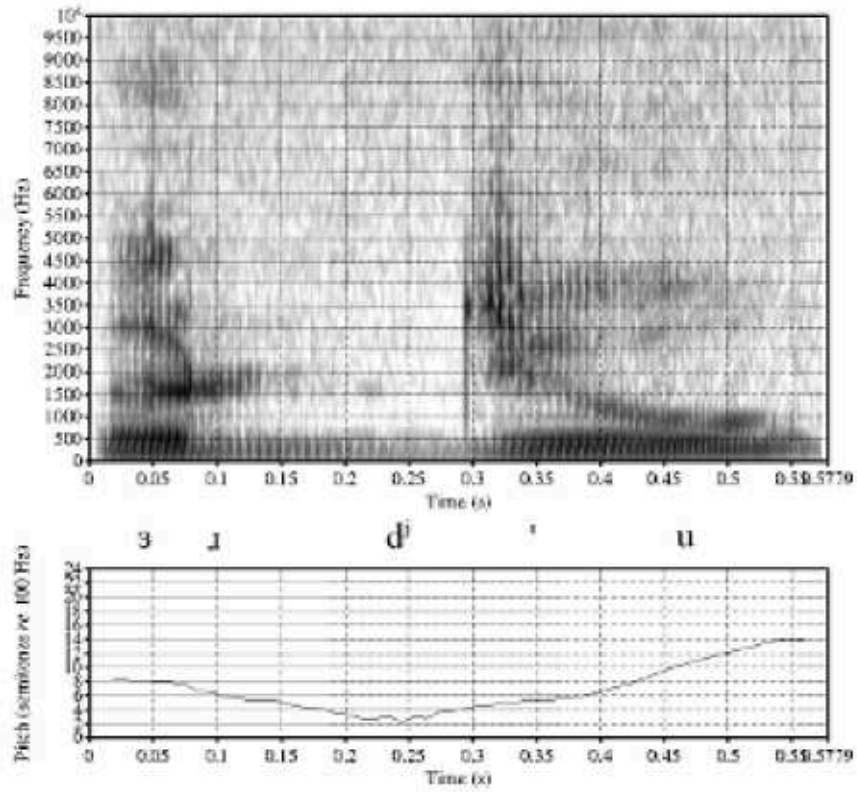
В общих вопросах дикторы проявили большую схожесть в реализации интонационного контура. Данный тип вопросов всегда начинался с небольшой деклинации в пределах 4–6 полутонов, за которой следовала инклинация. Деклинация у дикторов практически не отличалась, однако, D1 демонстрировала большую крутизну инклинации по сравнению с D2, что, как уже упоминалось, возможно, объясняется меньшей эмоциональностью D2. Типичные примеры приведены на рисунках 6 и 7, где инклинация составила 19 и 12 полутонов соответственно.



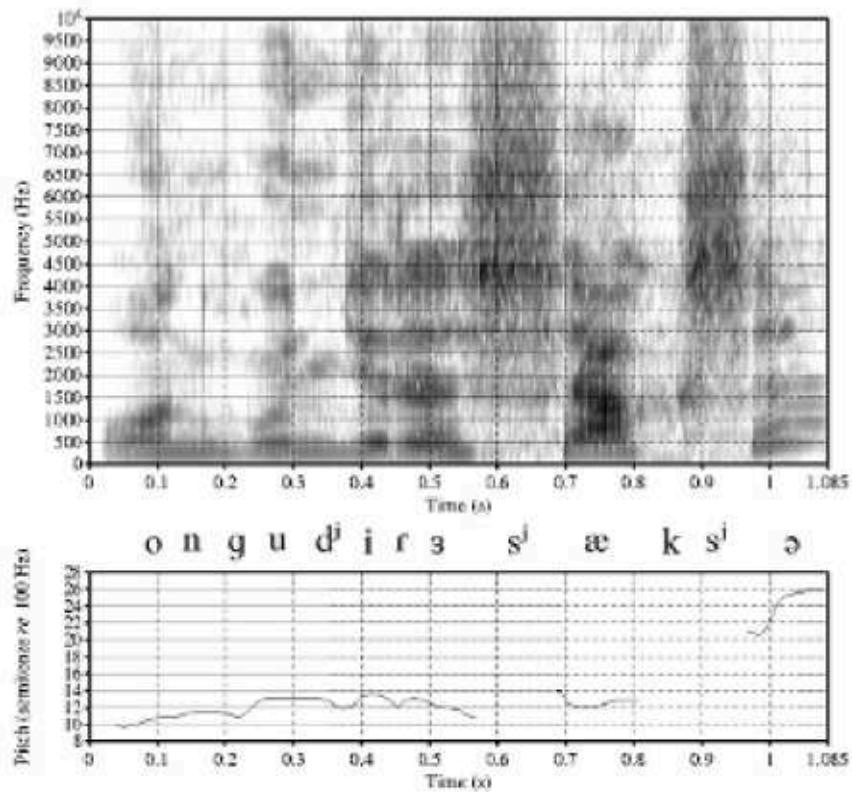
**Р и с у н о к 6. Спектрограмма и интонограмма
вопросительного предложения «Эр дю?» (D1)**

Специальные вопросы были реализованы дикторами с разным направлением основного тона. Реализация у D1 не отличалась от общих вопросов – резкая инклинация на большое количество полутонов в конце интонационной единицы. Специальные вопросы у D2 характеризовались плавной деклинацией. Типичный пример представлен на рисунке 8. Обращает на себя довольно низкое начало мелодического контура, сравнительно плавная шкала и резкое возрастание ОТ на ядре, расположенном в конце конструкции. Величина инклинации составила 14 полутонов; инклинация была реализована в пределах 500 мс.

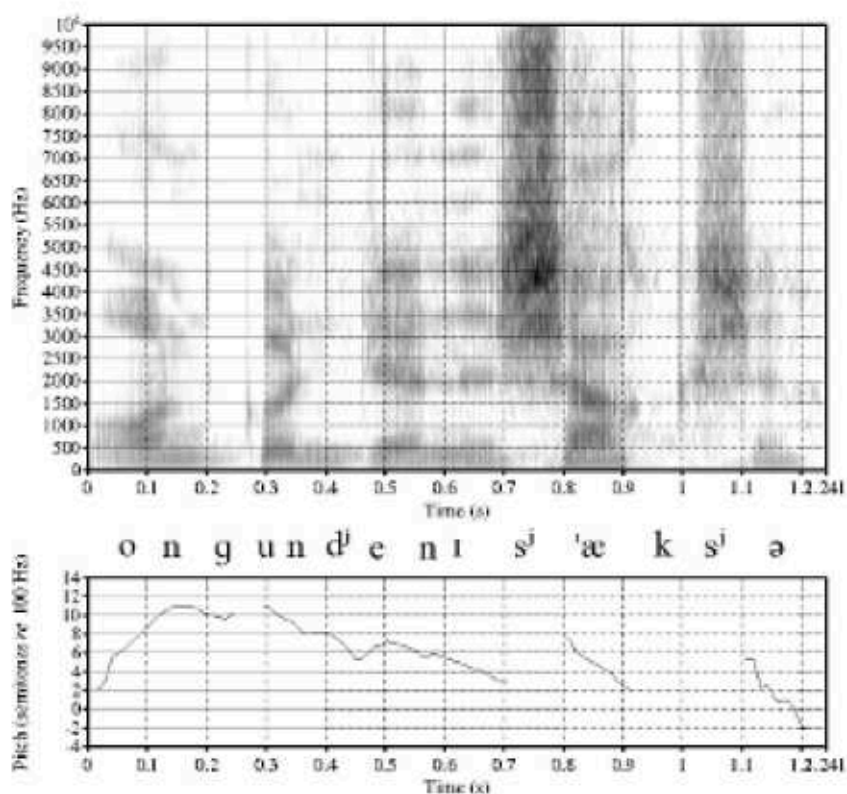
Специальные вопросы у D2 характеризовались плавной деклинацией. Типичный пример представлен на рисунке 9. Мелодический контур начинался с довольно резкой инклинации на 9 полутонов в течение 150 мс, за которой следовала плавная длительная деклинация. Величина деклинации составила 13 полутонов; деклинация была реализована в пределах 1100 мс.



**Р и с у н о к 7. Спектрограмма и интонограмма
вопросительного предложения «Эр дү?» (D2)**



**Р и с у н о к 8. Спектрограмма и интонограмма
специального вопроса «Он дундэрэс сэксэ?» (D1)**

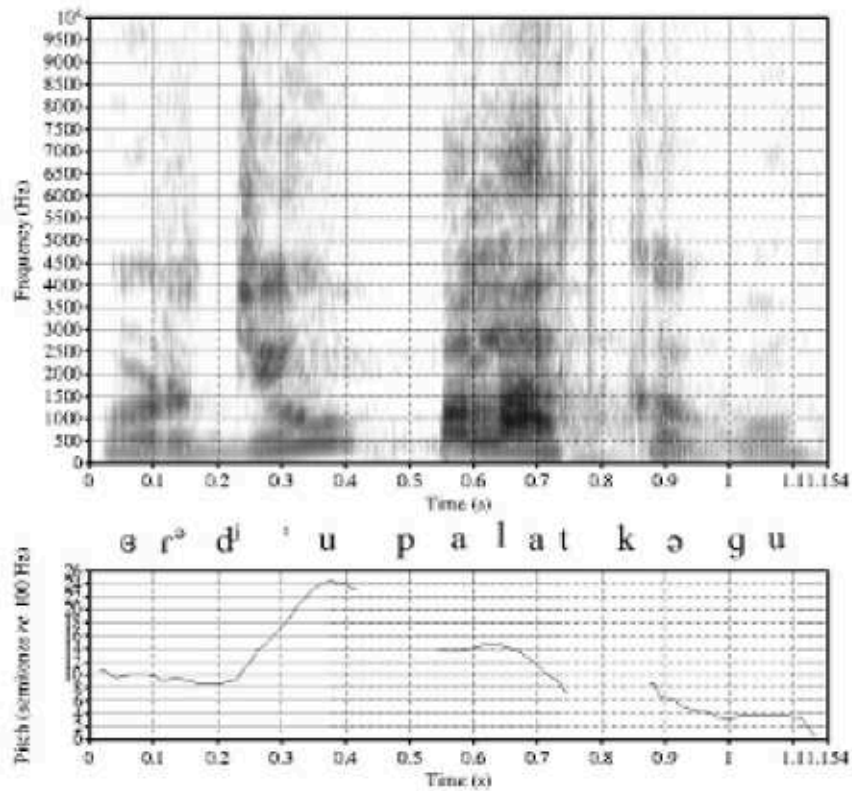


Р и с у н о к 9. Спектрограмма и интонограмма специального вопроса «Он дундэнэс сэксэ?» (D2)

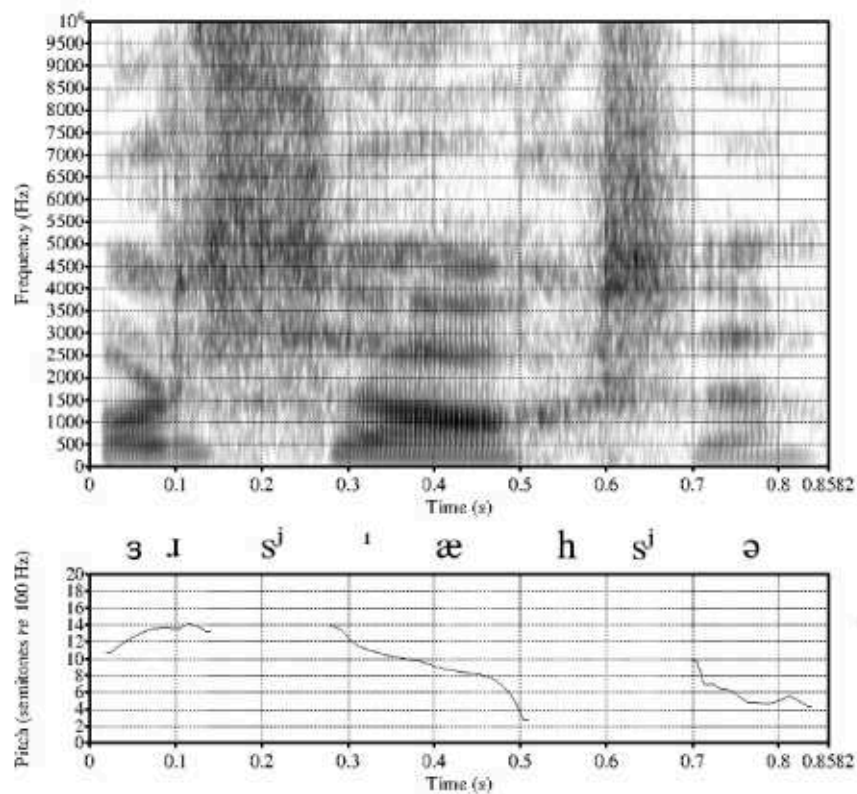
Мелодический контур альтернативных вопросов обоих дикторов совпадал как по направлению ОТ – инклинация, сопровождаемая деклинацией, – так и по крутизне участков инклинации и деклинации (см. рис. 10–11). Инклинация составила 16 и 12 полутонов у D1 и D2 соответственно и была реализована в течение 350 и 380 мс соответственно. Протяженность деклинации (около 800 мс) и её нижняя точка совпали у обоих дикторов; величина деклинации составила 24 и 20 полутонов для D1 и D2 соответственно.

На рисунках 12–13 представлены примеры восклицательных предложений. В обоих случаях наблюдается деклинация, однако если у D1 на ядре (второй слог) падение более резкое – на 11 полутонов, – то у D2 ядро занимает более низкий мелодический уровень, и снижение ОТ на нём составляет всего 4 полутона.

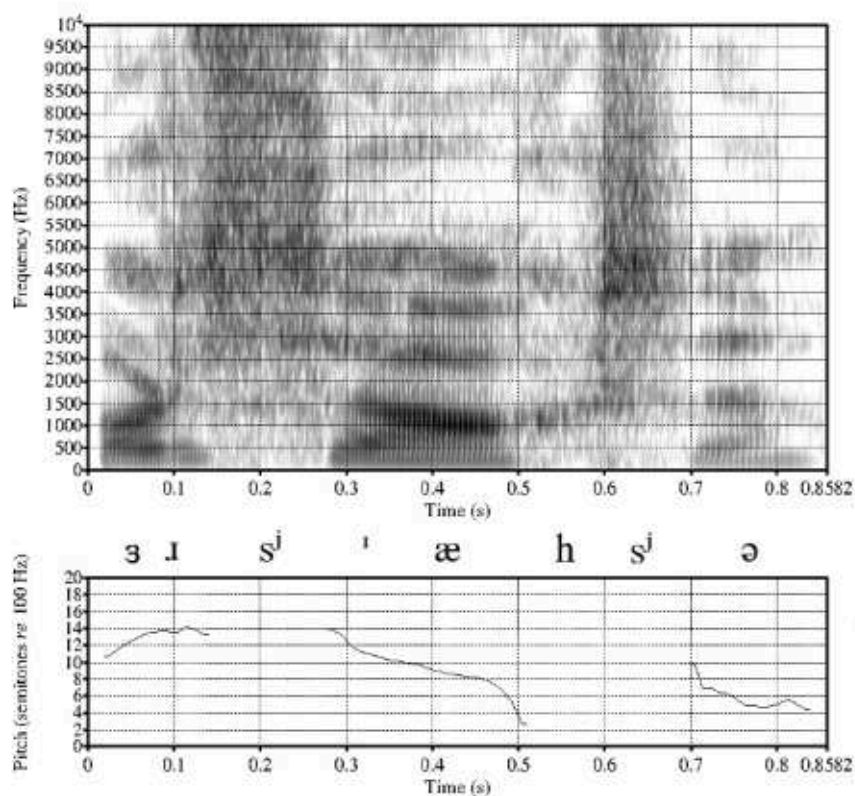
Повелительные предложения у обоих дикторов были выражены схожим образом. На рисунках 14–15 представлены примеры части повелительной конструкции № 9 (см. приложение) – ...тапкаликал! (=... хлопни в ладоши!). Оба диктора использовали плавно нисходящие мелодические контуры, однако, как и в других конструкциях, у D1 отмечался в целом более высокий уровень ОТ по сравнению с D2 (ср. начало мелодического контура на уровне 17 полутонов у D1 и 8 полутонов у D2). Величина деклинации у дикторов отличалась незначительно – 13 и 10 полутонов соответственно у D1 и D2.



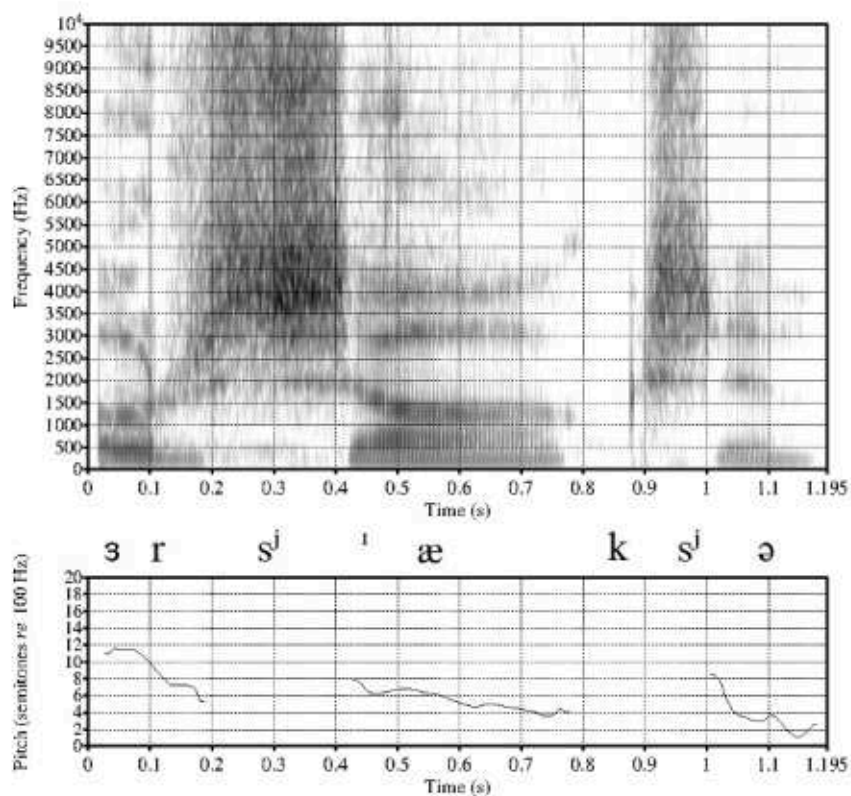
Р и с у н о к 10. Спектрограмма и интонограмма альтернативного вопроса «Эр дю палатка гу?» (D1)



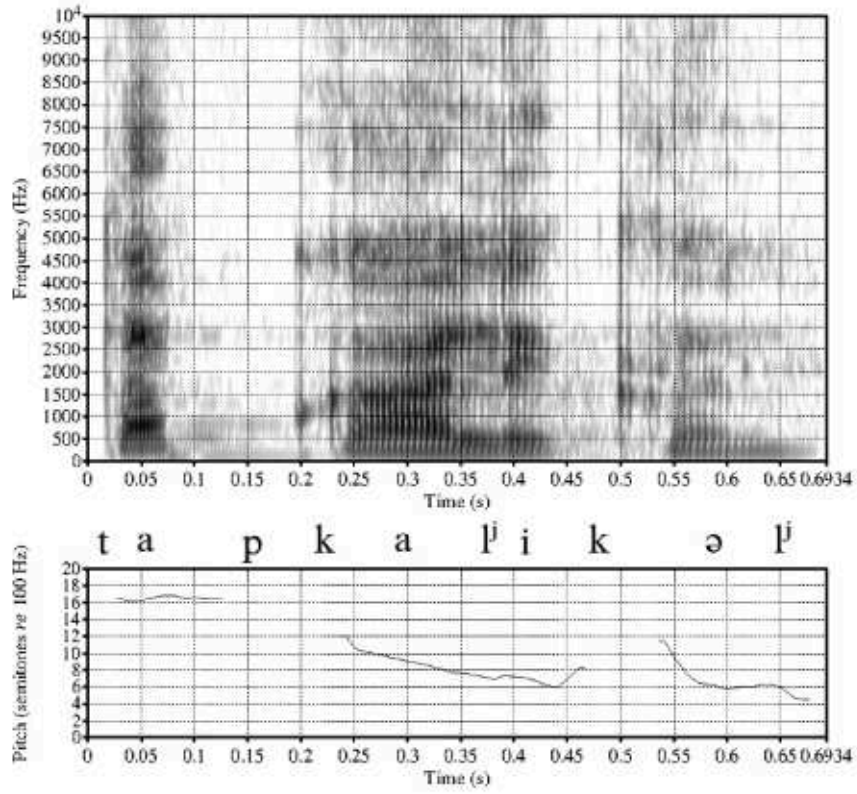
Р и с у н о к 11. Спектрограмма и интонограмма альтернативного вопроса «Эр дю палатка гу?» (D2)



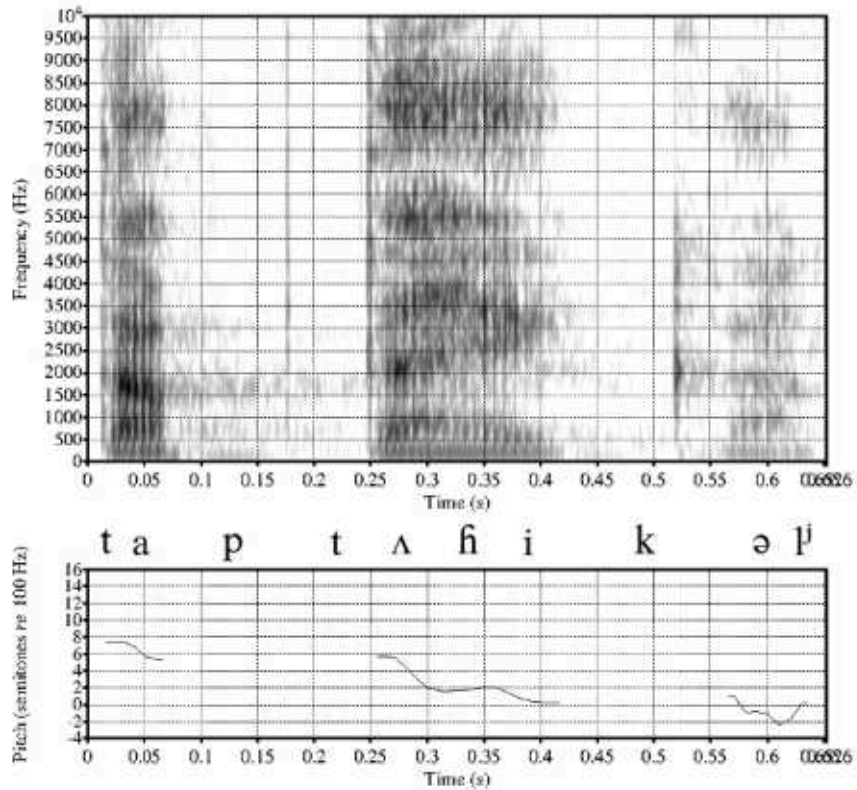
Р и с у н о к 12. Спектрограмма и интонограмма «Эр сэксэ!» (D1)



Р и с у н о к 13. Спектрограмма и интонограмма «Эр сэксэ!» (D2)



Р и с у н о к 14. Часть повелительной конструкции «...тапкаликал!» (D1)



Р и с у н о к 15. Часть повелительной конструкции «...тапкаликал!» (D2)

3. Выводы

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, в реализации интонационных единиц в речи D1 и D2 наблюдалось немало общего. Схожим образом были реализованы утверждения, общие и альтернативные вопросы, а также восклицания и побудительные предложения.

Во-вторых, полностью подтвердилась гипотеза о неустойчивости в реализации эвенкийских фонологических единиц, которую в настоящем исследовании удалось выявить на просодическом уровне. Указанная неустойчивость, на наш взгляд, напрямую связана со статусом эвенкийского языка как исчезающего языка. Если варьирование уровня ОТ при сохранении основных направлений мелодического контура, крутизны инклинации и деклинации связана, скорее всего, с индивидуальными дикторскими особенностями (предположительно – разной эмоциональностью дикторов), то разное направление основного тона в специальных вопросах, по нашему мнению, можно объяснить только разным уровнем владения языком. Хотя для обоих дикторов родным языком является эвенкийский, более молодой диктор D1 пользуется им реже и чаще говорит на русском. В этом плане D2 представляется более «эталонным» диктором в силу того, что практически всегда говорит на эвенкийском, а русский язык знает весьма посредственно. Перспективу исследования составит дальнейшая детализация выявленных тенденций за счёт расширения корпуса исследования.

Список литературы

1. Александрова, Т. Ф. Эвэдыт таткалдырав (начинаем изучать эвенкийский язык) [Текст] / Т. Ф. Александрова, Ф. М. Леханова, В. П. Марфусалова : учеб. пособие. – Нерюнгри, 1999. – 45 с.
2. Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М. : Русский язык, 1977. – 278 с.
3. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области [Текст] / О. Н. Морозова // Обучение иностранному языку на современном этапе студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-методической видеоконференции. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2014. – С. 207–214.
4. Морозова, О. Н. Фонетическая интерференция в русской речи эвенков Приамурья [Текст] / О. Н. Морозова, Е. А. Процукович // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16. – С. 82–88.
5. Начинаем изучать эвенкийский язык : учебное пособие для учащихся начальной школы, не владеющих эвенкийским языком / Ф. М. Леханова, Т. Ф. Александрова, К. И. Макарова [и др.]. – СПб., филиал изд-ва «Просвещение». 2002. – 119 с.
6. Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1977. – 281 с.
7. Процукович, Е. А. Уровень владения эвенкийским языком в местах компактного проживания эвенков Амурской области [Текст] / Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 85–93.
8. Bolinger, D. L. Intonation and its Parts. Melody in Spoken English [Text] / D. L. Bolinger. – Standford : Standford Univ. Press, 1986. – 421 p.

9. Bulatova, N. Evenki [Text] / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World: Materials 141. – Lincom Europa, 1999. – 64 p.
10. Crystal, D. A forgotten English tone – an alternative analysis [Text] / D. Crystal // Le Maître Phonétique. – 1969 a. – N. 132. – P. 34–37.
11. Crystal, D. Intonation and Linguistic Theory [Text] / D. Crystal // The Nordic languages and modern linguistics – N. 2 [ed. by Dahlstedt]. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1975. – P. 267–303.
12. Crystal, D. Prosodic System and Intonation in English [Text] / D. Crystal. – Cambridge : University Press, 1969 b. – VIII-381 p.
13. O'Connor, J. D., Intonation of Colloquial English [Text] / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. Longman, 1978. – 290 p.

References

1. Aleksandrova, T. F. Jevjedyt tatkaldjarav (nachinaem izuchat' jevenkijskij jazyk) [Tekst] / T. F. Aleksandrova, F. M. Lehanova, V. P. Marfusalova : ucheb. posobie. – Nerjungri, 1999. – 45 s.
2. Bryzgunova, E. A. Zvuki i intonacija ruskoj rechi [Tekst] / E. A. Bryzgunova. – M. : Russkij jazyk, 1977. – 278 s.
3. Morozova, O. N. Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskom i Mazanovskom rajonah Amurskoj oblasti [Tekst] / O. N. Morozova // Obuchenie inostrannomu jazyku na sovremennom jetape studentov vysshih i srednih obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom jetape. Materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj videokonferencii. – Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2014. – S. 207–214.
4. Morozova, O. N. Foneticheskaja interferencija v ruskoj rechi jevenkov Priamur'ja [Tekst] / O. N. Morozova, E. A. Procukovich // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 16. – S. 82–88.
5. Nachinaem izuchat' jevenkijskij jazyk : uchebnoe posobie dlja uchashhihsja nachal'noj shkoly, ne vladejushhih jevenkijskim jazykom / F. M. Lehanova, T. F. Aleksandrova, K. I. Makarova [i dr.]. – SPb., filial izd-va «Prosveshhenie». 2002. – 119 s.
6. Nikolaeva T. M. Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – M. : Nauka, 1977. – 281 s.
7. Procukovich, E. A. Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v mestah kompaktnogo prozhivaniya jevenkov Amurskoj oblasti [Tekst] / E. A. Procukovich // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. – Vyp. 1. – № 2. – S. 85–93.
8. Bolinger, D. L. Intonation and its Parts. Melody in Spoken English [Text] / D. L. Bolinger. – Standford : Standford Univ. Press, 1986. – 421 p.
9. Bulatova, N. Evenki [Text] / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World: Materials 141. – Lincom Europa, 1999. – 64 p.
10. Crystal, D. A forgotten English tone – an alternative analysis [Text] / D. Crystal // Le Maître Phonétique. – 1969 a. – N. 132. – P. 34–37.
11. Crystal, D. Intonation and Linguistic Theory [Text] / D. Crystal // The Nordic languages and modern linguistics – N. 2 [ed. by Dahlstedt]. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1975. – P. 267–303.
12. Crystal, D. Prosodic System and Intonation in English [Text] / D. Crystal. – Cambridge : University Press, 1969 b. – VIII-381 p.
13. O'Connor, J. D., Intonation of Colloquial English [Text] / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. Longman, 1978. – 290 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Эр дю. – Это дом.
 - 1.1. Эр сэксэ. – Это кровь.
 - 1.2. Эр неройкан. – Это ребенок.

2. Эр дю? – Это дом?
 - 2.1. Эр сэксэ? – Это кровь?
 - 2.2. Эр неройкан? – Это ребенок?

3. Эр дю, палатка гу? – Это дом или палатка?
 - 3.1. Эр сэксэ, му гу? – Это кровь или вода?
 - 3.2. Эр неройкан, эһэка гу? – Это ребенок или старик?

4. Он гундярэс дю? – Как Вы произносите «дом»?
 - 4.1. Он гундярэс сэксэ? – Как Вы произносите «кровь»?
 - 4.2. Он гундярэс неройкан? – Как Вы произносите «ребенок»?

5. «Дю» - эр туран. – Дом – это слово.
 - 5.1. «Сэксэ» – эр туран. – Кровь – это слово.
 - 5.2. «Неройкан» – эр туран. – Ребенок – это слово.

6. Гукэл «дю». – Скажи «дом».
 - 6.1. Гукэл «сэксэ». – Скажи «кровь».
 - 6.2. Гукэл «неройкан». – Скажи «ребенок».

7. Гукэл «дю» дюра. – Скажи «дом» ещё раз.
 - 7.1. Гукэл «сэксэ» дюра. – Скажи «кровь» ещё раз.
 - 7.2. Гукэл «неройкан» дюра. – Скажи «ребенок» ещё раз.

8. Эр дю! – Вот так дом!
 - 8.1. Эр сэксэ! – Вот так кровь!
 - 8.2. Эр неройкан! – Вот так ребенок!

9. Долдэми туранма «дю», тапкаликал! – Когда услышишь слово «дом», хлопни в ладоши!
 - 9.1. Долдэми туранма «сэксэ», тапкаликал! – Когда услышишь слово «кровь», хлопни в ладоши!
 - 9.2. Долдэми туранма «неройкан», тапкаликал! – Когда услышишь слово «ребенок», хлопни в ладоши!

УДК 81'37
UDC 81'37

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

ЯЗЫК ЧУВСТВ
(из жизни животных и людей)

THE LANGUAGE OF FEELINGS
(from animal and people lives)



Аннотация

В статье рассматриваются семиотические и функциональные аспекты чувственного языка высших животных в различных видах деятельности. Описываются сходство и отличия языка животных и людей, как тождественных семиотических систем. Анализируются некоторые формы вербализации языка чувств и его восприятия в бытовой сфере и искусстве (живописи, скульптуре, танце).

Abstract

The article views semiotic and functional aspects of the language of feeling of higher animals in different types of activities. Similarity and differences of the languages of animals and human beings as identical semiotic systems are described. Some forms of verbalizing of the language of feelings and its perception in everyday life and in the sphere art (painting, sculpture, dancing) are analyzed.

Ключевые слова: язык, языковой знак, восприятие, чувства, эмоции, параязык, искусство.

Keywords: language, linguistic symbol, perception, feelings, emotions, paralanguage, art

1. Введение

Отдавая себе отчёт в невозможности представить в рамках этой статьи полный и исчерпывающий анализ заявленной проблемы, ограничимся лишь теми её аспектами, которые представляются нам наиболее интересными своими проявлениями в разных областях науки и человеческой деятельности. В лингвистике всё реже обнаруживаются доселе не исследованные вопросы теоретического и прикладного характера. Диапазон интересов языковедов настолько широк, что лингвистика уже давно вышла за пределы гуманитарной отрасли, активно сотрудничая с естественнонаучными отраслями: математикой, информатикой, биологией, медициной и так далее. Но иногда найти нерешённую проблему помогают давние и традиционные связи лингвистики с науками, изучающими поведение человека в самых разных сферах его бытия. Социология и психология – именно те области гуманитарного знания, которые периодически обнаруживают те или иные феномены поведения индивида и социума, исследование которых требует лингвистического участия. Одним из таких проявлений можно считать чувственный аспект человеческого поведения, способы и формы презентации чувств.

2. Язык животных и человека: сходство и отличия

Язык призван верифицировать чувства, и в этом смысле человек ничем не отличается от высокоразвитых животных, поведением которых руководит первая сигнальная система. Чувства – это модальная категория. Она выражает отношение живого существа к окружающей действительности посредством вербальных и невербальных средств. Чувственный язык животных имеет, однако, несколько отличий от человеческого аналога. Язык животных статичен, не дискретен и всегда релевантен. Соответственно, знаки человеческого языка дискретны (т.е. подлежат синтагматическому членению), релевантны / иррелевантны (т.е. могут обладать или не обладать планом содержания), динамичны.

Есть и принципиальное сходство, которое в большей степени объединяет язык животных и человека, нежели противопоставляет их. Обе сигнальные системы статичны, но по-разному. Статика необходима языку для осуществления связи и передачи информации от одного поколения другому. Причём в большей мере статична форма языкового знака, обуславливающая его асимметрию.

План выражения ответственен за формирование правил и норм реализации языковых единиц в узусе. Норм речевого поведения придерживаются все без исключения носители сигнального кода. Если говорить о диапазоне вариантности норм человеческого языка и языка животных, то последний – гораздо уже и жёстче. В коммуникации животных вариантность представления знака крайне ограничена из-за необходимости однозначной интерпретации сигнала тем существом, которому он (этот сигнал) предназначен. Таким образом, мы можем добавить ещё одну характеристику к перечню параметров языка животных: однозначность восприятия. Особенно это касается звуковых сигналов, призывающих к тому или иному действию. Например, вой волков, как сигнал предстоящей охоты. «Зевание» самцов у высших приматов как знак угрозы.

Может ли язык животных пополняться новыми сигналами, свидетельствующими о динамике коммуникации? И второй вопрос: насколько статичен инвентарь чувств у животных и человека, имея в виду другую, противоположную характеристику языкового знака – изменчивость (динамику). Функционал коммуникации у животных определяется набором чувств, руководящих их деятельностью. Этим процессом управляет среда обитания. Естественный отбор и эволюция видов (по Дарвину) есть не что иное, как попытки приспособления живых существ к внешней среде. Существование и, главное, сосуществование животных и людей было бы невозможно, если бы они не «изобрели» язык, сигнальный код взаимодействия внутри вида и за его пределами.

Изменение условий жизни неизбежно приводило к пополнению и (или) изменению сигналов. Есть наблюдения зоологов, свидетельствующие о появлении у японских макак, размещённых в 70-е годы прошлого века в северных регионах страны с континентальным климатом, звуковых, тактильных и мимических сигналов, не присущих их сородичам, обитающим в Африке и Азии. Снижение общей активности японских макак кажется вполне закономерным и сопоставимым с более размеренным, спокойным образом жизни и проявлением чувств северных народов и социумов, проживающих в замкнутых, вне материковых пространствах. Таким образом, мы вправе сделать два промежуточных вывода о том, что: а) чувственность это социальная категория, в большей мере объединяющая высших животных и людей, нежели противопоставляющая их; б) чувственность имеет градуальное измерение, которое обусловлено внешними факторами, регламентирующими жизнь и деятельность живых разумных существ.

Психическая составляющая чувственности – индивидуальна. Формирование и проявление чувств, в большей степени, определяется психотипом личности, константной характеристикой, сопровождающей человека (животное) на протяжении всей жизни. Психотип, в отличие от социального статуса индивида, который может меняться, имеет метафизическую природу. Набор чувств, присущих каждому психотипу, так же постоянен, как постоянны их проявления в строго заданном диапазоне. Высшие животные, приматы, прежде всего, характеризуются индивидуальными особенностями темперамента, но они не всегда выражаются соответствующими эмоциями. Психика во внутривидовых отношениях, как правило, регламентируется более значимым для коллективного сосуществования параметром – социальностью. Это не значит, что животные способны сдерживать свои чувства. Это значит, что проявление чувственности у животных осуществляется в строго заданном диапазоне, определяемом набором инстинктов. Кроме того, чувства заданы временем и пространством. Природа сама определяет способы и формы чувственных отношений в среде братьев наших меньших. И всё здесь подчинено высшей цели – выживанию рода. «Вид – это всё, индивидуум – ничто» (Ф. Ницше).

Существование вида зависит от многих причин. Одной из главных следует, видимо, считать способность к сохранению и передаче информации. Чувственность языка животных стимулирует формирование инвентаря правил выражения своего отношения к сородичам посредством эмоций. Эмотивная составляющая в поведении высших животных и людей не имеет, на наш взгляд, принципиальных отличий. Факт присутствия эмоций, как формы выражения чувств по отношению к себе подобным и окружающей действительности, неоспорим с одной лишь ого-

воркой. У животных эмоции в меньшей степени поддаются саморегуляции. В данном случае психика подавляет сознание. Исследователями поведения обезьян много раз анализировалась ситуация, когда экзальтированное поведение одного члена стаи приводило всю группу в крайне возбуждённое состояние и выйти из него помогало только переключение внимания обезьян на другой объект, осуществляемое извне. Групповая рефлексия на раздражитель у людей сопровождается не меньшим выбросом эмоций, и привести толпу в чувства, то есть в состояние самоконтроля поведения тоже не просто. Состояние аффекта не контролируется сознанием. Именно поэтому правонарушения, совершенные в состоянии повышенной эмоциональной возбудимости, находят у преступников только одну форму мотивации: «Я не хотел...».

Ещё одна особенность поведения, присущая только людям; она состоит в способности вуализации чувств. Животные не могут скрывать своих эмоций, хотя их проявления могут быть более или менее явными и выраженными. Человек же способен подавлять свои чувства либо выставлять их напоказ, демонстрировать эмоции, не соответствующие его чувствам к тому или иному объекту или явлению. При этом внутреннее состояние индивида может быть противоположным его внешним проявлениям, выраженным (или не выраженным) вербально. Двуличие, неискренность одно из самых распространённых и мерзких качеств человека, разрушающего его психику и отягощающее характер отношений индивида с другими людьми.

Вторая сигнальная система предоставляет человеку выбор речевого и паразыкового поведения. У животных такого выбора нет, но безальтернативность в данном случае не несёт в себе каких-либо издержек. Мораль и нравственность, равно как аморальность и безнравственность – категории бытия и сознания человека. Хищники убивают более слабых представителей других видов, не испытывая при этом угрызений «совести» только лишь потому, что совесть не является характеристикой этих существ. Люди убивают себе подобных и животных, преступая одну из главных Христианских заповедей – «не убий!». Пацифизм, как общественная позиция и нравственное состояние индивида, к сожалению, не может противостоять своим антиподам: жестокости, коварству, подавлению (уничтожению) более слабого. Такова человеческая природа: внутривидовая агрессия сопровождает развитие *homo sapiens* и определяет его поведение с доисторических времён по сей день.

3. «Злое бытие» людей и животных

Только в сказках и судьбе Иисуса Христа добро побеждает зло, а жизнь – смерть. В действительности же все наоборот. «Бытие есть зло», сказал Ф. Ницше, и был абсолютно прав. Одна из основных причин «злого бытия» – недостаток пищи, порождающий чувство голода. Естественный отбор – процесс безнравственный и жестокий, но это единственно возможный способ селекции и сохранения тех видов живых существ, включая человека, которые обладают жизненным потенциалом и способностью удовлетворить свои физиологические и нравственные (чувственные) потребности. Процесс физиологического насыщения у животных осуществляется по-разному, в зависимости от принадлежности к тому или иному виду, занимающему свою нишу в природной среде. Пища – главная составляющая бытия животных и человека. Без пищи вид в целом и каждый из его представителей обречён на вымирание. Это не-

преложный факт жизни животных и людей. Ещё одна общая характеристика состоит в том, что физиологическое удовлетворение потребностей более сильных всегда осуществляется за счёт более слабых. В этой зависимости, с некоторой оговоркой, за скобки выносятся отношения родителей и детей. Родители обязаны кормить своих детей, и эта генетическая потребность заложена природой в сознании животных и людей. Однако если еды не хватает, дети сами нередко становятся пищей для родителей. Весьма частым является факт поедания детёнышей у грызунов (крыс, кроликов, сусликов и т.д).

Чувство голода и желание выжить любым способом обуславливает случаи каннибализма у людей. История криминалистики знает множество таких случаев. По воспоминаниям Д. А. Гранина, во время блокады Ленинграда факты каннибализма были зафиксированы многократно. Голод способен нивелировать даже высшие чувства человека, к которым относится любовь матери к своим детям. Именно матери в большинстве случаев убивали своих детей в блокаду. Есть ли этому факту объяснение, и подлежит ли он безоговорочному осуждению с позиций морали и нравственности? Не так все просто, оказывается. Д. А. Гранин свидетельствует, что блокадный каннибализм имел место в семьях с двумя и более детьми. Матери приносили в жертву наиболее слабого ребёнка, чтобы выжили другие. Чувство голода в данном случае контролировалось сознанием во имя высшей цели: сохранение семьи за счёт одного из её членов. Чувство родительской любви у людей и животных существенно отличается только одной позицией. У животных отсутствует любовь отца. Более того, в отряде хищников самцы часто убивают детёнышей более слабого соперника, вынуждая самку рожать и воспитывать новое потомство. Но во всяком правиле есть исключения. Одно из немногих – императорские пингвины. Мать и отец делят поровну время и усилия по сохранению и кормлению детёнышей в жесточайших условиях Антарктиды.

Родительский, преимущественно, материнский инстинкт сохранения потомства, тем не менее, не может заставить животных пренебречь своим чувством голода в пользу детёныша. Зоологами часто фиксируются случаи голодной смерти детёнышей хищников, представителей отряда кошачьих, в частности. Хищные птицы, кормящие своё потомство мясом или рыбой, часто утоляют свой голод за счёт одного из птенцов, обрекая его на голодную смерть. Можно ли утверждать, что распределение пищи между детьми вообще не присуще животному миру, поскольку этот процесс регулируется инстинктивно? И сопутствующий вопрос: испытывают ли животные чувство сострадания к слабым и старым в процессе удовлетворения своих физиологических потребностей? Вероятно, поговорка «Кто смел, тот и съел» определяет ответ на первый вопрос. Кому приходилось наблюдать за поведением птенцов в гнезде, обратили внимание на то, что при абсолютно одинаковом поведении, которое демонстрируют птенцы, встречая принёсших корм родителей (попискивание и хлопанье крыльшками), еду получают не все и не в равных пропорциях. Такая же ситуация у хищников; некоторые из них (волки, гиены) кормят детёнышей полупереваренной пищей, отрывая её. За пищу нужно бороться. Этот инстинкт руководит поведением животных от рождения и до смерти. Природа иногда провоцирует жестокую конкуренцию за существование между детёнышами, которая не поддается родительской регуляции. У самки австралийского дьявола, как правило, рождается больше детёнышей, чем сосков у матери. Вот уж где «жизнь – борьба!».

Ответ на второй вопрос, возможно, удивит читателей, но это документальный факт, который был показан по телевидению. В львином прайде, как известно, самцы лишь номинально занимают лидирующую позицию, отвечая за общую безопасность семьи и деторождаемость. Едой прайд обеспечивают львицы. Среди них существует жёсткая социальная иерархия, определяемая способностями львицы к поиску и добыче парнокопытных, являющихся основной пищей львов. В охоте на зебр, львица, имевшая самый высокий социальный статус из-за своих выдающихся охотничьих способностей, получила от преследуемой зебры удар копытом. Нижняя часть морды львицы была изувечена так, что она была больше не в состоянии откусывать мясо от туш убитых львами животных. Сцена, которая была зафиксирована камерой, представляла группу львиц, расположившихся вокруг убитой антилопы и поедавших её. Старая львица лежала поодаль и уныло наблюдала за трапезой. Вдруг, одна из львиц, откусив у антилопы кусок мяса, на котором не было костей, взяла его в зубы, поднесла к покалеченной родственнице и положила мясо рядом с ней... Потрясающая сцена, ломающая традиционные представления о хищниках. Что это? Неведомое до сих пор людям поведение хищника, находящегося на вершине пищевой пирамиды и обладающего правом на единичные исключения из правил жёсткой социальной иерархии, в которых нет места сочувствию? Или привычная забота о ближних, выходящая за рамки материнского инстинкта и равная, а, может быть, превосходящая по значимости основной концепт жизни животных (basic instinct) – пищу? Решать дилемму предстоит зоологам, но в любом случае это нечто, из ряда вон выходящее.

Ещё один пример, но уже из жизни парнокопытных. История была рассказана мне моим дедом. В голодное послевоенное время его семья держала небольшое козье стадо (3 козы и 1 козёл). Козы давали молоко, но по причине большого количества детей и жуткого голода козочек пришлось зарезать и съесть. Большого сожаления по этому поводу мой дед не испытывал, поскольку самым близким существом для него после смерти жены (моей бабушки) стал козёл «Черчиль», обладавший добрым нравом и недюжинным интеллектом. Козёл выполнял около десятка голосовых команд деда и повсюду сопровождал его. Но пришло время выходить замуж старшей дочери моего деда. На свадебное угощение ожидалось много гостей. На семейном совете было принято тяжёлое, но единственно возможное решение – зарезать Черчиля и приготовить угощение. Накануне этого печального, если не сказать трагичного события, дед пошёл в сарай и принялся точить нож. Черчиль стоял рядом и всё видел. Объяснить что-либо бедняге не имело смысла. Дед не стал запираť козла в сарае, как он это обычно делал, решив, что если Черчиль ночью уйдёт со двора, то так тому и быть. Значит, не судьба. Утром, когда дед вышел из дома, Черчиль стоял у сарая. Из его глаз катились слёзы...

Дотошный читатель спросит: «А что же крокодилы? Они ведь тоже плачут». Как объяснить тот факт, что один из подвидов этих рептилий, гребнистый крокодил, часто нападающий на людей, сожрав туловище человека, почему-то орошает его голову слезами и только после этого завершает своё пиршество. По меньшей мере, странное поведение, не так ли? Однако есть немало свидетелей, подтверждающих это. Долгое время ключ к этой загадке не находился. И лишь сравнительно недавно шведским учёным Фанге и Шмидту-Нильссону удалось раскрыть эту тайну. Они доказали, что крокодилы действительно плачут, и объ-

яснили, почему это происходит. Конечно, не от жалости к своей жертве, а от избытка вредных шлаков, попадающих в организм крокодила вместе с пищей. Для их удаления у крокодила развились специальные железы, открывающиеся наружу у самых глаз. Заработали железы – и заплакал крокодил горючими слезами, но вовсе не из-за сочувствия к своей жертве.

Но именно сочувствие руководило действиями персонажей двух предыдущих примеров. Сочувствие, как искреннее понимание состояния ближнего и желание помочь ему. Слезы крокодила и метафорическое производное – «крокодиловы слёзы», как маркер лицемерия человека, якобы сочувствующего чужому горю, это одна из форм способности *homo sapiens* к вуализации своих чувств. Пустить слезу, не испытывая соответствующего чувства, довольно сложно. Человек должен заставить себя солгать, не используя вербальных средств. Замечено, что женщины плачут чаще и «охотнее» мужчин. Но объяснить этот факт функциональным преобладанием правого полушария, ответственным за психоэмоциональное состояние человека, учёные смогли относительно недавно. Есть ещё одно обстоятельство психофизиологического плана, имеющее отношение к данной проблеме. Вуализация чувств и сдерживание эмоций далеко не всегда способствует сохранению психофизического здоровья человека. Не напрасно существует народная мудрость «Поплачь, легче станет!».

Однако есть и другая сторона «медали». Чувственная свобода часто приводит к эмоциональной распушенности индивида, что разрушает его психику в не меньшей мере, чем сдерживание чувств. Как научиться соблюдать баланс проявления искренних переживаний и лицедейства? И можно ли обойтись только одним из этих состояний без ущерба для себя и окружающих? Ходят ли люди в «маске» или носят её с собой?

Чеховский персонаж Беликов из рассказа «Человек в футляре» не столь редкое явление и в нашей жизни. Футляр необходим, но не как повседневная форма самопрезентации, а как защита от агрессивной внешней среды. Футляр, как субъект (личность), исключает любую из форм лицемерия. Он свято верит в циркуляр, свод правил, норм, которые регламентируют все проявления жизни. Будучи объектом внимания к своей персоне, человек в футляре может использовать несколько средств, позволяющих ему рассчитывать на заданные рамки взаимодействия с окружающими. Вспомним мужа А. Карениной из одноимённого романа, человека гораздо более сложного и неоднозначного, нежели герой чеховского рассказа, выписанный с некоторым налётом фарса. «Футляр» Каренина иного качества. Он несёт в себе охранную функцию не только себя, любимого, но и семейных отношений, также предполагающих определённую дистанцию в отношениях мужа и жены, родителей и ребёнка. Любовь Каренина к жене и сыну столь же искренна, сколь и дозирована. Объединяет Беликова и Каренина одно, достойное уважения качество личности – цельность. Цельный человек, по определению, не способен казаться, кем бы то ни было. Заложенные в нём правила поведения не подвергаются ревизии, несмотря на сложности бытия и характер отношений с окружающими людьми. Но, быть, гораздо сложнее, чем казаться. Ницше заметил, что «не многие имеют возможность быть независимыми: это преимущество – сильных». А. И. Солженицын называл таких индивидов «людьми со стержнем». Они, как правило, неудобны в общении, поскольку часто имеют свою, отличную от большинства, позицию. Их не тяготит одиночество, так как

они самодостаточны и принятые в обществе ценности (семья, дети, друзья) могут быть ими проигнорированы в пользу уединения. «VITA CONTEMPLATIVA» (жизнь созерцательная) становится уделом таких людей.

4. Зрительный анализатор: рассудок или чувства?

Однако созерцание нельзя назвать исключительно пассивным процессом по той причине, что ответственный за эту операцию орган – глаза являются самым мощным анализатором всех живых существ. Не случайно ведущий отечественный физиолог зрения В. Д. Глезер (1985) считает глаз «частью мозга, вынесенного наружу». Глаза не только фиксируют и оценивают объект, но передают в мозг необходимую для принятия решения информацию. Но вот, что интересно. Один и тот же объект внимания оценивается зрительным анализатором, глазами разных людей, по-разному. Соответственно и результат мыслительной операции, следующей за визуальной оценкой объекта, может варьировать весьма существенно.

Лет пять назад мною был проведён нехитрый эксперимент, подтверждающий сделанный вывод (Наумов, 2012). Объектом анализа стала динамическая картинка (10 рисунков) датского художника Х. Бидструпа, представляющая нескольких персонажей (двое мужчин и собака). Хозяин собаки, дабы продемонстрировать выучку своего питомца, бросил в воду сначала свой зонт, а затем зонт своего попутчика. Когда пёс достал второй зонт, он вдруг не захотел его отдавать, ни своему хозяину, ни владельцу зонта, из-за чего возник скандал...

Приведём в самых общих чертах результаты эксперимента, в котором участвовали 22 студента первого курса направления «Лингвистика». Анализ результатов проводился по следующим позициям:

- 1) объем текстов, содержащих описание ситуации;
- 2) анализ предложенных испытуемыми заголовков текста;
- 3) лингвистическая атрибуция текстов;
- 4) анализ резюме, которое должны были сделать студенты, оценивая события картинки.

Итак, по порядку. Вариационный размах линейной протяжённости текстов: от 74 до 339 слов. Примечательно, что автором самого протяжённого текста оказался представитель мужского пола, что противоречит распространённому мнению специалистов речевой гендерологии, согласно которому, линейные параметры маскулинного речевого типа уступают аналогичным параметрам фемининного типа.

Теперь о названиях. Испытуемые предложили 21 вариант заглавия текста. Их анализ показывает аналитический характер взаимодействия зрения и мышления, проявляющийся не только в формировании некоего опорного признака, маркера ядра плана содержания текста и реализующегося в его названии, но в процессе порождения самого письменного текста в целом. Кстати говоря, ни один из вариантов заглавий, предложенных студентами, не совпал с вариантом автора рисунков. Х. Бидstrup назвал эту зарисовку «Достал».

Анализ следующего параметра эксперимента должен был, прежде всего, показать способы и формы речевого представления визуального ряда, вызывающего у испытуемых те или иные чувства и размышления, которые в свою очередь определённым образом характеризовали авторов анализируемых нарративов. В большинстве текстов (16) имеет место единая схема построения

фабулы нарратива с преобладанием синтагматического (последовательного) способа повествования, когда одно событие (эпизод), описываемое автором, сменяется другим. Сочинительный способ речепроизводства в данном случае в известной мере был предопределён авторской формой последовательной смены рисунков, иллюстрирующих развитие сюжетной линии. С другой стороны, в таком способе представления смысловых образов, возникших в результате визуально-чувственного анализа, есть и объективная причина. Известно, что сочинительный стиль повествования присущ определённому «нежному» возрасту, из которого только что вышли участники эксперимента. Впоследствии этот стиль трансформируется в более развитый структурно-сюжетный гипотактический стиль, характеризующийся смысловыми сцеплениями парадигматического содержания – синонимии, антонимии, обобщений.

В анализе резюме обращает на себя внимание различие в определении главного звена, доминанты событий. По этому признаку резюме испытуемых можно сгруппировать следующим образом: а) во главе событий собака; б) в центре описания человек и его чувства (качества); в) причина и предмет неприятностей – зонт; г) отсутствие резюме (лица, предмета, как некой доминанты событий), общая оценка событий. Не вдаваясь в подробности, заметим главное: среди оценочных категорий, превалирующих в резюме, лидирующую позицию занимает умозаключение, характеризующее такое качество человека, как легкомыслие. В целом, проведённый анализ результатов эксперимента даёт основание констатировать следующее: зрительные рецепторы, зафиксировав предъявленное изображение, стимулировали мозг испытуемых к порождению семиотически неоднородного нарратива (текста) с широким диапазоном количественных и качественных параметров.

Глаза человека – это действительно часть мозга, ответственная за идентификацию объекта зрения и аналитическую интерпретацию его свойств. Но глаза индивида в данном случае видят то, что позволяет видеть мозг. Поэтому анализ, как доминирующую функцию зрения, следует считать характеристикой, в большей мере зависимой от интеллекта. Во всяком случае, если речь идёт не просто о визуальном восприятии предмета (явления), а о письменной, графической, фиксации процесса восприятия. Если же в этом нет нужды, то анализ может иметь сугубо чувственное выражение, без промежуточной «посадки» в интеллект. Такой, к примеру, механизм восприятия живописи и скульптуры. Полотно художника или скульптурная композиция, вне зависимости от его размеров, в большинстве случаев фиксируется зрительными анализаторами сразу, целиком. Процесс этот, в отличие от предыдущего примера, не дискретен, хотя в каждой картине присутствует сюжет, предполагающий поэтапный анализ произведения. Исключения представляют работы абстракционистов, хотя и здесь зритель может распознать замысел и язык художника. «Чёрный квадрат» К. Малевича, как это ни покажется странным, имеет весьма широкий диапазон эмоциональных оценок зрителей.

Можно ли объяснить восторг поклонников кубизма только новизной этого течения в живописи, желанием автора эпатировать публику или здесь какие – то другие причины, связанные с душевными переживаниями избранных зрителей? Если это так, то можно ли считать такие чувства (эмоции) искренними? До сих пор однозначного ответа не существует. Бесспорно, на наш взгляд, одно. Феномен «золотого сечения», открытый в 13 в. итальянским математиком Фи-

боначчи, определяет гармонию не только чисел и линий, но и восприятия человеком произведений искусства. Идеальной с позиций золотого сечения, как известно, является прямоугольник с пропорциями горизонтальных и вертикальных сторон 1, 62 или 62% (горизонталь) и 38% (вертикаль). Такие соотношения размеров получили название «божественная пропорция», поскольку их восприятие соответствует фокусу зрительных центров, имеющих распределение $3/8$ и $5/8$ по отношению к соответствующим краям плоскости изображения. Наиболее известными произведениями живописи и скульптуры, выполненными в диапазоне золотого сечения, принято считать пирамиду Хеопса, рельеф фараона Египта – Рамзеса, некоторые картины Л. да Винчи.

Однако многочисленные исследования параметров золотого сечения свидетельствуют о неоднозначной оценке этого явления. Многие респонденты считают пропорции золотого сечения «растянутыми», не очень «удобными» для восприятия. Возможно, именно этим обстоятельством можно объяснить успех «Чёрного квадрата». Выбор цвета здесь тоже имел значение. Оранжевый или зелёный квадрат вряд ли бы вызвали такой ажиотаж. Чёрный – цвет философский, побуждающий к размышлению. Не случайно Ф. Ницше был неравнодушен к этому цвету в оценке «слабого» пола: «Чёрное одеяние и молчаливость делают умной любую женщину». Но цвет, заключённый в неодушевлённую геометрическую фигуру, может вызвать только размышления. Чувственной (эмоциональной) реакции это полотно, равно как и другие объекты абстрактной живописи и скульптуры, вызвать не могут. Пирамида Хеопса поражает своими размерами, но не вызывает восхищения. Скорее наоборот, она подавляет зрителя. Масштабные скульптурные композиции З. Церетели в Москве в лучшем случае оставляют зрителей равнодушными.

Может сложиться впечатление, что большие габариты вообще не способны радовать глаз и вызывать положительные эмоции. Это не так. И доказательством здесь могут стать эпические полотна И. С. Глазунова, поражающие воображение и чувства зрителя феноменальной способностью художника представить в одной картине всю историю страны («Вечная Россия», 1988). В данном случае восприятие дискретно. Заинтересованный зритель обязан синтезировать картину в соответствии с композиционным замыслом автора, расположившим события и персонажи картины в строго выстроенной последовательности и исторической значимости. Только так можно затем перейти к анализу всего полотна, как единого свидетельства представленных здесь событий и фактов.

Динамика восприятия такого произведения изоморфна восприятию танца, как многоплановой знаковой демонстрации чувств, с одной стороны, и способа передачи содержащейся в танце информации, с другой.

5. Семиотика танца (чувственная информация).

Общеизвестна, например, семиотическая природа «танца» пчёл, сообщающих о наличии нектара в строго определённом месте, его удалённости от улья и направлении полёта к нему. В этом танце нет чувств и эмоций. Это язык, жизненно важный сигнальный код, который обеспечивает существование социума. Танец по своей природе полифункционален: он является и самым древним видом коммуникации и самым древним видом искусства. У птиц и животных та-

нец это один из способов привлечения особей противоположного пола или демонстрация сил самцов во внутривидовом единоборстве.

В танцевальных телодвижениях людей многое заимствовано из мира братьев наших меньших. Принципиальная разница в том, что танцевальные па животных и птиц это инстинктивные, произвольные сигналы, которым их «научила» природа, а танцы людей это чувственные формы познания себя и окружающего мира. Именно поэтому восприятие танцев людей обусловлено канонами общечеловеческой и национальной эстетики. Но танец, как знаковая композиция, несёт в себе ещё и смысловую нагрузку. Индийский танец нужно не столько смотреть и наслаждаться, сколько «читать» и распознавать его семиотику. Это один из самых сложных способов демонстрации своих чувств исполнителем танца с помощью тела, рук, глаз, одежды. Движения и комбинации пальцев танцовщицы – знаки символы. Носителю другой культуры они непонятны. Эстетическая функция индийского танца вторична. Первичен язык, передающий эмоциональное состояние танцовщицы, её чувства к возлюбленному. Сложность и многокомпонентность телодвижений человеческого танца, однако, далеко не всегда является критерием его эстетической, чувственной оценки.

Приведём другой пример, демонстрирующий предельный эстетический аскетизм, выражающийся всего в одном телодвижении. Танец африканского племени масаи (Кения) представляет собой групповое действие нескольких мужчин, собирающихся в круг и подпрыгивающих по очереди или одновременно вверх на одном месте. Вряд ли такие «танцевальные» экзерсизы способны вызвать чувство эстетического наслаждения у представителей европейской или американской культуры. Однако у соплеменников масаи непререкаемым авторитетом в танцевальном искусстве пользуется тот мужчина, который подпрыгивает выше остальных. Он же вызывает у женской половины племени искреннее восхищение и готовность принадлежать ему душой и телом. Этот пример – абсолютное подтверждение известного философского постулата о том, что бытие определяет сознание. Можно добавить: не только сознание, но и эстетическую ментальность. Смысл «танцевальных» движений масаи был открыт сравнительно недавно.

Племена масаи – скотоводы. Они пасут коров и коз в местах, где охотятся львы. Пастухи масаи, выпрыгивая вверх, следят таким образом за приближением к стаду хищников. Бытовой характер танца в данном случае бесспорен. Пастух, охраняющий коров и совершающий в течение дня несколько сотен прыжков, больше похож на спортсмена на тренировке. Тем не менее, исполняемые им телодвижения («танец») – жизненная необходимость, обеспечивающая пищевой баланс племени. Здесь не до эстетики. Другое дело, когда «танец» масаи исполняется на публике. Танцоры становятся участниками состязания, а победитель получает статус знаковой фигуры племени. Соревновательная составляющая группового танца играет важную роль во многих культурах. Индивидуальное мастерство танцора выгодно оттеняет коллективный план содержания танца, демонстрирует единство композиции, подчеркивает его стилистические особенности. В танце, как нигде, раскрывается темперамент и характер личности, аккумулирующей в своих телодвижениях национальную эстетику. В. Гумбольдт называл язык «духом народа». Танец, являющийся невербальным, чувственным коммуникативным кодом народа, можно считать его душой.

6. Душа - источник чувств.

Концепт души в философии, религии и культурологии освещён достаточно полно, хотя общепринятой дефиниции этого феномена на сегодняшний день нет. Платон говорил, что душа и тело существуют отдельно друг от друга. Аристотель трактовал душу и тело, как неразрывно связанное единство.

Иудаизм представляет понятие души, как независимой от тела сущности, созданной непосредственно Богом. По своей природе душа непорочна; она одухотворяет тело и управляет им. Подобно тому, как Бог наполняет Вселенную, оставаясь невидимым, так и душа наполняет тело человека, будучи невидимой, неосязаемой.

В Христианстве душа – бессмертная нематериальная сущность человека, носитель разума, чувств и воли (троичность души). После смерти человека душа продолжает сознательное вне телесное существование, и её дальнейшая судьба определяется Богом на суде, имеющим два исхода: ад и рай. Таким образом, Христианство (католицизм и православие) а priori наделяют душу человека склонностью к пороку, и в зависимости от степени (не)порочности покинувшего брэнную Землю человека, отправляют его душу либо в вечно цветущий райский сад, либо в огненное чистилище, к Сатане и его рогатым подручным. Почему же душа, как триединая сущность, не способна обеспечить всем людям потенциальную возможность загробного райского существования? Какая из трёх составляющих души, в большей степени ответственна за те или иные поступки человека, по которым суд Божий его оценивает и выносит соответствующий вердикт? И, наконец, какую роль в этой триаде играет язык, материализующий проявления разума, чувств и воли человека?

Господь, наделивший людей разумом, позволил им выражать свое отношение к миру и себе подобным посредством чувств. Воля – это регулятивная основа проявления чувств и разума. Она есть не у всех людей. Волевой человек, как правило, сдержан и не проявляет своих чувств до поры до времени. Разум подсказывает ему, когда и кому он может показать свое расположение или неприязнь. Довольно часто, как уже отмечалось, психика индивида, имеющая рефлексивную природу, противодействует разуму и опережает его, заставляя человека следовать реактивным, надволевым посылам души. Именно этой особенностью человеческой психики, мы обязаны проявлениям такого высшего чувства, как любовь. Не напрасно народная мудрость гласит: «Любовь зла». А зла любовь потому, что: а) она неразборчива в определении объекта, который может оказаться впоследствии недостойным этого чувства (*Die Liebe sucht des Ihrigen nicht*); б) любовь это одно из немногих чувств, способных дезавуировать разум и волю, лишив душу двух слоев защиты, обнажив её. Существует ещё одна, расхожая, но достаточно точная формула любви: «Если ты можешь объяснить, за что любишь эту женщину (этого мужчину), значит ты её (его) не любишь». То есть чувство любви, таким образом, изначально не предполагает работу разума и анализ объекта внимания вербальными средствами. Он (объект) принимается целиком, сразу и безоговорочно. Оценка качеств предмета любви имеет место тогда, когда по каким-либо причинам он (она) начинает не соответствовать представлениям любящего (или влюблённого) человека о своем избраннике (-це). В этом случае душа «подключает» разум и волю, которые выводят отношения двух индивидуумов на такой уровень прагматики, который либо позволяет им адаптироваться друг к другу за

счёт чувственной (эмоциональной) составляющей, либо стимулирует дальнейшее нарастание неудовлетворённости и разочарования, приводящее к окончательному разрыву. Качественные характеристики антипода любви, ненависти, столь же сильного по эмоциональной энергии чувства, формируются исключительно разумом. Не бывает беспочвенной, беспричинной ненависти. За редким исключением, когда неприязнь (ненависть) имеет немотивированную основу, обусловленную внутренним состоянием субъекта, эти чувства поддаются рассудочной, волевой оценке. Значит ли это, что гнев, неприязнь, ненависть всегда адекватны раздражителю (стимулу)? Отрицательный ответ очевиден и не требует особых пояснений. Внутривидовая агрессия у животных и людей имеет две основных формы: а) открытая демонстрация физического или интеллектуального превосходства особей с высоким социальным статусом; б) латентная агрессия (исподтишка) более слабых индивидов, занимающих подчиненную позицию, но имеющих перспективу изменить свое социальное положение. Именно вторая форма порождает множество завуалированных, хитроумных комбинаций, посредством которых устраняются препятствия и объект чувственной оценки становится достигаемым и уязвимым.

Следует заметить, что причины появления чувств любви и ненависти, противоположных по содержанию, но идентичных по затратам душевной энергии, могут быть одни и те же. Раздражитель и соответствующая реакция, как правило, возбуждают чувственную природу индивида, выводят его из нейтрального психического состояния, стимулируя, в случае симпатии / антипатии выход положительных или отрицательных эмоций. Чувство (не)приязни к другому человеку обычно возникает сразу. Психика редко дает возможность разуму и воле взять таймаут и присмотреться, многократно протестировать объект внимания. Такая ситуация возникает только в случаях длительного и регулярного контакта сторон. Поэтому первое впечатление в большинстве случаев оказывается самым сильным, но, далеко не всегда, самым верным, а, точнее, адекватным. Многое здесь зависит и от поведения самого объекта. Оценка может быть завышенной в ту и другую сторону, если объект заметил наблюдение и приложил усилия по коррекции своих действий, дабы усилить чувство симпатии и произвести на своего визави максимально положительное впечатление, либо как-то нивелировать вызываемые у другого человека негативные ощущения от своей персоны.

Существенное значение в обоих случаях имеет форма проявления чувств. Тихо (молча) любить и ненавидеть значительно сложнее, поскольку на это затрачивается гораздо больше нервной энергии. Эмоциям нужен выход. Если он закрыт по тем или иным причинам, то вероятность «взрыва» более высока в случае неприязненного отношения. Вербализация негатива «очищает» человека, снимает груз с его души в неменьшей степени, чем признание в любви. Разница лишь в производимом эффекте и ответной реакции. Объект любви ограничен двумя формами ответа: «да» и «нет». Объект ненависти обладает большим потенциалом вербальных и невербальных средств, используемых в ответ на раздражитель. Вероятно, именно ситуация конфликта чувств породила формулу «Язык мой – враг мой». Речевая рефлексия, порождаемая работой неконтролируемых сознанием участков мозга, способна привести участников противостояния к непредсказуемым последствиям.

Список литературы

1. Адамович, А. Блокадная книга [Текст] / А. Адамович, Д. А. Гранин. – М., 1983. – 638 с.
2. Глезер, В. Д. Зрение и мышление [Текст] / В. Д. Глезер. – Л., 1985.– 324 с.
3. Наумов, В. В. Сенсорика восприятия родной и иноязычной речи [Текст] / В. В. Наумов // Российская оториноларингология. –2012. – № 4. – С. 89–96.
4. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / Пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла [Текст] / Ф. Ницше. – СПб, 2008. – 238 с.

References

1. Adamovich, A. Blokadnaja kniga [Tekst] / A. Adamovich, D. A. Granin. – M., 1983. – 638 s.
2. Glezer, V. D. Zrenie i myshlenie [Tekst] / V. D. Glezer. – L., 1985.– 324 s.
3. Naumov, V. V. Sensorika vosprijatija rodnoj i inojazyčnoj rechi [Tekst] / V. V. Naumov // Rossijskaja otorinolaringologija. –2012. – № 4. – S. 89–96.
4. Nicshe, F. Veselaja nauka [Tekst] / F. Nicshe / Per. s nem. M. Korenevoj, S. Stepanova, V. Toporova. — SPb.: Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika», 2007. – 352 s.
5. Nicshe, F. Po tu storonu dobra i zla [Tekst] / F. Nicshe. – SPb, 2008. – 238 s.

УДК 801:821.161
UDC 801:821.161

Процукович Елена Александровна
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Российская Федерация

Elena A. Protsukovich,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

e-mail: amursea@mail.ru

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ЭВЕНКИЙСКИМ ЯЗЫКОМ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ЭВЕНКОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

THE LEVEL OF THE EVENKI LANGUAGE SKILLS IN THE AMUR EVENKS RESIDENCES

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, направленного на описание и анализ современного состояния языковой ситуации и тенденций её изменения в местах компактного проживания эвенков Амурской области. Полученные результаты свидетельствуют о повсеместном вытеснении эвенкийского языка русским языком из всех сфер употребления, минуя стадию двуязычия.

Abstract

The article presents the results of the study aimed at describing and analyzing the current state of the language situation and trends of its change in areas of the Amur Evenks residences. The results indicate the widespread displacement of the Evenki language by the Russian language from all spheres of use, bypassing the stage of bilingualism.

Ключевые слова: эвенкийский язык, русский язык, языковая ситуация, языковая компетенция, билингвизм, интерферирующая русская речь.

Keywords: the Evenki language, the Russian language, language situation, language competence, bilingualism, Evenki-affected Russian speech.

Целью настоящего исследования является анализ современного состояния языковой ситуации и тенденций её изменения в местах компактного проживания эвенков Амурской области. Поставленная цель требует решения следующих задач: 1) анализ объективных факторов, влияющих на развитие языковой ситуации в регионе; 2) анализ условий возникновения и развития эвенкийско-русского двуязычия среди амурских эвенков.

В Амурской области эвенки являются единственными представителями коренных малочисленных народов Севера. Основная доля эвенков, проживающих на территории Амурской области, сосредоточена в местах компактного проживания в Зейском, Тындинском, Мазановском и Селемджинском районах.

В посёлке Бомнак Зейского района проживают представители эвенкийских родов Бута, Буллот и Канагир. В Тындинском районе сосредоточены эвенки родов Доной, Чакигир, Букочар, Метаткар, Иңэлас, Ёкоткор, Лалыгар, Нинаган, Интылгун (с. Усть-Нюкжа); Сологон, Куртак, Коңичар, Хэбгин, Чакагир, Бута (с. Первомайское). В с. Ивановское Селемджинского района эвенки представлены родами Бута, Канагир, Бэтум [Пылаева, 2003, с. 73–75].

По наблюдениям Н. Я. Булатовой, в речи эвенков, проживающих в трёх районах Амурской области, выделяются три говора – зейский, желтулакский и селемджинский, «которые имеют отличия, как от литературного эвенкийского языка, так и между собой» [Булатова, 1987, с. 11]. Данные говоры относятся к восточному сибилантно-спирантному наречию эвенкийского языка.

Давая оценку языковой ситуации у эвенков, проживающих в Амурской области, Н. Я. Булатова отмечает, что «этот регион на сегодняшний день остаётся тем оазисом, где коренные жители – эвенки ещё хорошо знают родной язык» [Булатова, 1997б, с. 53]. Однако противоположного мнения при оценке языковой ситуации в Приамурье придерживается Г. В. Быкова, которая характеризует современное состояние языка, традиционной культуры и народных промыслов амурских эвенков, компактно проживающих в трёх районах Амурской области, как глубоко кризисное. По мнению Г. В. Быковой, уровень владения языком в процессе повседневной коммуникации катастрофически падает, резко снижается социальный статус языка не только в пределах области, но и в национальных посёлках [Быкова, 2009, с. 219]. В «Социологической энциклопедии языков Российской Федерации» отмечается, что ограниченность применения эвенкийского языка и невысокий уровень владения этническим языком позволяют признать, что эвенкийский язык находится под угрозой исчезновения [Бурыйкин, Парфенова, 2003, с. 665–666].

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность эвенков, проживающих на территории Приамурья, составляет 1481 человек [Тома официальной публикации, 2010]. Но, как справедливо отмечает Е. А. Оглезнева, «нельзя поставить знак равенства между числом эвенков и числом носителей эвенкийского языка» [Оглезнева, 2011, с. 21]. По данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Амурской области, в настоящее время в Амурской области эвенкийским языком владеют 727 эвенков (49,1%), русским языком – 1478 человек (99,8%) [Официальные документы, 2010]. Однако по убеждению А. А. Барановского, статистические данные не способны дать действительных знаний об актуальном положении дел, и потому необходимо учитывать «номинальное и фактическое владение родным языком» [Барановский, 2005, с. 19]. Общаясь с информантами, В. А. Тураев отмечает, что языковая компетенция носителей эвенкийского языка снижается повсеместно: «многие из тех, кто считает себя знающим родной язык, далеко не сразу вспомнят то или иное слово» [Тураев, 2006, с. 106]. Не секрет, что в настоящее время наиболее «компетентными знатоками» [Болдырев, 2013, с. 12] эвенкийского языка являются представители старшего поколения эвенков: «эвенкийский язык функционирует лишь в местах компактного проживания эвенков, там, где сохраняются традиционные виды хозяйственной деятельности, где есть представители среднего и старшего поколений» [Тураев, 2003, с. 106]. А. А. Барановский также обращает внимание на то, что «представители старшего поколения сохраняют хорошее знание языка, среднее поколе-

ние знает язык несколько хуже, а молодёжь владеет родным языком плохо или же не владеет совсем» [Барановский, 2005, с. 18]. О. Б. Пылаева уверена, что «для значительной части детей и молодёжи амурских эвенков родной язык воспринимается как иностранный. Нет его знания с детства, он почти не используется в семье, нет языковой среды для общения» [Пылаева, 2003, с. 68].

Исследуя социолингвистическую ситуацию в Амурской области, О. Н. Морозова пришла к выводу, что в настоящее время эвенки, говорящие на родном языке, составляют возрастную группу от 50 до 80 лет [Морозова, 2014, с. 213]. По данным автора, из 602 эвенков, проживающих в Зейском, Мазановском и Селемджинском районах Амурской области, на эвенкийском языке бегло говорят 65 человек, при этом уровень владения родным языком варьирует в зависимости от района проживания эвенков. Так, в пос. Бомнак Зейского района, на эвенкийском языке бегло говорят 43 из 200 эвенков, что составляет 22% эвенкийского населения. Из 33 эвенков, проживающих в Мазановском районе (в месте компактного проживания с. Майское, а также на родовых стойбищах по рекам Нора и впадающим в неё Джелтуле, Эгору, Асмакану, Меуну и др.), эвенкийским языком хорошо владеют 7 человек, что составляет 21 % населения. Данные, полученные О. Н. Морозовой в с. Ивановское, свидетельствуют о наименьшей сохранности эвенкийского языка в Селемджинском районе Амурской области: из 369 эвенков, проживающих в с. Ивановское, бегло на родном языке говорят 15 человек, что составляет 4% населения [Морозова, 2014, с. 211]. Г. В. Варламова, посетившая с. Ивановское Селемджинского района в 2011 г., оценивает сложившуюся в нём языковую ситуацию следующим образом: «Ситуация со знанием и пониманием родного языка в данном поселении не из лучших и резко отличается в худшую сторону от таковой в с. Усть-Нюкжа, Первомайское и Бомнак Тындинского и Зейского районов» [цит. по: Болдырев, 2013, с. 13].

Современная языковая ситуация у эвенков, компактно проживающих в трёх районах Амурской области, является результатом действия трёх основных факторов.

1. Первый фактор, этносоциальный, связан с активным воздействием на эвенкийский язык русского языка: этнический язык эвенков, как и других народов Севера, испытывает огромное давление социально доминирующего русского языка.

Известно, что характерной чертой современной языковой ситуации у эвенков является массовое двуязычие [Булатова, 1997 б, с. 24]. Все амурские эвенки, «признающие родным языком эвенкийский, являются билингвами и свободно владеют русским языком...» [Бурыкин, Парфенова, 2003, с. 665–666]. Однако, по мнению Н. Я. Булатовой, в настоящее время у эвенков сохраняется тенденция утраты родного языка [Булатова, 1997а, с. 47]. Н. Б. Вахтин с сожалением констатирует, что «основной тенденцией развития языковой ситуации у эвенков является «не плавный переход от одноязычия к функциональному двуязычию либо многоязычию, <...> а повсеместное вытеснение родного языка русским» [Вахтин, 1992, с. 52]. Б. В. Болдырев уверен, что «во всех регионах компактного проживания эвенков русский язык стал фактически их родным языком и вытеснил эвенкийский практически из всех сфер использования, в том числе из сферы быта и производственной деятельности..., произошла смена языка и знание русского языка стало преобладающим» [Болдырев, 2013, с. 18]. Повсеместное вытеснение этнических языков малочисленных народов

русским исследователем объясняется тем, «что население, говорящее на этническом языке с такой же лёгкостью, как и на русском, быстро убеждается, что этнический язык не имеет для них практической ценности, и если старшее поколение в общении друг с другом продолжает пользоваться им, пересыпая свою речь русскими заимствованиями, то в общении с младшим поколением и оно вынуждено прибегать к русскому языку. Сама жизненная практика приводит к тому, что русский язык <...> становится все более и более употребительным среди представителей этнических меньшинств» [Болдырев, 2013, с. 16].

2. Второй фактор – ослабление позиций эвенкийского языка, вызванное разрушением традиционной хозяйственной деятельности в местах компактного проживания эвенков, в результате чего эвенкийский язык перестаёт быть средством общения молодёжи и представителей среднего поколения эвенков.

По наблюдениям А. С. Сафронова, Д. В. Сафронова и Ю. И. Заварзина, владение и степень повседневного использования родного эвенкийского языка часто напрямую связаны с тем, занимается ли его носитель традиционными видами хозяйственной деятельности, ведёт ли он традиционный образ жизни [Сафронов и др., 2002, с. 91]. Выявленная авторами закономерность «традиционный образ жизни – владение эвенкийским языком» была подтверждена данными О. Н. Морозовой [Морозова, 2014]. В ходе экспедиции в с. Ивановское выяснилось, что большая часть эвенков среднего поколения, молодёжь и дети «не понимают родную речь предков и общаются между собой на русском языке. И только терминология, характеризующая традиционный уклад жизни (а именно, охота, разведение и уход за оленями, традиционные орудия труда при выделке оленьих и звериных шкур, предметы быта) сохраняется у тех эвенков среднего и младшего поколения, которые ведут кочевой образ жизни» [Морозова, 2014, с. 208]. Автор отмечает, что «в речи кочевых эвенков среднего поколения от эвенкийского языка сохраняется только оленеводческая и промысловая терминология», при этом «эвенкийские термины оленеводства, охоты и эвенкийского кочевого быта как бы вкраплены в русскую речь кочевых эвенков среднего возраста» [Морозова, 2014, с. 208].

3. Неэффективность работы национальных школ, отсутствие учебников и учебно-методической литературы на местных диалектах.

В настоящее время во всех районах проживания эвенков Амурской области ведётся преподавание эвенкийского языка как предмета или факультатива, однако школьные методики ориентированы на преподавание национального языка как родного, то есть как языка, которым ребёнок владеет с детства [Пылаева, 2003, с. 68]. В условиях, когда стремительно исчезает языковая среда общения, на родном языке почти не говорят в семьях, изучение родного языка в школе приводит к тому, что «в лучшем случае он воспринимается как иностранный» [Тураев, 2006, с. 111], поскольку «усилия школы не в состоянии заменить семью и обеспечить преемственность в использовании языка» [Булатова, 1997б, с. 8]. Как справедливо замечают специалисты, при всей безусловной важности попыток школы сохранить родной язык, «максимум, чего можно ожидать от этих программ – это то, что они дадут детям представление о языке их предков, помогут сохранить память о нем, обеспечат языку некоторое место в жизни языковой общины» [Булатова, 1997б, с. 8].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что условия развития языковой ситуации у эвенков Амурской области обусловили её диспропор-

циональный, несбалансированный характер, выражающийся в абсолютном функциональном доминировании русского языка. Анализ языковой ситуации в местах компактного проживания эвенков Амурской области свидетельствует о том, что на современном этапе русский язык из языка межнационального общения превратился в средство внутринационального общения этнических меньшинств, вытеснив этнический язык из всех сфер его использования.

Взаимодействие эвенкийского и русского языков в условиях естественного контакта приводят к межъязыковой интерференции, наблюдаемой на всех уровнях языковой системы. В лексическом плане влияние русского языка на эвенкийский выражается в многочисленных современных заимствованиях из русского языка [Оглезнева, 2011, с. 22]. Структурное влияние русского языка на эвенкийский выражается в изменении порядка слов в эвенкийском предложении: под воздействием русского языка «часто наблюдается постановка сказуемого на второе место в предложении вместо последнего...» [Болдырев, 2013, с. 78]. Фонетическая сторона исконно эвенкийских слов претерпевает значительные изменения. По наблюдениям О. Н. Морозовой, в первую очередь это касается «артикуляционного уклада произносительных органов, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апикальной» [Морозова, 2013, с. 126].

Говоря о взаимодействии языков, нельзя не отметить явления эвенкийско-русской интерференции на фонетическом уровне. В зависимости от способа усвоения русского языка, возраста, частоты контактов с русским населением, русская речь эвенков может быть в разной степени подвержена интерференции с эвенкийским языком.

Русская акцентная речь эвенков является визитной карточкой речевого портрета жителей Амурской области. Специальных исследований, посвящённых изучению русской речи амурских эвенков ранее не проводилось, что подтверждает необходимость и своевременность описания, выявляющего специфические особенности русской речи эвенков, проживающих в Амурской области.

Результаты исследования, проведённого на материале русской речи носителей селемджинского говора эвенкийского языка, показали, что в русской речи эвенков старшего поколения, усвоивших русский язык в школе, отмечается большое количество интерференционных черт. Так, в качестве наиболее устойчивых черт русской речи эвенков можно отметить следующие [Морозова, 2015 ; Морозова, Процукович, 2014 ; Процукович, 2014 ; Процукович, 2015]: 1) произнесение одиночного мягкого щелевого согласного /sʲ/ вместо консонантного сочетания /sʲtʲ/ в позиции конца слова; 2) произнесение имплозивных смычных согласных /tʲ/ и /kʲ/ в позиции конца слова перед незаполненной паузой; 3) замену среднеязычной глухой аффрикаты /tʃʲ/ чистым или аффрицированным смычным апикальным /tʲ/ или щелевым согласным /ʃʲ:/; 4) замену круглощелевых дорсальных согласных /s/-/sʲ/ плоскощелевыми апикальными [sʲ]-[sʲʲ]; 5) недостаточную качественную и количественную редукцию русских безударных гласных. Последнее может быть связано с наличием фонологической долготы у эвенкийских гласных (подробнее об этом см. в статье О. Н. Морозовой [Morozova, 2011]).

Несмотря на то, что для эвенкийской молодёжи и детей русский язык является первым, а эвенкийский язык усваивается позже при контактах с

родственниками или изучается в школе, в их русской речи также фиксируются фонетические особенности, связанные с различиями фонологических систем двух генетически и типологически разных языков, а также с особенностями артикуляции.

В лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета ведётся активная работа по изучению русской акцентной речи амурских эвенков. Полученные данные могут восполнить пробел в научных знаниях о русском языке и специфике его функционирования на территории Амурской области.

Список литературы

1. Барановский, А. А. Трансформация элементов традиционной культуры в «цивилизационном» контексте (социолингвистическая ситуация у эвенков Амурской области) [Текст] / А. А. Барановский // Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре: материалы VIII Молодёжной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Сермя «Symposium». – Вып. 34. – СПб.: Санкт-Петербург. филос. Общество, 2005. – С. 13–21.
2. Болдырев, Б. В. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области (= Сэлэмдеды говор эвэды турэрукин). Ч. 1. [А–Н] : 16800 слов [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Л. А. Соловьёва; М-во образования и науки РФ [и др.]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 463 с.
3. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области [Текст] / Н. Я. Булатова / Отв. ред. О. П. Суник; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 168 с.
4. Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте [Текст] / Н. Я. Булатова // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. – СПб., 1997 а. – С. 42–53.
5. Булатова, Н. Я. Языки малочисленных народов Севера [Текст] / Н. Я. Булатова, Н. Б. Вахтин, Д. М. Насилов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. – СПб., 1997 б. – С. 6–27.
6. Бурькин, А. А. Эвенкийский язык [Текст] / А. А. Бурькин, О. С. Парфенова // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации : социолингвист. энцикл / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Академия, 2003 – Кн. 2 / Г. Д. Мак-Коннелл, В. Ю. Михальченко; [редкол.: В. Ю. Михальченко (отв. ред.) и др.]. – 2003. – С. 640–666.
7. Быкова, Г. В. Лакуны в региональной картине мира (лингвистический аспект межэтнической коммуникации) [Текст] / Г. В. Быкова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр.: вып. 4 / сост., отв. ред. Т.В. Симашко. – М.; Архангельск, 2009. – С. 218–221.
8. Вахтин, Н. Б. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (предварительные результаты исследования) [Текст] / Н. Б. Вахтин // Вопросы языкознания. 1992. – №4. – С. 45–59.
9. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области [Текст] / О. Н. Морозова // Обучение иностранному языку на современном этапе студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе. Материалы Всероссийской

- научно-методической видеоконференции. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2014. – С. 207–214.
10. Морозова, О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке [Текст] / О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 74–85.
 11. Морозова, О. Н. Фонетическая интерференция в русской речи эвенков Приамурья [Текст] / О. Н. Морозова, Е. А. Процукович // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16. – С. 82–88.
 12. Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк [Текст] / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2011. – С. 7–25.
 13. Официальные документы Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс] – http://amurstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/amurstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения 27. 02. 2015).
 14. Процукович Е. А. Сопоставление систем гласных русского и эвенкийского языков [Текст] / Е. А. Процукович. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10, ч. 1. – С. 170–174.
 15. Процукович, Е. А. Особенности реализации аффрикат в русской речи амурских эвенков [Текст] / Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 86–95.
 16. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков [Текст] / О. Б. Пылаева // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: Сборник научных трудов. – Вып. I. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 58–102.
 17. Сафронов, А. С. Права эвенков: иллюзия или реальность? (по материалам социологического исследования) [Текст] / А. С. Сафронов, Д. В. Сафронов, Ю. И. Заварзин // Права эвенков Амурской области / Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Амурской области, Фонд Дж. Сороса ; [ред.: Д. В. Сафронов и др.]. – Благовещенск: АКМНС, 2002. – С. 83–112.
 18. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 24. 12. 2014).
 19. Тураев, В. А. Ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков [Текст] / В. А. Тураев // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2006. – № 3. – С. 104–121.
 20. Morozova, O. N. Acoustic Correlates of Selemdzha Evenki Vowels [Text] / O. N. Morozova // Current Trends in Altaic Linguistics: a Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday. – The Altaic Society of Korea. Seoul National University, Korea. – 2013. – P. 125–132.
 21. Morozova, O. N. Quantitative Characteristics of Evenki Vowels [Text] / O. N. Morozova // Proc. of the 1st Intern. Conf. "Phonetics without Borders", June 13–15, 2011 / [ed. by S. Androsova] ; Amur State University. – Blagoveshchensk : [S. l.], 2011. – P. 70–73.
 22. Protsukovich, E. A. Peculiarities of Realization of Vowels and Consonants in Russian Speech of the Amur Evenks [Text] / E. A. Protsukovich // Proc. of the 2nd Intern. Conf. "Phonetics without Borders", June 9–11, 2014 / [ed. by S. Androsova] ; Amur State University. – Blagoveshchensk : [S. l.], 2015. – P. 84–89.

References

1. Baranovskij, A. A. Transformacija jelementov tradicionnoj kul'tury v «civilizacionnom» kontekste (sociolingvističeskaja situacija u jevenkov Amurskoj oblasti) [Tekst] / A. A. Baranovskij // Put' Vostoka. Universalizm i partikuljarizm v kul'ture: materialy VIII Molodjozhnoj nauch. konf. po problemam filosofii, religii, kul'tury Vostoka. Sernja «Symposium». – Vyp. 34. – SPb.: Sankt-Peterb. filos. Obshhestvo, 2005. – S. 13–21.
2. Boldyrev, B. V. Slovar' selemdzhinskogo govora jevenkov Amurskoj oblasti (= Sjeljemededy govor jevjedy turjerukin). Ch. 1. [A–N] : 16800 slov [Tekst] / B. V. Boldyrev, G. V. Bykova, L. A. Solov'jova; M-vo obrazovanija i nauki RF [i dr.]. – Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2013. – 463 s.
3. Bulatova, N. Ja. Govory jevenkov Amurskoj oblasti [Tekst] / N. Ja. Bulatova / Otv. red. O. P. Sunik; AN SSSR, In-t jazykoznanija. – Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1987. – 168 s.
4. Bulatova, N. Ja. Jevenkijskij jazyk i ego regional'nye varianty v sociolingvističeskom aspekte [Tekst] / N. Ja. Bulatova // Malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy sohranenija i razvitija jazykov. – SPb., 1997 a. – S. 42–53.
5. Bulatova, N. Ja. Jazyki malochislennyh narodov Severa [Tekst] / N. Ja. Bulatova, N. B. Vahtin, D. M. Nasilov // Malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy sohranenija i razvitija jazykov. – SPb., 1997 b. – S. 6–27.
6. Burykin, A. A. Jevenkijskij jazyk [Tekst] / A. A. Burykin, O. S. Parfenova // Pis'mennye jazyki mira: Jazyki Rossijskoj Federacii : sociolingvist. jencikl / Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija. – M.: Akademija, 2003 – Kn. 2 / G. D. MakKonnell, V. Ju. Mihal'chenko; [redkol.: V. Ju. Mihal'chenko (otv. red.) i dr.]. – 2003. – C. 640–666.
7. Bykova, G. V. Lakuny v regional'noj kartine mira (lingvističeskij aspekt mezhetničeskoj komunikacii) [Tekst] / G. V. Bykova // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovanija jazykovoju kartiny mira: sb. nauch. tr.: vyp. 4 / sost., otv. red. T.V. Simashko. – M.; Arhangel'sk, 2009. – C. 218–221.
8. Vahtin, N. B. K tipologii jazykovykh situacij na Krajnem Severe (predvaritel'nye rezul'taty issledovanija) [Tekst] / N. B. Vahtin // Voprosy jazykoznanija. 1992. – №4. – S. 45–59.
9. Morozova, O. N. Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskom i Mazanovskom rajonah Amurskoj oblasti [Tekst] / O. N. Morozova // Obuchenie inostrannomu jazyku na sovremennom jetape studentov vysshih i srednih obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom jetape. Materialy Vserossijskoj nauchno-metodičeskoj videokonferencii. – Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2014. – S. 207–214.
10. Morozova, O. N. Artikuljatorno-akustičeskie harakteristiki perednejazyčnogo gluhogo smyčnogo /t/ v jevenkijskom jazyke [Tekst] / O. N. Morozova // Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. – Vyp. 1. – № 1. – S. 74–85.
11. Morozova, O. N. Fonetičeskaja interferencija v ruskoj reči jevenkov Priamur'ja [Tekst] / O. N. Morozova, E. A. Procukovich // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 16. – S. 82–88.
12. Oglezneva E. A. Jazykovaja situacija v Priamur'e: dinamičeskij aspekt. Istoriko-lingvističeskij očerok [Tekst] / E. A. Oglezneva // Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manah. Materialy nauchnyh jekspedij. – Vyp. 9. Slavjanskoe jazykoe vzaimodejstvie v Dal'nevostočnom regione / pod red. N. G. Arhipovoj, E. A. Ogleznevoj. – Blagoveshhensk: AmGU, 2011. – S. 7–25.
13. Oficial'nye dokumenty Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Tom 4. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. [Elektronnyj resurs] –

- http://amurstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/amurstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (data obrashhenija 27. 02. 2015).
14. Procukovich E. A. Sopostavlenie sistem glasnyh russkogo i jevenkijskogo jazykov [Tekst] / E. A. Procukovich. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – 2014. – № 10, ch. 1. – S. 170–174.
 15. Procukovich, E. A. Osobennosti realizacii affrikat v russkoj rechi amurskih jevenkov [Tekst] / E. A. Procukovich // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2015. – Vyp. 1. – № 1. – S. 86–95.
 16. Pylaeva, O. B. Ob ischezajushhem jazyke amurskih jevenkov [Tekst] / O. B. Pylaeva // Amurskie jevenki: Bol'shie problemy malogo jetnosa: Sbornik nauchnyh trudov. – Vyp. I. – Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2003. – C. 58–102.
 17. Safronov, A. S. Prava jevenkov: illjuzija ili real'nost'? (po materialam sociologicheskogo issledovanija) [Tekst] / A. S. Safronov, D. V. Safronov, Ju. I. Zavarzin // Prava jevenkov Amurskoj oblasti / Asociacija korennyh malochislennyh narodov Severa Amurskoj oblasti, Fond Dzh. Sorosa ; [red.: D. V. Safronov i dr.]. – Blagoveshhensk: AKMNS, 2002. – S. 83–112.
 18. Toma oficial'noj publikacii itogov Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashhenija 24. 12. 2014).
 19. Turaev, V. A. Assimiljativnye processy u dal'nevostochnyh jevenkov [Tekst] / V. A. Turaev // Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija RAN. – 2006. – № 3. – S. 104–121.
 20. Morozova, O. N. Acoustic Correlates of Selemdzha Evenki Vowels [Text] / O. N. Morozova // Current Trends in Altaic Linguistics: a Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday. – The Altaic Society of Korea. Seoul National University, Korea. – 2013. – P. 125–132.
 21. Morozova, O. N. Quantitative Characteristics of Evenki Vowels [Text] / O. N. Morozova // Proc. of the 1st Intern. Conf. "Phonetics without Borders", June 13–15, 2011 / [ed. by S. Androsova] ; Amur State University. – Blagoveshchensk : [S. l.], 2011. – P. 70–73.
 22. Protsukovich, E. A. Peculiarities of Realization of Vowels and Consonants in Russian Speech of the Amur Evenks [Text] / E. A. Protsukovich // Proc. of the 2nd Intern. Conf. "Phonetics without Borders", June 9–11, 2014 / [ed. by S. Androsova] ; Amur State University. – Blagoveshchensk : [S. l.], 2015. – P. 84–89.

УДК 81'342.2: 811.512.15
UDC 81'342.2: 811.512.15

Селютина Ираида Яковлевна
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Iraida Ya. Selyutina
Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: siya_irina@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ
СОГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ**
(по данным МРТ)

**COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF MEDIOLINGUAL
CONSONANTS IN THE TURKIC LANGUAGES OF SOUTH SIBERIA**
(MRI investigation)

Аннотация

В статье представлены артикуляторные характеристики среднеязычных согласных в южно-сибирских тюркских языках. Исследование базируется на инструментальных данных, полученных методом магнитно-резонансного томографирования. Анализ консонантных настроек по параметрам основной (способ образования, активный и пассивный артикулирующие органы, степень напряжённости, ротовость / назальность) и дополнительных (лабиализация, палатализация, веляризация, увуларизация, фарингализация, ларингализация, назализация) артикуляций позволяет выявить общее и специфическое в артикуляционно-акустических базах близкородственных контактирующих этносов.

Ключевые слова: консонантизм, артикуляционно-акустическая база, экспериментально-фонетические исследования, магнитно-резонансная томография, тюркские языки Сибири.

Abstract

The article presents articulatory characteristics of mediolingual consonants in South Siberian Turkic languages. The investigation is based on instrumental data obtained by Magnetic Resonance Imaging. The analysis of the consonant settings in the parameters of main (method of occlusion formation, active and passive organs of speech, the degree of tension, oralness / nazality) and additional (labialization, palatalization, velarization, uvularization, pharyngealization, laryngealization, nasalization) articulations allows to identify General and specific in articulatory-acoustic bases of closely related contact ethnic groups.

Keywords: the Consonantism, Articulatory-Acoustic Base, Experimental-Phonetic Researches, Magnetic Resonance Imaging, Turkic Languages of Siberia.

1. Введение

Исследования сибирских фонетистов направлены на разработку научных проблем построения типологии вокальных и консонантных систем в языках народов Сибири и сопредельных регионов, выявления общности и уникальности артикуляционных баз этносов.

Проблема типологии и специфики артикуляционно-акустических баз (ААБ) впервые была поставлена В. М. Наделяевым в 80-е гг. прошлого столетия и вызвала большой научный резонанс. В. М. Наделяевым была предложена теория ААБ и концепция возможности использования данных инструментальной фонетики для реконструкции истории языков и этнических групп [Наделяев, 1980, с. 5–6; 1986, с. 3–15]. ААБ как динамический стереотип, видоизменяясь, передается из поколения в поколение в своих существенных чертах до тех пор, пока этнос сохраняется как компактная общность. Эта особенность ААБ позволяет использовать её – в совокупности с данными смежных дисциплин – в качестве одного из важнейших историко-лингвистических источников, что особенно важно при решении проблем глоттогенеза народов Сибири, не оставивших письменных памятников.

С 2009 г. сибирские фонетисты начали использовать в работе по изучению звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов высокопольный магнитно-резонансный томограф (МРТ), обеспечивающий безопасность и расширение объёма эксперимента, а также высокую контрастную чувствительность и широкий динамический диапазон. Научно-техническое сопровождение эксперимента проводилось сотрудниками Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» СО РАН (МТЦ СО РАН) в рамках междисциплинарного интеграционного проекта.

В данной статье рассматриваются артикуляторные характеристики среднеязычных консонантных настроек в тюркских языках Южной Сибири: алтайском, барабинско-татарском, калмакском, кумандинском, теленгитском, телеутском, тубинском (тубаларском), тувинском, хакасском, чатском, шорском. Объективные инструментальные данные получены методом МРТ с использованием установки Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands). Анализ и расшифровка томограмм проводились в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН¹

2. Среднеязычные согласные

К классическим среднеязычным согласным относятся звуки, образованные средней частью спинки языка при опущенном к нижним зубам кончике языка (рус., алт. й «j»; англ. j «j»; алт. j «ħ»; куманд. j «ħ», «ħ̣»; нем. ch «ç»). Как свидетельствуют инструментальные данные, полученные методом томографирования, в тюркских языках Южной Сибири согласные данного функционального ряда реализуются преимущественно как переднеязычно-среднеязычные и продуцируются передне-средней частью спинки языка.

¹ Автор выражает благодарность за помощь в обработке и интерпретации томограмм канд. филол. наук Н. С. Уртегешеу и канд. филол. наук А. А. Добрининой.

2.1. Шумный согласный «tʰ»

Шумные смычные глухие одноканально-ртовые настройки согласных типа тʰ (рис. 1–5), зафиксированные на томограммах в алтайском, теленгитском, телеутском, тубинском и шорском языках, представлены не только в переднеязычно-среднеязычных альвеолярно-переднетвёрдонёбных (телеут., туб., шор.), но и в переднеязычно-среднеязычно-межзубноязычных (алт., теленг.) оттенках, характеризующихся по пассивному органу артикуляции как альвеолярно-твёрдонёбные (в алт. – с заходом на прилегающий участок мягкого нёба) или альвеолярно-переднемягконёбные (теленг.).

Реализации «tʰ» могут быть различной степени напряжённости (сильнонапряжённые – в алт., телеут.; умереннонапряжённые – в теленг., туб., шор.). Увуларизованные манифестации, при артикулировании которых увула напряжённо оттянута и направлена к телу языка, создавая дополнительную шумовую преграду, констатированы в теленг. и туб. Слаболабиализованные «tʰ» отмечены в телеут. в словоформах жик ‘шов’ и жыл ‘год’, где лабиализация не может быть объяснена законами комбинаторики.

2.2. Шумный согласный «dʰ»

Шумный переднеязычно-среднеязычный альвеолярный смычный звонкий ртовый сильнонапряжённый согласный типа дʰ зафиксирован томографически лишь в алтайской словоформе бије ‘пляши’ (рис. 6).

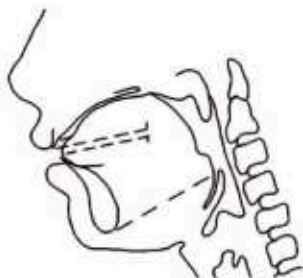


Рисунок 1. Звук j «tʰ»
в слове яс ‘весна’ (алт.)

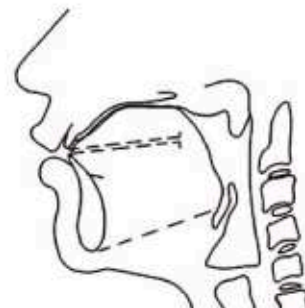


Рисунок 2. Звук j «tʰ»
в слове жик ‘шов’ (теленг.)

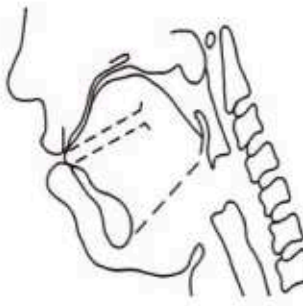


Рисунок 3. Звук j «tʰ»
в слове жыл ‘год’ (телеут.)

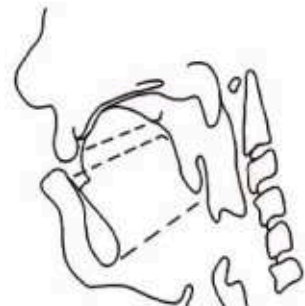


Рисунок 4. Звук j «tʰ»
в слове наа ‘новый’ (туб.)

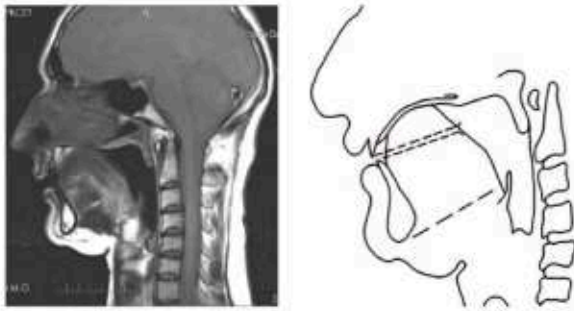


Рисунок 5. Звук ть «tʰ»
в слове тюка 'тихо' (шор.)

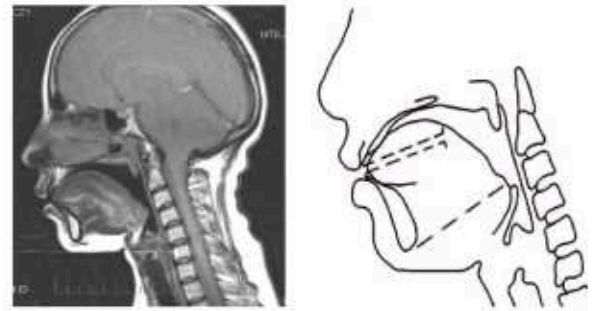


Рисунок 6. Звук ј «dʰ»
в слове бије 'пляши' (алт.)

2.3. Шумный согласный «tʃʰ»

Шумные смычно-щелевые глухие ротовые согласные звуки типа ч определяются по основному преградообразующему органу артикуляции как переднеязычно-среднеязычные (рис. 7–14). Характеристика же по пассивному органу варьирует от альвеолярно-твёрдонёбной (калм., теленг., хак., чат.) и альвеолярно-переднетвёрдонёбной (алт., теленг., телеут., чат., шор.) до дентально-альвеолярной (бараб.) и даже альвеолярной (телеут.).

Кроме того, репрезентации «tʃʰ» отличаются степенью напряжённости речевого аппарата: сильнонапряжённая аффриката отмечается в бараб., хак. и шор., умереннонапряжённая – в алт., бараб., калм., теленг., телеут., хак., чат. и шор. По преимуществу смычно-щелевые консонанты реализуются при умеренной напряжённости органов речи.

Специфическими для смычно-щелевых настроек являются дополнительная работа губ при продуцировании звуков «tʃʰ» (бараб., телеут., шор.), увулы (хак.), стенок фаринкса (бараб., шор.).

Назализация зафиксирована в калм. и хак.; при этом на томограмме смычного компонента хак. ч «tʃʰ» в слове ача 'брат' опущенная нёбная занавеска настроена на произношение щелевой составляющей аффрикаты, поскольку назализация смычки невозможна по условиям артикуляции.

Следует отметить, что наряду со среднеязычными, точнее, переднеязычно-среднеязычными настройками согласных типа ч, в алтайском, кумандинском, тувинском, хакасском и шорском языках констатируются переднеязычные варианты произношения аффрикаты ч [Селютина, Уртегешев, Летьгин и др., 2012, с. 136–137, 146–147, 162–163, 176, 179].

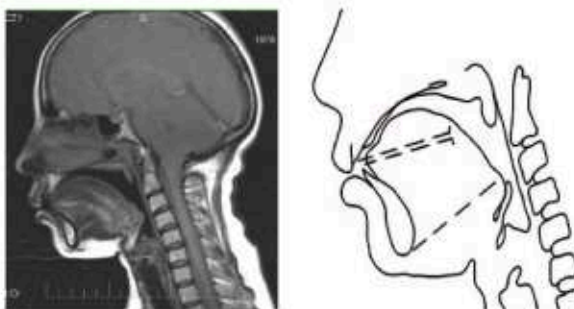


Рисунок 7. Звук ч «tʃʰ»
в слове үч 'три' (алт.)

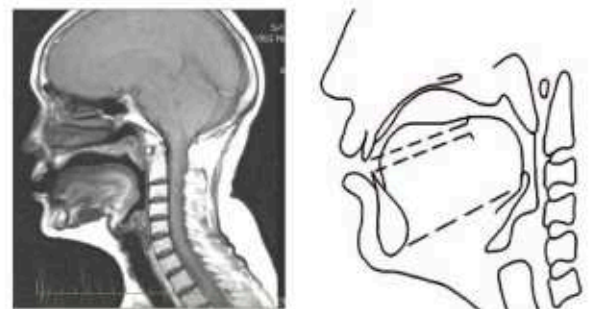


Рисунок 8. Звук чь «'tʃʰ»
в слове ач 'голодный' (бараб.)

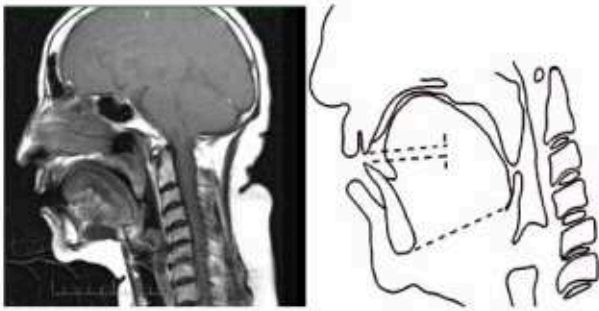


Рисунок 9. Звук чь «**ʃʲ**» в слове
кеч 'вечер' (калм.)

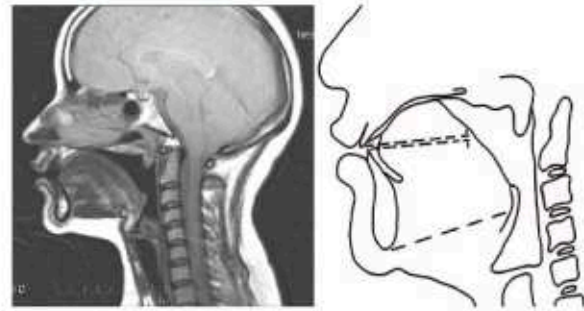


Рисунок 10. Звук ч «**ʃʲ:**» в слове
ач 'голодный' (теленг.)

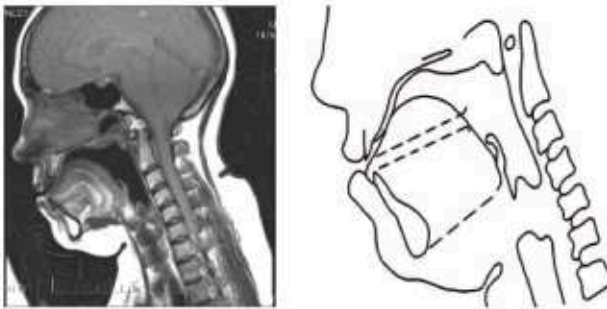


Рисунок 11. Звук ч «**ʃʲ**»
в слове ич 'пей' (телеут.)

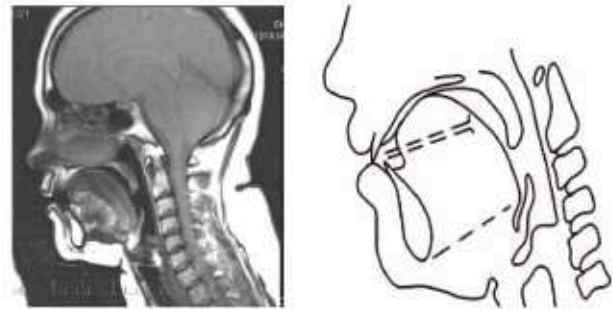


Рисунок 12. Звук ч «**ʃʲ**»
в слове ача 'брат' (хак.)

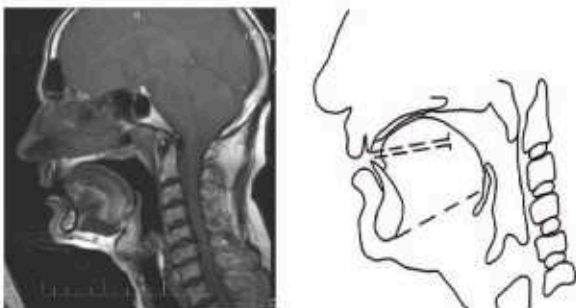


Рисунок 13. Звук чь «**ʃʲ**»
в слове ачи 'кислый' (чат.)

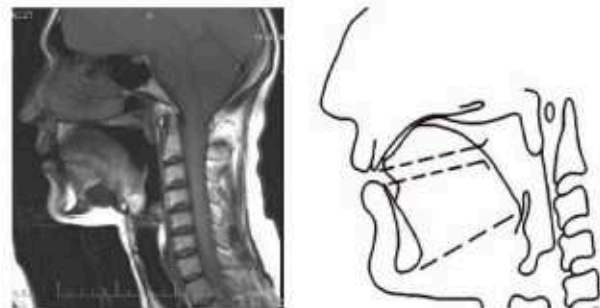


Рисунок 14. Звук ч «**ʃʲʰ**»
в слове чел 'ветер' (шор.)

2.4. Малошумный согласный «j»

Малошумный среднеязычный плоскощелевой звонкий ртовый согласный типа й, функционирующий во всех исследуемых языках, представлен реализациями, имеющими широкий диапазон характеристик по активному артикулирующему органу (рис. 15–24). Превалирующими являются переднеязычно-среднеязычные настройки (бараб., калм., куманд., теленг., телеут., туб., хак., чат.), реже встречаются переднеязычно-средне-межзубноязычные (алт.), среднеязычные (калм., шор.) и среднеязычно-межзубноязычные (алт., калм.) артикуляции.

Достаточно вариативны рассматриваемые настройки и с точки зрения пассивного органа артикуляции: инструментально зафиксированы альвеолярно-

переднетвёрдонёбные (бараб., калм., телеут., туб., тув.), альвеолярно-твёрдонёбные (куманд., теленг., телеут., хак.), среднетвёрдонёбные (калм., шор.), твёрдонёбные (алт., теленг., чат.), заднетвёрдонёбные (шор.) реализации.

На фоне указанных артикуляций специфику составляет тувинский й, при продуцировании которого основная шумообразующая преграда образуется сближением последней четверти передней части спинки языка с лингвальным склоном альвеол и прилегающим участком твёрдого нёба. При этом кончик языка смыкается с нижними резцами, что типично для (передне-)среднеязычных настроек, всё тело языка максимально сгруппировано в передней части ротовой полости и поднято вверх к твёрдому нёбу, образуя максимальный по объёму – в данной серии снимков реализаций типа й – заднертово-глочный отдел резонаторной трубы. Указанные данные свидетельствуют о более передней локализации преграды при произнесении тувинского й по сравнению с другими южносибирскими тюркскими языками.

По степени напряжённости артикулирующих органов манифестации фонемы й являются по преимуществу умереннонапряжёнными (калм., куманд., теленг., телеут., туб., тув., хак., чат., шор.). Сильнонапряжённые настройки зафиксированы в алт., калм., шор., слабонапряжённая – в бараб.

Следует отметить высокую продуктивность комбинаторно необусловленных лабиализованных настроек звуков типа й: не зафиксировано огубление малошумных й лишь в алт. и бараб. При этом лабиализация может реализоваться как сближение губ различной степени выраженности (от слабой в калм., телеут., хак., чат. и шор. до сильной в калм., куманд., теленг., туб.) – как с выдвиганием губ вперёд, так и без их выпячивания относительно нейтрального положения речевых органов.

Констатируется и двухканальное ротово-носовое произношение щелевого малошумного й (алт., калм., теленг., туб.). При этом назализация (как правило, слабовыраженная) также не мотивирована исторически или комбинаторно, но в большинстве случаев может быть объяснена как явление позиционного характера: в абсолютном конце слова артикуляторная напряжённость ослабевает и нёбная занавеска, стремясь к нейтральному укладу, отходит от задней стенки носоглотки. Исключение составляет калмакский сильнонапряжённый фарингализованный назализованный анлаутный й «^hй°» в словоформе 'йерь 'земля'.

Увуларизация й отмечена в калмакском, тувинском и хакасском языках. Фарингализация сильнонапряжённых настроек малошумного й как дополнительная работа стенок глотки зафиксирована в калмакском и шорском языках.

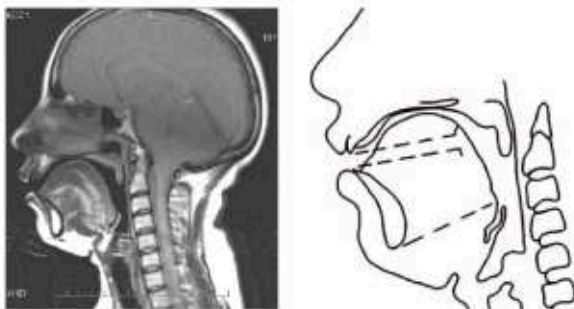


Рисунок 15. Звук й «^hй°»
в слове кай 'кай' (алт.)

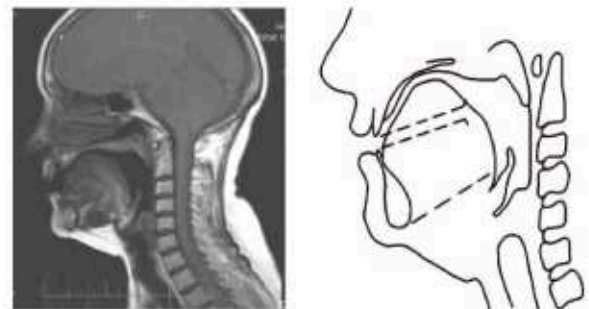


Рисунок 16. Звук й «^hй°»
в слове ай 'луна' (бараб.)

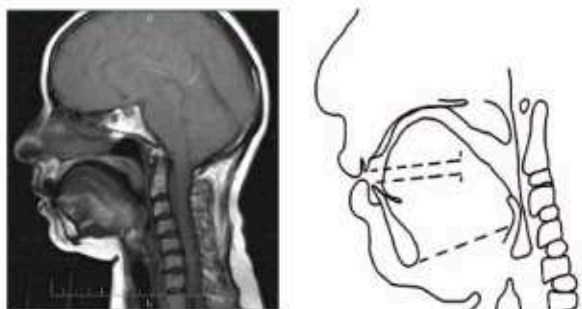


Рисунок 17. Звук й «j̞»
в слове 'йерь' 'земля' (калм.)

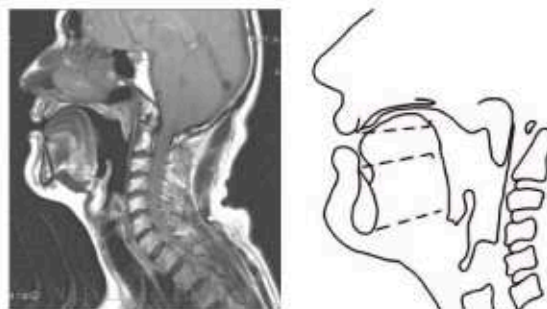


Рисунок 18. Звук й «j̞°»
в слове ай 'луна' (куманд.)

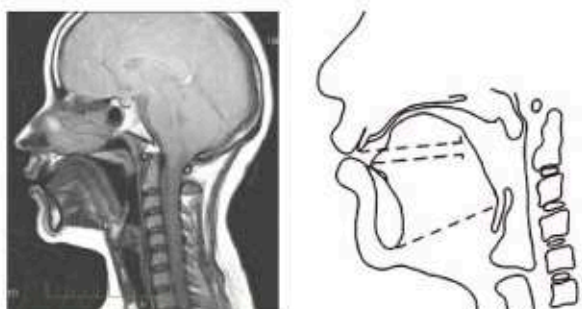


Рисунок 19. Звук й «j̞°»
в слове ай 'луна' (теленг.)

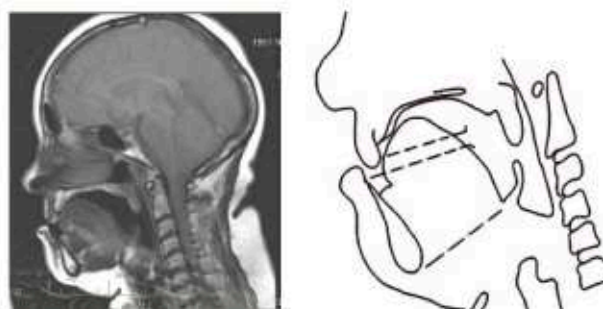


Рисунок 20. Звук й «j̞°»
в слове ай 'луна' (туб.)

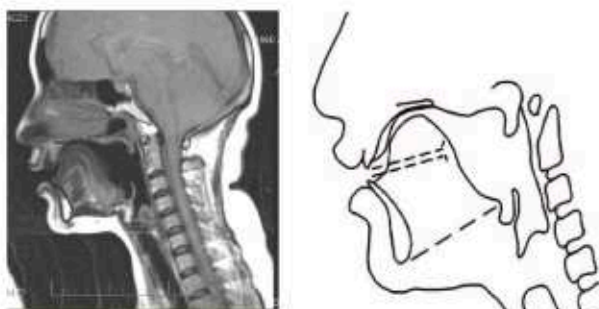


Рисунок 21. Звук й «j̞»
в слове ай 'луна' (тув.)

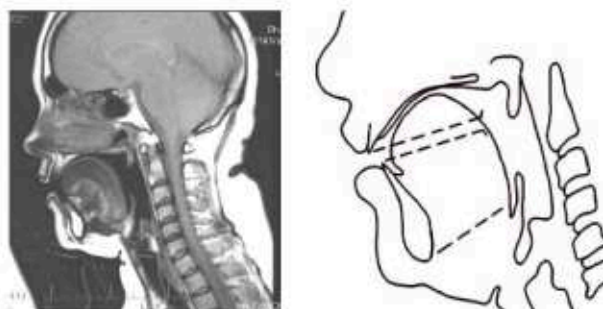


Рисунок 22. Звук й «j̞°»
в слове ай 'луна' (хак.)

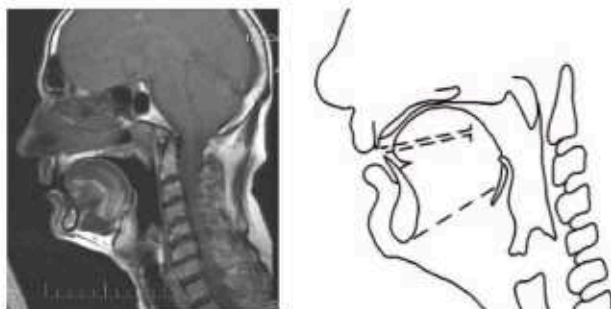


Рисунок 23. Звук й «j̞»
в слове ай 'луна' (чат.)

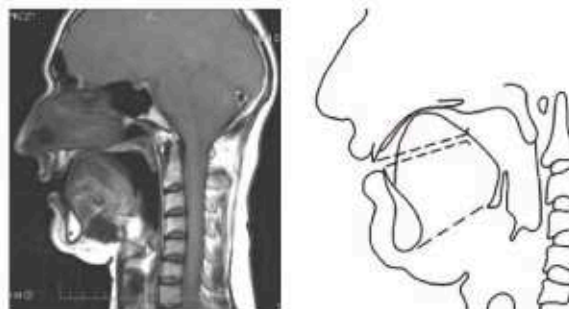
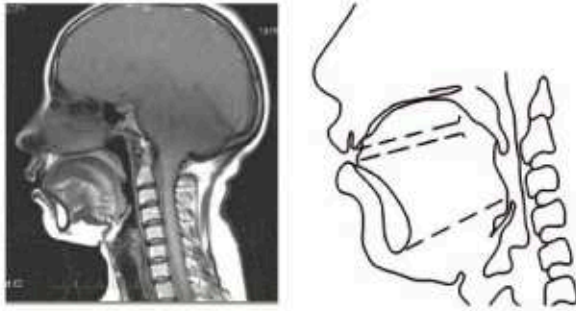


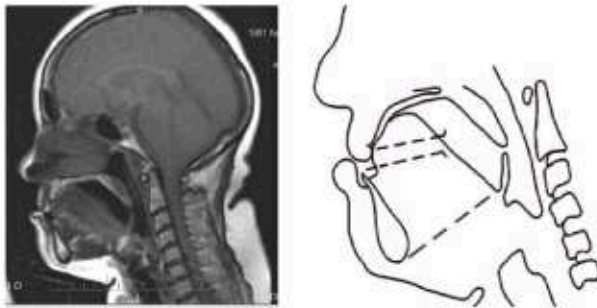
Рисунок 24. Звук й «j̞»
в слове ай 'луна' (шор.)

2.5. Малошумный согласный «ɲ»

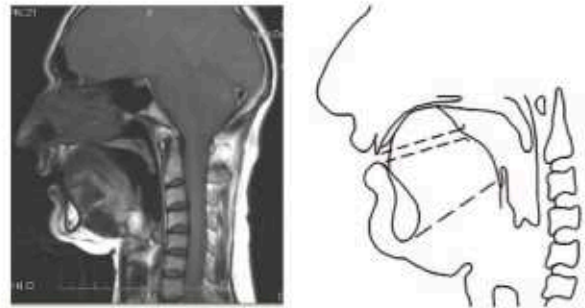


Р и с у н о к 25. Звук **ɲ** «ɲ»
в слове **не** 'что' (алт.)

Малошумный смычный звонкий носовой звук типа **ɲ**, представленный в базе данных алтайским, тубинским и шорским томографическим материалом (рис. 25–27), характеризуется как переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвёрдонёбный умереннонапряжённый (туб., шор.) либо передне-средне-заднеязычный дентально-альвеолярно-мягконёбный сильнонапряжённый (алт.) согласный. Спецификой тубинского **ɲ** является дополнительная лабиализация настройки.



Р и с у н о к 26. Звук **ɲ** «ɲ»
в слове **ньянс** 'одинокий' (туб.)



Р и с у н о к 27. Звук **ɲ** «ɲ»
в слове **няка** 'ребёнок' (шор.)

3. Заключение

Инструментальные данные, полученные методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, свидетельствуют о том, что во всех исследуемых близкородственных контактирующих тюркских языках Южной Сибири среднеязычные согласные квалифицируются по способу образования как простые – смычные, щелевые, и сложные – смычно-щелевые звуки.

Консонантные единицы, определяемые в общей фонетике по активному артикулирующему органу как среднеязычные, в южносибирских тюркских языках являются, фактически, переднеязычно-среднеязычными. Группу классических среднеязычных согласных, образующихся средней частью спинки языка при опущенном к нижним зубам кончике языка, в рассматриваемых языках представляет лишь плоскощелевой малошумный звукотип **j**, функционирующий во всех консонантных системах.

Переднеязычно-среднеязычные согласные «**h̥**», «**ḥ**», «**ḥʃ**», «**ɲ**», образуемые передне-средней частью спинки языка, функционируют в тюркских языках южносибирского региона с различной степенью продуктивности. В отличие от плоскощелевого среднеязычного «**j**», представленного во всех рассматриваемых языках, смычные «**h̥**», «**ḥ**» и аффриката «**ḥʃ**» зафиксированы в алтайском, теленгитском, тубинском, кумандинском, шорском, хакасском; в тувинском, ха-

касском и барабинско-татарском языках наряду с передне-среднеязычными реализациями аффрикаты констатируются переднеязычные смычно-щелевые репрезентанты «tʃ». Отсутствует в барабинско-татарском, тувинском и хакасском и передне-среднеязычный малошумный носовой «ŋ» – эта группа языков, характеризуясь бедностью локального класса среднеязычных по сравнению с другими языками Сибири, сближается с западно-тюркскими [Рыжикова, 2005; Кечил-оол, 2006; Субракова, 2006].

По степени напряжённости переднеязычно-среднеязычные согласные на фоническом уровне в тюркских языках южносибирского ареала квалифицируются в основном как умереннонапряжённые, слабонапряжённые и сильнонапряжённые реализации менее частотны.

В ряде южносибирских тюркских языков степень напряжённости артикулирующих органов при продуцировании согласных звуков, в том числе и среднеязычных, имеет фонологическую значимость. Консонантные фонологические системы, структурированные тройным противопоставлением единиц по напряжённости – сильные / слабые / сверхслабые, представлены в тувинском, шорском, языке барабинских татар. В шорском языке тройное противопоставление согласных по эйективности / нейтральности / инъективности, коррелирующее со степенью напряжённости артикуляции, установлено как для шумного, так и для малошумного консонантизма [Уртегешев, 2002].

В классе среднеязычных согласных констатируется универсальное для всех языков мира противопоставление согласных по ртовости / назальности при вариативном использовании двухканальных ротово-носовых щелевых реализаций – преимущественно в ауслушной позиции. Как правило, фиксируемая инструментально назализация как дополнительная работа нёбной занавески, не имеет фонологического статуса и обусловлена слабой напряжённостью мягкого нёба и язычка.

Высокая вариативность реализаций южносибирских тюркских согласных фонем обуславливает неоднозначность отношений между элементами фонологического уровня и способами их реализации в процессе речевой деятельности. В свою очередь, эта неоднозначность порождает неканонические фонологические модели живой спонтанной речи [Андросова, 2015, с. 7].

В отличие от основной артикуляции, обуславливающей продуцирование типичного для данного звука шума, дополнительные артикуляции меняют лишь окраску, тембр звука.

Результаты томографических исследований соматических параметров среднеязычных консонантных настроек свидетельствуют о том, что в тюркских языках Южной Сибири в качестве дополнительных артикуляций констатируются лабиализация, палатализация, веляризация, увуларизация, фарингализация и назализация. В каждом из исследуемых языков рассматриваемые дополнительные артикуляции имеют свою специфику реализации – как с субстантной, так и с функциональной точки зрения.

Различение среднеязычных согласных коррелятов по огубленности / неогубленности, палатализованности / непалатализованности, веляризованности / невеляризованности, увуларизованности / неувуларизованности во всех языках носит характер варьирования (позиционно-комбинаторного или факультативного). Характеристика по назализованности / неназализованности, как правило, также не является релевантной; исключение составляет тувинский язык, где на

периферии системы отмечается функционирование назализации в качестве фонематического признака [Бичелдей, 2001].

Что касается дифференциации среднеязычных согласных по фарингализованности / нефарингализованности, то она имеет различный функциональный статус в южносибирских тюркских языках: фарингализация является релевантным системообразующим признаком в шорском и барабинско-татарском языках (основной конститутивно-дифференциальный признак в бараб., дополнительный – в шор.) и оттенковым – в тувинском. В тувинском языке фарингализованные / нефарингализованные консонантные настройки функционируют в статусе аллофонов, реализующихся, в соответствии с законами тувинского фарингального сингармонизма, в словах с наличием / отсутствием глоттализованного гласного в первом слоге [Кечил-оол, 2006].

Указанные расхождения в звуковых системах контактных близкородственных тюркских языков Южной Сибири, отмечаемые как на фоническом, так и на фонологическом уровне, являются результатом различного рода языковых взаимодействий и взаимовлияний в процессе исторического развития. Эти контакты оказали влияние на формирование как артикуляционно-акустических баз этносов, так и принципов структурно-таксономической организации фонологических систем.

Список сокращений названий языков

алт. – алтайский	телеут. – телеутский
англ. – английский	туб. – тубинский (тубаларский)
бараб. – барабинско-татарский	тув. – тувинский
калм. – калмакский	хак. – хакасский
куманд. – кумандинский	чат. – чатский
нем. – немецкий	шор. – шорский
теленг. – теленгитский	

Список литературы

1. Андросова, С. В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках [Текст] / С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 1. № 1 [отв. ред. С. В. Андросова]. – Благовещенск, 2015. – С. 5–15.
2. Бичелдей, К. А. Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.02 / Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич; Институт языкознания РАН. – М., 2001. – 86 с.
3. Кечил-оол, С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка [Текст] / С. В. Кечил-оол. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 362 с.
4. Надеяев, В. М. Артикуляционная классификация гласных [Текст] / В. М. Надеяев // Фонетические исследования по сибирским языкам [отв. ред. В. М. Надеяев]. – Новосибирск, 1980. – С. 3–91.
5. Надеяев, В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) [Текст] / В. М. Надеяев // Фонетические структуры в сибирских языках [отв. ред. Е. И. Убратова]. – Новосибирск, 1986. – С. 3–15.

6. Рыжикова, Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект [Текст] / Т. Р. Рыжикова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 269 с.
7. Селютин, И. Я., Уртегешев, Н. С., Летягин, А. Ю. и др. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) [Текст] / И. Я. Селютин, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин и др. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2012. – Серия: Интеграционные проекты. – Вып. 41. – 372 с.
8. Субракова, В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект [Текст] / В. В. Субракова. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 244 с.
9. Уртегешев, Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта) [Текст] / Н. С. Уртегешев. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. – 304 с.

References

1. Androsova, S. V. Nekanoničeskie fonologičeskie modeli morfem i slov v russkom i anglijskom jazykax [Text] / S. V. Androsova // Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika. – Vyp. 1. № 1 [otv. red. S. V. Androsova]. – Blagoveshchensk, 2015. – P. 5–15.
2. Bičel'dei, K. A. Teoretičeskie problemy fonetiki sovremennogo tuvinskogo jazyka [Text] : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk 10.02.02 / Bičel'dei Kaadyr-ool Alekseevič; Institut yazykoznanija RAN. – M., 2001. – 86 p.
3. Kečil-ool, S. V. Tipoloaičeskaja specifika konsonantizma sut-xol'skoao aovora v sisteme aovorov i dialektov tuvinskoao jazyka [Text] / S. V. Kečil-ool. – Novosibirsk: ID "Sova", 2006. – 362 p.
4. Nadelyaev, V. M. Artikulyacionnaya klassifikacija glasnyx [Text] / V. M. Nadelyaev // Fonetičeskie issledovaniya po sibirskim jazykam [otv. red. V. M. Nadelyaev]. – Novosibirsk, 1980. – P. 3–91.
5. Nadelyaev, V. M. K tipologii artikulyacionno-akustičeskix baz (AAB) [Text] / V. M. Nadelyaev // Fonetičeskie struktury v sibirskix jazykax [otv. red. E. I. Ubryatova]. – Novosibirsk, 1986. – P. 3–15.
6. Ryžikova, T. R. Konsonantizm jazyka barabinskix tatar: sopostavitel'no-tipologičeskij aspekt [Text] / T. R. Ryžikova. – Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005. – 269 p.
7. Selyutina, I. Y., Urteašev, N. S., Letyaain, A. Y. i dr. Artikulyatornye bazy korennyx tyurkskix etnosov Južnoj Sibiri (po dannym MRT i cyfrovoy rentgenoaraffii) [Text] / I. Y. Selyutina, N. S. Urteašev, A. Y. Letyaain i dr. – Novosibirsk: izd-vo SO RAN, 2012. – Seriya: Integracionnye proekty. Vyp. 41. – 372 p.
8. Subrakova, V. V. Sistema soalasnyx saaajskoao dialekta xakasskoao jazyka: sopostavitel'nyj aspekt [Text] / V. V. Subrakova. – Novosibirsk: ID "Sova", 2006. – 244 p.
9. Urtegešev, N. S. Šumnyi konsonantizm šorskogo jazyka (na materiale mrasckogo dialekta) [Text] / N. S. Urtegešev. – Novosibirsk: RIC NGU, 2002. – 304 p.

УДК 81'342.1
UDC 81'342.1

Тэн Хай,
Амурский государственный университет
г. Хэйхэ, КНР

Teng Hai,
Amur State University
Heihe, China

e-mail: tenghai123@mail.ru

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПАУЗАЦИИ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

UNIVERSAL AND LANGUAGE-SPECIFIC FEATURES OF PAUSES IN SPONTANEOUS SPEECH OF SPEAKERS OF DIFFERENT LANGUAGES

Аннотация

Паузы – это феномен, который неизбежно присутствует в спонтанной речи. Несмотря на высокую частотность заполненных пауз, их акустические характеристики остаются наименее изученными. Не проведено сравнение свойств нелексических заполнителей пауз в разных языках, что и побудило нас провести соответствующий пилотный эксперимент. Была получена спонтанная речь шести дикторов-мужчин общей длительностью звучания 23 минуты 28 секунд, в которой было употреблено 639 пауз. Их акустический анализ позволил выделить две основные стратегии использования пауз – предпочтение незаполненных пауз и предпочтение заполненных пауз. Результаты замеров F1 и F2 вокалических заполнителей показали наличие универсальных и типологических особенностей у данных заполнителей. В качестве универсальных дикторами использовались [a]-образные и [am]-образные заполнители, [m]-образные встретились у китайских и русских дикторов и не встретились у дикторов американцев, [o]-образные и [ʊ]-образные заполнители оказались характерными только для речи дикторов-китайцев. Дальнейшее исследование нелексических заполнителей позволит детализировать выявленные тенденции.

Ключевые слова: спонтанный, хезитация, незаполненные паузы, заполненные паузы, вокалические заполнители.

Abstract

Pauses are an unavoidable phenomenon of spontaneous speech. Being the most frequent characteristic feature of it filled pauses still remain the least studied phenomenon as far as acoustic properties of fillers. There has been no cross-language study of non lexical fillers of hesitation pauses. Therefore, the current pilot study was carried out. A total of twenty three minutes and twenty eight seconds of spontaneous speech was collected from the six male subjects where the total of 639 pauses were used. The acoustic study of all pauses used by the subjects enabled to single out two major strategies of using pauses – the prevalence of silent pauses and the prevalence

of filled ones. The results of acoustic measurements of F1 and F2 demonstrate that there are universal and language-specific ways filled pauses can be vocalized. The universal fillers were [a]-like and [am]-like ones, [m]-like fillers were found with Chinese and Russian speakers but not with American ones, [o]- and [ʁ]-like fillers were typical only for Chinese speakers. Further study of non-lexical fillers will add more details to the tendencies currently revealed.

Keywords: spontaneous, hesitation, silent pauses, filled pauses, vocalized fillers.

1. Введение

Обычно речь в кино и средствах массовой информации (в новостных передачах) представляет собой быстрый непрерывный поток независимо от возраста, пола, социального статуса, национальной принадлежности и вероисповедания говорящего, кроме случаев, представляющих собой явные исключения (ложь, патологии и ряд других) [Rose, 1998, p. 2]. Однако в реальной жизни континуальность и высокая скорость речи на удивление часто не соблюдаются. Чаще всего наша речь прерывается заполненными паузами [Rose, 1998, p. 2–3].

По словам Н. Б. Вольской, пауза – крайне интересный и наименее изученный компонент фразовой интонации [Вольская, 2004, с. 129]. Н. Б. Вольская отмечает, что как всякое фонетическое явление паузу можно рассматривать с точки зрения реализации, восприятия и функциональной нагрузки [там же].

Согласно широкому пониманию интонации, пауза считается неотъемлемым её компонентом [Зиндер, 2007, с. 315; Шевченко, 2011, с. 139]. Обычно паузу определяют как прекращение звука посредством прекращения артикуляции (темпоральная, акустическая пауза); кроме того, с точки зрения восприятия говорят о психологической паузе, когда звучание голоса не прекращается, но мы на слух чётко воспринимаем паузу [Зиндер, 2007, с. 315; Вольская, 2004, с. 129].

В зарубежной традиции принято делить паузы на незаполненные (=silent pauses) и заполненные (=filled pauses), в которых заполнителями являются нелингвистические элементы [Laver, 1994, p. 158; Filled pause...]. В качестве таких элементов Л. Р. Роуз выделяет /a/, /am/, /u/, /um/, /e/, /em/, /m/ [Rose, 1998, p. 7].

Можно выделить две основные функции паузы. По словам Л. Р. Зиндера, пауза используется для: 1) отделения синтаксических единиц друг от друга, и для выделения характера связи между ними, 2) передачи того или иного эмоционального оттенка. [Зиндер, 2007, с. 316]. Согласно Л. П. Блохиной, пауза оказывается единственным надёжным сигналом для членения спонтанной речи, где она, кроме функции разграничения, выполняет функцию хезитации, связанную с планированием и селекцией синтаксических единиц [Блохина, 1983, с. 62]. В настоящее время не существует комплексного исследования особенностей паузации в спонтанной речи. Именно этот факт заставил нас обратиться к настоящей теме исследования.

Цель исследования состояла в изучении особенностей паузации спонтанной речи русского и английского языков. Цель достигалась решением следующих задач:

- 1) запись аудиоматериала;
- 2) слуховой анализ материала и выделение пауз;
- 3) акустический анализ выделенных пауз.

2. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили записи 1) интерферированной русской речи китайцев, 2) речи носителей русского языка, 3) американской речи. Все речевые образцы носили спонтанный характер. В эксперименте участвовали 6 дикторов: по два носителя китайского (Dc1, Dc2) и русского (Dr1, Dr2) языков и американского варианта английского языка (De1, De2). Ни один из дикторов не сослался на нарушения речи или слуха. Дикторы-китайцы изучали русский язык в университете: Dc1 – 8 лет, Dc2 – 5 лет.

Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета через микрофон на микшерный пульт и на звуковую плату компьютера. Использовались стандартные параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно.

3. Результаты акустического анализа

3.1. Количественные характеристики различных типов пауз

В ходе записи были получены образцы спонтанной речи общей длительностью звучания 23 минуты 28 секунд (Dc1 – 1 мин. 45 сек., Dc2 – 5 мин. 15 сек., Dr1 – 6 мин. 55 сек., Dr2 – 2 мин. 28 сек., De1 – 3 мин. 17 сек., De2 – 3 мин. 48 сек.). На первом этапе изучались количественные характеристики пауз. Было выявлено, что за указанное время звучания дикторы употребили 639 пауз: Dc1 – 44, Dc2 – 144, Dr1 – 206, Dr2 – 69, De1 – 70, De2 – 105, из них 104 паузы оказались заполненными вокалическими элементами: Dc1 – 31, Dc2 – 8, Dr1 – 22, Dr2 – 49, De1 – 24, De2 – 43. При этом можно было выделить 4 вариации данного типа пауз: 1) только заполнитель – 41; 2) заполнитель с предшествующей незаполненной паузой – 72; 3) заполнитель с последующей незаполненной паузой – 29; 4) заполнитель между незаполненными паузами 35. Соотношение этих вариации у этих дикторов было разным.

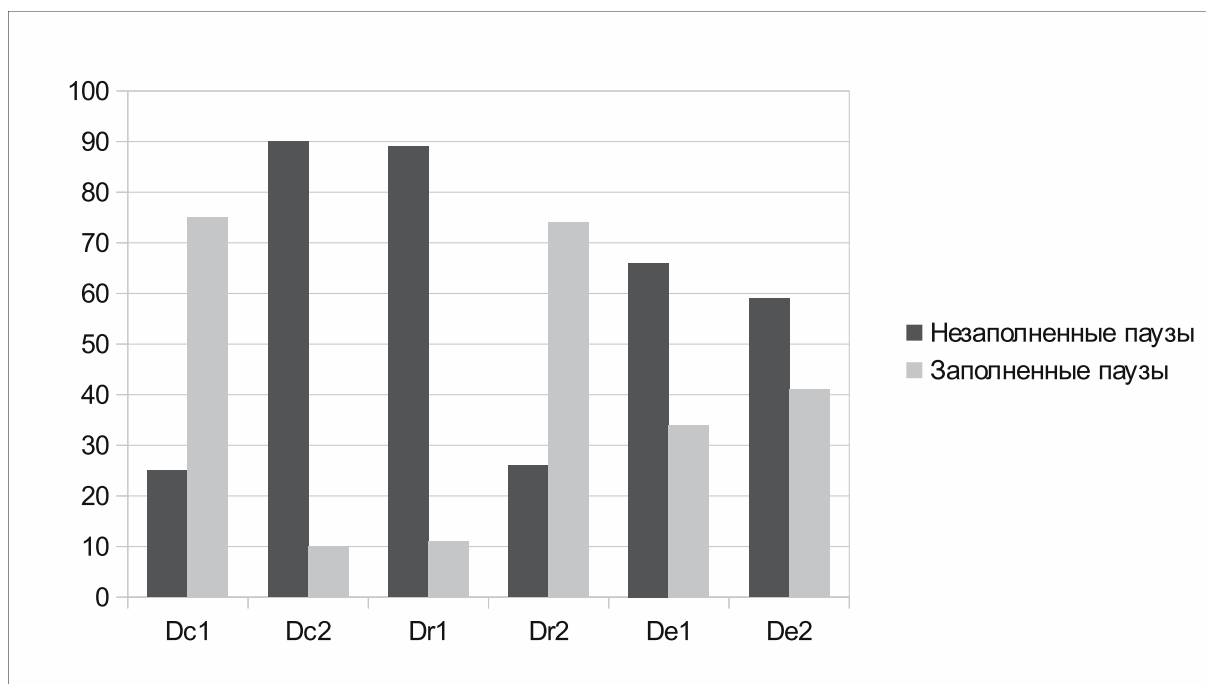
Анализ речи дикторов позволил выявить некоторые универсальные и типологические тенденции. Во-первых, русские, китайские и американские дикторы использовали две разные стратегии паузации: Dc1 и Dr2 использовали в основном заполненные паузы и заполняли их по большей части вокалическими элементами, тогда как Dc2, Dr1, De1 и De2 предпочитали незаполненные паузы. Полная картина выявленных типов пауз и их количество по каждому диктору представлена в таблице 1. На рисунке 1 представлено процентное соотношение незаполненных и заполненных пауз по каждому диктору.

Следует отметить, что среди четырёх дикторов, отдавших предпочтение незаполненным паузам, особо выделяются один русский (Dr1) и один китайский диктор (Dc2), для которых это предпочтение носило практически абсолютный характер.

Длительность пауз значительно варьировала. Многие из них обладали длительностью ниже общепринятого нижнего порога восприятия паузы (подробнее об этом см. у Н. Б. Вольской и Л. Р. Роуз [Вольская, 2004, с. 131–133; Rose, 1998, p. 6–7]).

**Т а б л и ц а 1. Количественные характеристики пауз
в русской спонтанной речи (по 6 дикторам)**

Тип паузы Диктор	Незаполн.	Переспрос	Заполн. (З)	— З	З —	— З —	Итого	Пауз в сек.
Dc1	11	2	9	15	1	6	44	2,4
Dc2	129	7	0	2	0	6	144	2,2
Dr1	185	0	3	8	9	2	207	2,0
Dr2	18	2	18	15	9	7	69	2,1
De1	46	0	3	11	4	6	70	2,8
De2	62	0	8	21	6	8	105	2,2
Итого	451	11	41	72	29	35	639	2,3

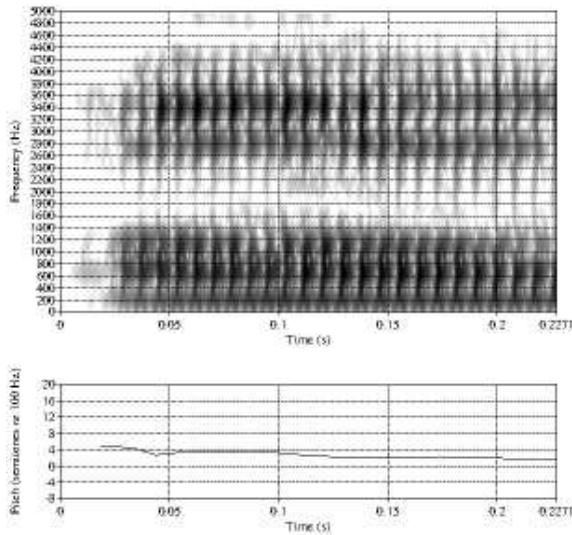


**Р и с у н о к 1. Гистограмма употребления незаполненных
и заполненных пауз в речи шести дикторов**

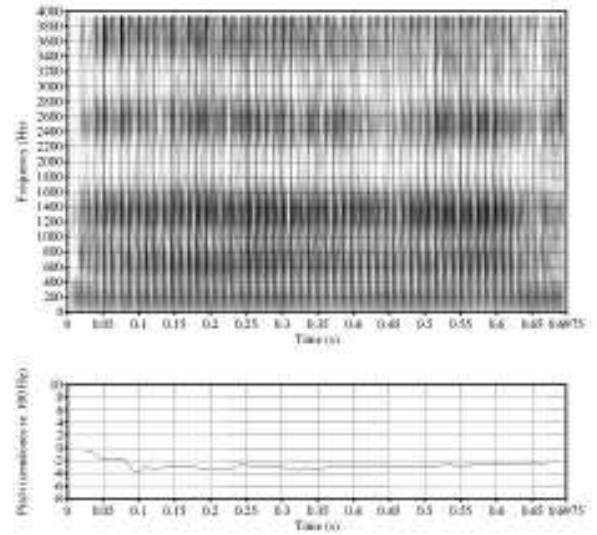
На втором этапе исследования все заполненные паузы были подвергнуты акустическому анализу. Были сделаны замеры первой и второй формант (F1, F2) нелексических вокалических заполнителей. Полученные данные позволили выделить вторую универсальную тенденцию.

3.2. Вокалические заполнители

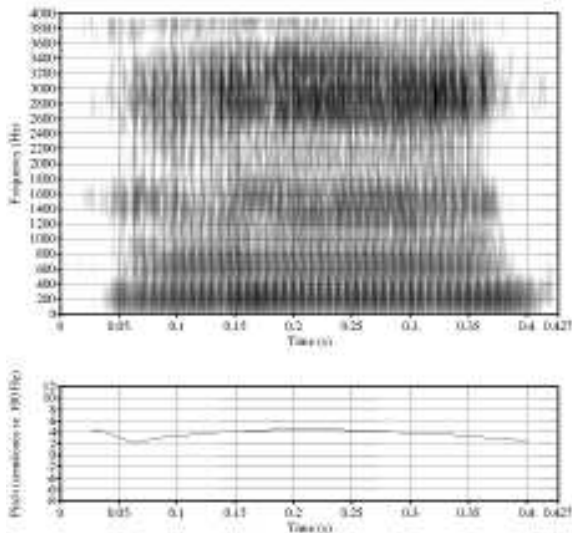
Одним из типичных вокалических заполнителей, встретившихся в спонтанной русской речи обоих китайцев, одного русского диктора (второй диктор предпочитал другие вокалические заполнители), и обоих американских дикторов является [a]-образный гласный. Типичная акустическая картина такого гласного представлена на рисунках 2–7.



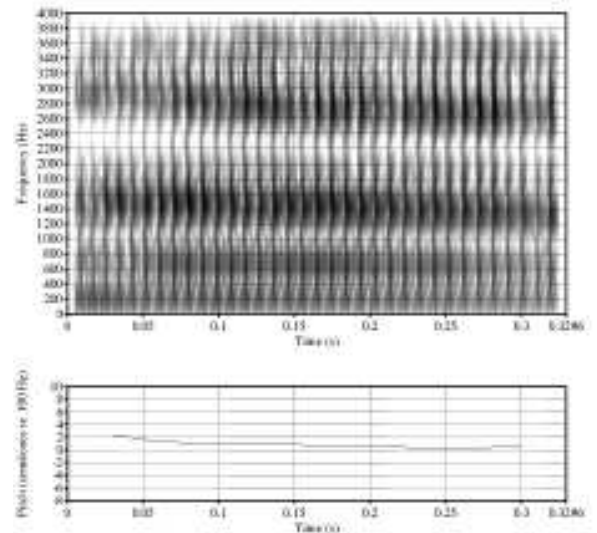
Р и с у н о к 2. [a]-образный гласный в речи Dc1



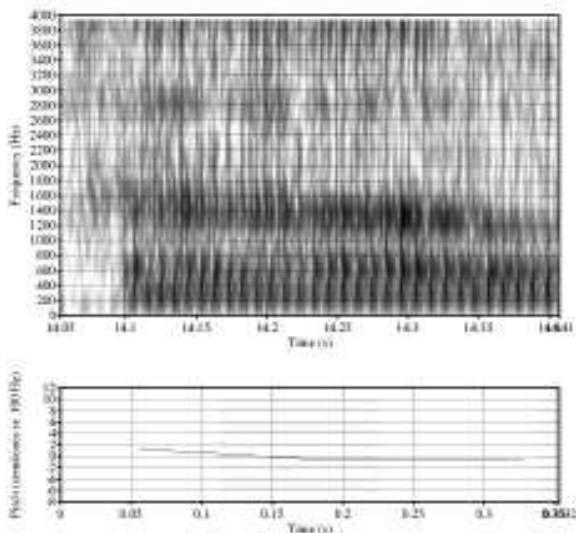
Р и с у н о к 3. [a]-образный гласный в речи Dc2



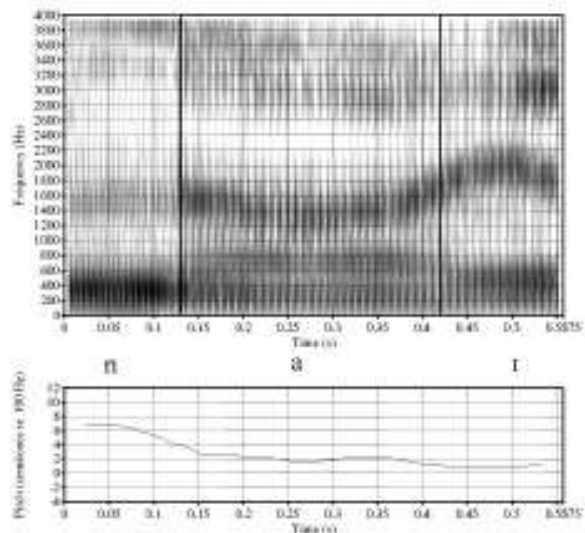
Р и с у н о к 4. [a]-образный гласный в речи Dg1



Р и с у н о к 5. [a]-образный гласный в речи Dg2



Р и с у н о к 6. [а]-образный гласный в речи De1



Р и с у н о к 7. [а]-образный гласный в речи De2

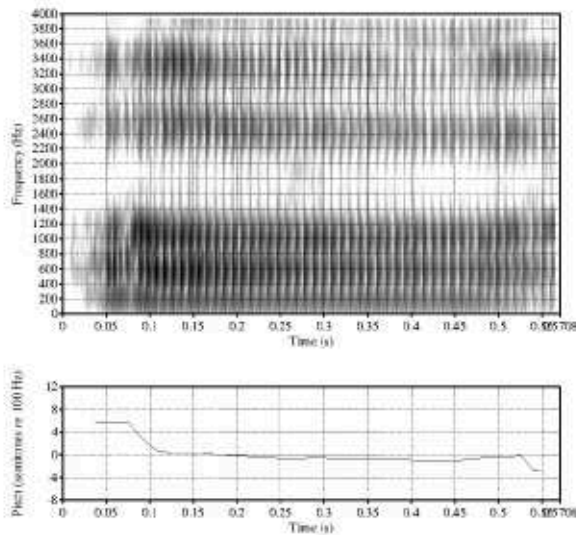
Значение F1 варьировали в пределах 660–720 Гц, F2 – 1200–1452 Гц. Таким образом, во всех случаях данный гласный был реализован как открытый. По ряду гласный варьировал от заднего продвинутого вперёд ряда до центрального. Все гласные на указанных рисунках произносятся ровным тоном с небольшими колебаниями. Так, среднее значение F0 на участке первого гласного (см. рис. 2) составило 113 Гц. Длительность гласного составила 224 мс, при этом на второй половине гласного колебания частоты основного тона (далее – ЧОТ) минимальны – 5 Гц.

В русской речи китайцев вторым по частотности является [о]-образный заполнитель. Средние формантные значения составляют F1 572 Гц, F2 1055 Гц. Значения F1 варьировали в пределах 522–589 Гц, F2 – 940–1173 Гц. Таким образом, во всех случаях данный заполнитель был реализован как гласный среднего подъёма либо узкой, либо широкой разновидности. По ряду гласный варьировал от заднего продвинутого вперёд до глубокого заднего ряда. Типичный пример такого заполнителя приведён на рисунке 8.

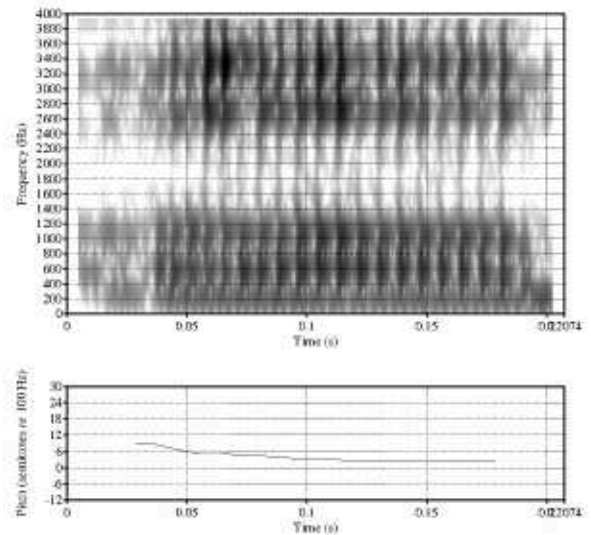
Данный гласный, как и предыдущий, произносится ровным тоном. Среднее значение F0 на его участке составило 97 Гц. Длительность гласного составила 518 мс, при этом колебания частоты основного тона составили 11 Гц. Формантные значения (F1=522 Гц, F2=940 Гц) свидетельствуют о реализации более закрытого гласного глубокого заднего ряда.

Третьим по частотности является [y]-образный заполнитель. Средние формантные значения составляют F 577 Гц, F2 1154 Гц. Типичный пример такого заполнителя представлен на рисунке 9.

Данный гласный произносится плавно нисходящим тоном. Среднее значение F0 на его участке составило 130 Гц, начальное значение 156 Гц, конечное – 103 Гц. Длительность гласного составила 498 мс. Формантные значения (F1=547 Гц, F2=1133 Гц) свидетельствуют о реализации гласного среднего подъёма заднего продвинутого вперёд ряда. В спонтанной речи русских и американских дикторов такой заполнитель не встретился.



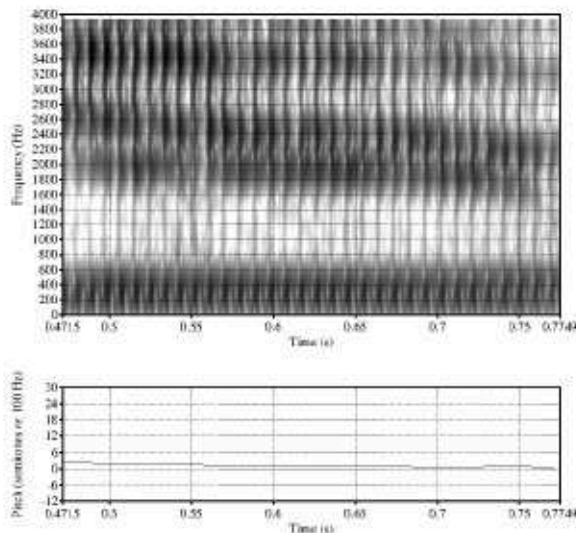
Р и с у н о к 8. [o]-образный гласный в речи Dc1



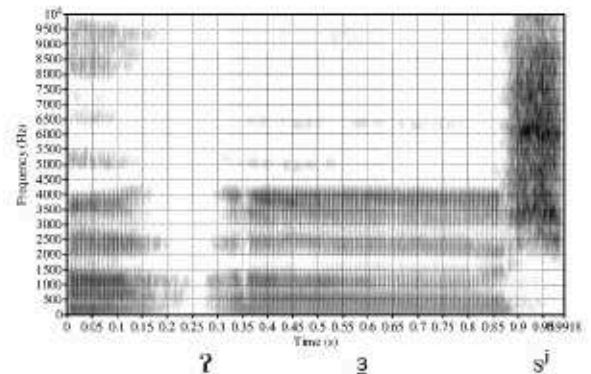
Р и с у н о к 9. [ʊ]-образный гласный в речи Dc1

Реже всего встречался [i]-образный заполнитель. Он был зафиксирован только в русской речи китайцев. Один из примеров представлен на рисунке 10. F1 составила 287 Гц, F2 понижалась от 1960 до 1740 Гц.

В ряде случаев вокалическому заполнителю предшествовал гортанный взрыв [ʔ], импульс которого занимал нижне-средние частоты (до 4500 Гц). На рисунке 11 представлен один из примеров, в котором данный взрыв предваряет гласный [ʊ] в контексте *Родители отправили меня | сюда в Россию учиться.*



Р и с у н о к 10. [i]-образный гласный в речи Dc1

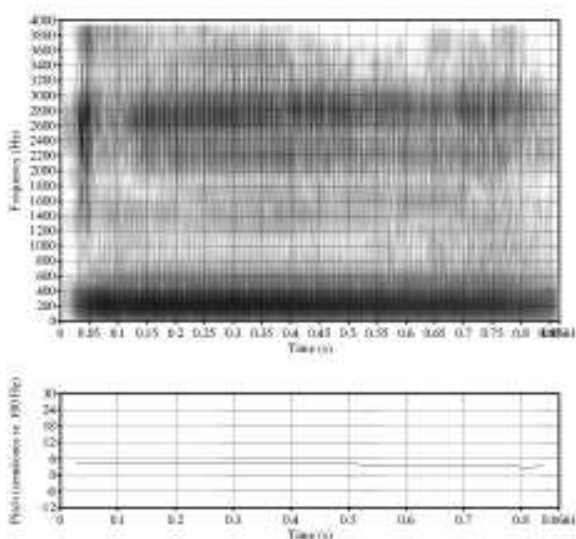


Р и с у н о к 11. Гласный заполнитель с гортанным взрывом в речи Dc1

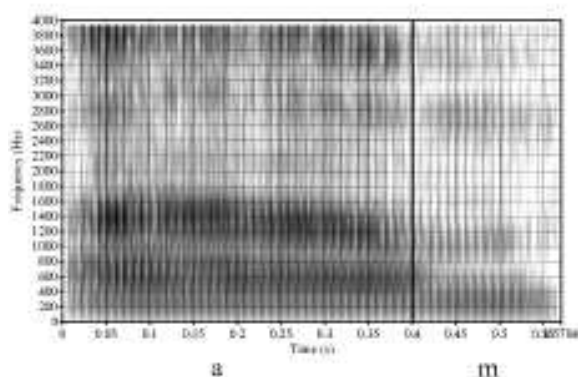
В экспериментальном материале в 14 случаях был зафиксирован [m]-образный заполнитель в речи дикторов-китайцев и русских: Dc1 – 3, Dc2 – 5, Dr1 – 2, Dr2 – 4. В речи дикторов-американцев указанный заполнитель на данном этапе исследования не зафиксирован. Типичный пример [m]-образного запол-

нителя представлен на рисунке 12. В начале данного заполнителя присутствует гортанный взрыв; длительность заполнителя составляет 906 мс. Следует отметить, что носовой сонант характеризуется повышенной интенсивностью (79 дБ) по сравнению с рассмотренными гласными заполнителями, интенсивность которых варьирует в пределах 70–76 дБ. Данный сонорный произносится ровным тоном. В области 250 Гц фиксируется форманта назальности.

Помимо указанных заполнителей в виде одиночных гласных и сонорных, встречаются и заполнители, представляющие собой сочетания гласного с носовым сонантом. Такие заполнители встретились в речи всех дикторов, кроме Dc2: Dc1 – 4 раза, Dr1 – 4, Dr2 – 6, De1 – 13, De2 – 2, что явно свидетельствует о возможном универсальном характере данного заполнителя. В этих заполнителях гласные носили преимущественно [a]-образный характер. Типичный пример представлен на рисунке 13.



Р и с у н о к 12. [m]-образный сонорный в речи Dc1



Р и с у н о к 13. Сочетание гласного с носовым сонантом

4. Выводы

Проведённое исследование позволило сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, наполняемость спонтанной речи паузами у всех шести дикторов оказалась схожей и варьировала в пределах 2–2,8 пауз в секунду.

Во-вторых, были выявлены две основные стратегии паузации, независимые от конкретного языка: 1) предпочтение незаполненных пауз, 2) предпочтение заполненных пауз. Первой тенденции следовали один китайский, один русский и оба американских диктора. Второй – один китайский и один русский дикторы.

В-третьих, были выявлены общие и различные стратегии заполнения пауз. Так, при использовании заполненных пауз в качестве вокалических заполнителей и русские дикторы, и китайцы, говорящие на русском языке, и американцы чаще всего использовали а-образные гласные.

Среди заполнителей также встретились типичные для отдельно взятого языка, например, [o] и [ɣ] в русской речи китайцев. Предположительно, [m]-образный заполнитель не характерен для спонтанной речи американцев и свойственен, пусть и в небольшом количестве, русской интерферированной речи китайцев

и речи носителей русского языка. В то же время, сочетание гласного с носовым сонантом [m] в качестве заполнителя пауз, похоже, является универсальным для спонтанной речи, в том числе интерферирующей, на двух изучаемых языках.

В дальнейшем планируется увеличить объём материала, обратиться к китайской спонтанной речи и, таким образом, детализировать выявленные тенденции и, возможно, определить новые.

Список литературы

1. Блохина, Л. П. Специфика фонетической организации спонтанных текстов // Звучащий текст. М. : 1983. – С. 61–74.
2. Вольская, Н. Б. [Текст] / Н. Б. Вольская // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера: сб. статей [науч. ред. Л. В. Бондарко]. – СПб.: Филологический университет СПбГУ, 2004. – С. 129–136.
3. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб. : Филол. фак. С-Петербур. гос. ун-та, М. : Академия, 2007. – С. 7–354.
4. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка [Текст] / Т. И. Шевченко. – Дубна., Фенис+, 2011. – 256 с.
5. A Brief Taxonomy of Hesitation Phenomena [Electronic resource] // Filled Pause Research Center. – URL: <http://filledpause.com/taxonomy> (дата обращения 24.04.2015).
6. Laver, J. Principles of phonetics [Text] / J. Laver Cambridge University Press, 1994. – 736 p.
7. Rose, L. R. The Communicative Value of Filled Pauses in Spontaneous Speech [Electronic Resource] : A Thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Birmingham in part fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in TEFL/TESL. – Birmingham, 1998. – 98 p. – URL: <http://www.roselab.sci.waseda.ac.jp/resources/file/madissertation.pdf>

References

1. Blohina, L. P. Specifika foneticheskoy organizacii spontannyh tekstov // Zvuchashhij tekst. M. : 1983. – S. 61–74.
2. Vol'skaja, N. B. [Tekst] / N. B. Vol'skaja // Foneticheskie chtenija v chest' 100-letija so dnja rozhdenija L. R. Zindera: sb. statej [nauch. red. L. V. Bondarko]. – SPb.: Filologicheskij universitet SPbGU, 2004. – S. 129–136.
3. Zinder, L. R. Obshhaja fonetika [Tekst] / L. R. Zinder // Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i. – SPb. : Filol. fak. S-Peterb. gos. un-ta, M. : Akademija, 2007. – S. 7–354.
4. Shevchenko, T. I. Fonetika i fonolgija anglijskogo jazyka [Tekst] / T. I. Shevchenko. – Dubna., Fenis+, 2011. – 256 s.
5. A Brief Taxonomy of Hesitation Phenomena [Electronic resource] // Filled Pause Research Center. – URL: <http://filledpause.com/taxonomy> (data obrashhenija 24.04.2015).
6. Laver, J. Principles of phonetics [Text] / J. Laver Cambridge University Press, 1994. – 736 p.
7. Rose, L. R. The Communicative Value of Filled Pauses in Spontaneous Speech [Electronic Resource] : A Thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Birmingham in part fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in TEFL/TESL. – Birmingham, 1998. – 98 p. – URL: <http://www.roselab.sci.waseda.ac.jp/resources/file/madissertation.pdf>

**Яковлева Анастасия Николаевна, Дмитриева Сахая Афанасьевна
Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация**

**Anastasia N. Yakovleva, Sahaya A. Dmitrieva
M. K. Ammosov North Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation**

e-mail: anyakovleva@inbox.ru , sa.dmitrieva@s-vfu.ru

ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ

POSITIVE AND NEGATIVE TRANSFER EFFECTS IN GERMAN LANGUAGE ACQUISITION BY YAKUT-RUSSIAN BILINGUAL STUDENTS

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы обучения студентов-саха немецкому языку как иностранному в условиях контактирования трёх языков. Анализируется влияние родного языка в области произношения.

Ключевые слова: билингвизм, якутский язык, русский язык, немецкий язык, фонема, ударение.

Abstract

The article views the problems of teaching German as a foreign language to Sakha students in the conditions of the interaction of three languages. The influence of the native language in pronunciation is analyzed.

Keywords: bilingualism, the Yakut language, the Russian language, the German language, phoneme, word-stress.

Исследователи рассматривают билингвизм, основываясь на теории языковой личности. Обоснование понятия языковая личность представлено в работах Ю. Н. Караулова [Караулов, 2010]. Автор рассматривает языковую личность как набор способностей и характеристик человека, влияющих на создание и восприятие им речевых произведений, различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью [Караулов, 2010]. В качестве центрального понятие «вторичная языковая личность» в современной лингводидактике определяется И. И. Халеевой, рассматривающей формирование вторичной языковой личности как одну из главных целей обучения иностранному языку [Халеева, 1989].

В условиях многоязычия нашей страны значительное количество студентов в вузах являются билингвами. Студенты-якуты или саха являются в большинстве своём билингвами и могут быть подразделены на различные группы: билингвы, владеющие обоими языками равнозначно, использующие в

основном русский язык, редко якутский, часто использующие якутский язык, первый язык – русский (практически родной), второй якутский, и тому подобное. В языковом вузе обучение немецкому языку якутских студентов происходит в условиях контактирования трёх языков: якутского, русского и немецкого. Якутский язык относится к тюркским языкам, к северо-восточной группе.

Сопоставление звуковых систем контактирующих языков позволяет определить сходства и различия и на их основе выявить особенности межъязыковой интерференции.

В отличие от студентов, которые в раннем детстве освоили русский язык, студенты, приехавшие из сельской местности и начинающие в городе активно использовать русский язык, могут испытывать влияние родного языка в области произношения русских звуков. Аффриката [ts] может заменяться звуком [s], например, слово *цвет* может быть произнесено как *свет*. Соответствующий звук отсутствует в якутском языке, что также влияет на произнесение немецкой аффрикаты [ts], которая может быть заменена на [s], например, вместо *zwei* произносится *swei*. Затруднение в немецком языке вызывает также произнесение безударной гласной фонемы [ə], например, в словах *heben, kommen* звук [ə] произносится довольно ясно, хотя в немецком языке этот звук неясный, редуцированный. На появление интерференции при произнесении редуцированного [ə] могут влиять слова в якутском языке с кратким [ɛ], например, такие как *курулгэн* «водопад».

В характеристике гласных якутского языка отсутствует фонологический признак «подъём языка». Общими фонологическими признаками гласных сопоставляемых языков являются ряд, качество, долгота/краткость и участие губ. Для немецкого и якутского языков ряд (место образования) является фонологическим (различительным) признаком. В сопоставляемых языках каждый гласный представлен долгими и краткими фонемами, кроме того, долгие и краткие гласные различаются ещё и по качеству звучания. В целом ряде слов в обоих языках от долготы или краткости зависит значение слова, в немецком – *Schaf* (овца) – *schaffen* (творить, создавать), *Saat* (сев) – *satt* (сытый), в якутском – *хар* (подавиться) – *хаар* (снег), *тур* (вставай) – *туур* (выдернуть). Долгие гласные произносятся напряжённо (с большим напряжением органов речи), а краткие гласные – ненапряжённо. Графическое обозначение долготы гласных якутского языка выражаются удвоенной фонемой, например: [i:] и [i] – *биир* (один), *бил* (знать), а немецкие – могут быть выражены одной фонемой: [a:] – *Name* [на:мә], перед согласными l, r, m, n в качестве знака долготы ставится буква h (которая не читается).

Затруднения при произнесении вызывают те звуки якутского и русского языков, которые отождествляются студентами по артикуляторно-акустическим признакам: например, согласные [p], [t], [k], и другие.

У студентов-билингвов, владеющих лучше якутским языком, в отличие от студентов-билингвов, редко использующих его, выявляются зоны положительного переноса. Произнесение таких звуков, как [h], [ŋ], [ø:], [œ], [y:], [y] не вызывает затруднений у студентов-билингвов, которые хорошо и часто говорят на родном якутском языке, так как похожие звуки присутствуют в якутском языке, например, в якутских словах: *саһыл* (лиса), *саһар* (говори), *төбө* (голова), *түннук* (окно), *сүүр* (беги) и других.

Отто Бетлингк в своем труде «О языке якутов» (1851) писал, что якутские звуки [y], [y:]; [œ], [ø:] слышатся почти как немецкие [y], [y:]; [œ], [ø:], но при

произнесении есть различия, например, немецкий звук [ø:] в сравнении с якутским [ø:] более закрытый [Böhtlingk, 1851, p. 140]. При произнесении немецкого [ø:] кончик языка находится выше уровня нижних резцов. На слух немецкий [ø:] – нечто среднее между якутскими гласными /ø/ и /y/:

немецкий [ø:]

löten [lø:ten]
 tönen [tø:nen]
 köstlich [kø:lic]
 böse [bø:ze]
 ölen [ø:lən]

якутский [ø:]

төлөө (платить)
 мөлтөө (слабеть)
 көстөөччү (видимый)
 бөөлүүн (прошлой ночью)
 өйөө (дать опору)

Немецкий [y:] – долгий гласный переднего ряда, лабиализованный, самого высокого подъёма. Якутский [y:] – переднего ряда, верхнего подъёма, лабиализованный. При произнесении немецкого [y:] кончик языка находится выше уровня нижних резцов, раскрытие челюстей шире, чем при якутском [y:], что обуславливает образование круглой щели, так как при сравнительно большем опускании нижней челюсти неокругление губ будет вызывать недостаточность губной артикуляции для получения [y:]. Губы при произнесении немецкого гласного [y:] вытянуты больше, чем при произнесении якутского гласного [y:]:

немецкий [y:]

Tür [ty:r]
 Kür [ky:r]
 Süß [zy:s]
 Kühle [ky:lə]
 Sünde [zy:ndə]
 Tüte [ty:tə]
 über [y:bər]
 kühl [ky:l]
 Bürger [by:rgər]
 Schüler [ʃy:lə]

якутский [y:]

түүн [ty:n] (ночь)
 күүр [ky:r] (напрягаться)
 сүүс [sy:s] (сто)
 күүлэ [ky:lə] (сени)
 сүүйдэ [sy:jdə] (выиграл)
 түүтэ [ty:tə] (исх. шерсть)
 үүрэр [y:rər] (прогонять)
 түүл [ty:l] (сон)
 бүүргэл [by:rəl] (шило)
 сүүрэр [sy:rər] (бегать)

Как отмечает О. Бетлингк, якутский [y] на слух походит на немецкий [y], но при произнесении немецкого [y] кончик языка находится на уровне резцов, губы вытянуты сильнее и образуют круглую щель. Подъём языка в немецком [y] ниже, чем в якутском [y], спинка языка имеет более уплощённую форму [Böhtlingk, 1851, p. 140].

Соответствующие немецкие гласные по сравнению с якутскими звучат выше и ярче, так как они являются более напряжёнными и бесшумными:

немецкий [y]

Hütte [hytə]
 Küste [kystə]
 künden [kündən]
 bügeln [bygəln]
 Müll [myl]

якутский [y]

сүттэ [sy:tə] (потерялся)
 күстэх [kystəx] (елец (рыба))
 күнтэн [küntən] (исх. солнце)
 бүгүн [bygyn] (сегодня)
 күл [kyl] (зола, пепел)

В якутском языке долгий гласный [œ:] – переднего ряда, среднего подъёма, лабиализованный. Артикуляция [œ] более слабая, вялая, чем артикуляция [œ:]. При [œ] губы вытянуты меньше, чем при [œ:], и образуют плоскую щель [Дьячковский, 1971, с. 53].

В немецком языке при образовании [a:] язык занимает нижнее положение с кончиком, несколько отодвинутым от нижних зубов, и со слегка приподнятой задней частью спинки [a:təm], [ka:tər], [a:bənt]. Краткая фонема [a] – передне-смешанного ряда самого низкого подъёма, отличается от долгого [a:] более передним ровным положением языка, с кончиком языка у нижних зубов [das], [kasten].

В якутском языке [a:] – гласный заднего ряда, нижнего подъёма, нелабиализованный. При его произнесении кончик языка отходит от нижних резцов и касается их альвеол, а тело языка немного отодвинуто назад, задняя часть приподнята, например: *баас* (рана), *саас* (весна), *сылаас* (тепло). Краткий [a] – гласный отодвинутого заднего ряда, низкого подъёма, нелабиализованный. При его произнесении кончик языка немного отходит от нижних резцов, средняя часть спинки языка приподнята почти в такой же степени, как при [a:], например: *бас* (голова), *сас* (прятаться), *тас* (таскать) [Дьячковский, 1971, с. 72].

В немецком языке к переднеязычным относятся согласные [d, t, n, s, l, (r), ts, tʃ, z, ʃ], в якутском – [д, т, н, с, л, р]. Немецкая аффриката [tʃ] в якутском языке выражена аффрикатой [ч]. Из перечисленных согласных видно, что в якутском языке отсутствуют согласные [ts, z, ʃ], но данные звуки характерны для русского языка, которым владеют обучающиеся-якуты.

В сопоставляемых языках фонема [t] характеризуется как апикальный смычный глухой согласный, употребляющийся во всех фонетических положениях. При его произнесении кончик языка находится у верхних зубов. Немецкая согласная фонема [t] в ударных слогах характеризуется как сильный (напряжённый) и произносится с придыханием, а якутский [t] не является напряжённым. В описании якутских согласных характеристика «напряжённый» не встречается.

Отсутствие в якутском языке звука [ç] вызывает у якутских студентов закономерные трудности при произнесении этого звука в немецком языке. Для правильного представления данной фонемы следует обратиться к звуковому составу русского языка, которым якутские студенты владеют на хорошем уровне. Многократное повторение слова *химия* поможет воспроизвести рассматриваемый звук.

Немецкая фонема [z] является шумным звонким слабым согласным, которая графически обозначается буквой s, встречается в начале слова или слога: *Sommer* [ˈzomər], *sammeln* [ˈzaməlŋ], *Insel* [inzəl], *lesen* [ˈle:zən]. Эта фонема отсутствует в звуковом составе якутского языка. В данном случае необходимо обратиться к звуковому составу русского языка, в котором имеется похожая фонема [з].

Согласный [k] в сравниваемых языках является смычным и глухим. Однако произношение немецкого звука [k] отличается более сильной артикуляцией и произносится с придыханием.

Фонему [ʃ] якутские студенты отождествляют с русским согласным [ш]. Немецкий согласный [ʃ] по своим артикуляторно-акустическим признакам отличается от русского [ш] большим шумом. При сравнении схожих звуков обращает на себя внимание качество звуков: *schlank* – *шланг*, *Schal* – *шал*, *scharf* – *шарф*.

К заднеязычным звукам относятся немецкие – [χ], [к] и якутские [б], [q]. Немецкая фонема [χ] и якутская фонема [q] являются сходными увулярными

глухими согласными. Если [χ] является сильным и щелевым, то [q] выступает в смычном и щелевом вариантах, из которых более часто встречается смычный [q]. Согласный [χ] встречается в основном в поствокальном и интервокальном положениях, в небольшом числе заимствований в начале слова.

Фонема [p] в обоих языках является губным смычным. В немецком языке фонема [p] характеризуется как шумный сильный (напряжённый) согласный, который произносится с сильным придыханием: *Papst, Purpur*. В якутском языке данная фонема является глухой и произносится без придыхания: *таптал* (любовь).

К фарингальным звукам относится фонема [h]. В обоих языках данная фонема является щелевым. В немецком языке данная фонема встречается только в начале слога перед гласным: [ha:bən]. В якутском языке [h] употребляется в начале слова: *хайдаа* (с криком погонять рогатый скот), а также в интервокальном положении *куһу* (человек).

При обучении якутских студентов немецкому языку наиболее часто выявляется фонетическая интерференция, связанная с ударением в словах. Положение ударения в двух контактирующих языках не совпадает, хотя и является постоянным – в немецком языке ударение в основном падает на первый слог, в якутском языке – на последний слог. Эта закономерность звукового строя якутского языка оказывает отрицательное воздействие на формирование новых навыков. Зачастую сформированный навык не соответствует нормам изучаемого языка. Нередко обучающиеся ставят ударение на немецкие артикли, отрицания и на другие служебные слова. Поскольку в якутском языке нет предлогов, которые пишутся отдельно, то для якутских учащихся, с точки зрения произношения, появляются затруднения.

Что касается интонации, то характерной ошибкой в интонационном оформлении предложений является восходящая мелодика в конце повествовательного предложения, а также не соответствующее нормам немецкой интонации выделение ударением дополнения и обстоятельства в таких предложениях, как *Ich lese ein 'Buch. Die 'Kinder spielen im 'Kindergarten. Mein Bruder hat viel 'Sport getrieben. Ich habe ihn ge'fragt. Heute habe ich 'Stipendium bekommen.*

Овладение немецкой интонацией для некоторых студентов является довольно сложным. Наблюдается повышение тона в повествовательных предложениях и в вопросительных предложениях с вопросительным словом. Это явление наблюдается у студентов, приехавших из отдалённых районов, в которых, по мнению жителей города, «говорят певуче».

Освоение студентами-билингвами грамматики немецкого языка происходит на основе грамматики русского языка, так как, например, падежи немецкого языка по своему значению соответствуют русскому именительному, родительному, дательному и винительному.

Таким образом, при обучении студентов-билингвов, учитывая влияние на процесс овладения иностранным языком языковых компетенций родного и русского языков, необходимо обращаться к явлениям контактирующих языков. В преподавании иностранного языка студентам-билингвам для того, чтобы побуждать их к сравнению, сопоставлению явлений контактирующих языков, преподавателю самому необходимо иметь представление о языковых системах контактирующих языков. Сопоставление языков, которыми владеет билингв, содействует не только пониманию причин затруднений студентов. На основе

сопоставительных данных можно разработать систему заданий, способствующих преодолению интерференции, различные фонетические и разговорные упражнения, которые можно использовать как для занятий в учебной группе под руководством преподавателя, так и для самостоятельной работы студентов. Материал может быть изложен в форме установочных заданий, тренировочных артикуляторно-слуховых упражнений и диалогов и направлен на постановку немецкого произношения в якутской аудитории и совершенствование слухо-произносительных навыков с учётом специфики трудностей.

Вместе с тем только отработка и постановка произношения с помощью коррекционных упражнений без учёта психологических факторов может недостаточно снизить уровень фонетической интерференции. Ведь в состоянии эмоциональной напряжённости (зачёты, экзамены, опрос в присутствии других преподавателей, и др.) у некоторых студентов-билингвов с развитым якутским языком наблюдается не только искажение облика речевого высказывания, но и употребление слов родного языка. При ответах наблюдаются восклицания на якутском языке: «Нет!», «Не так!», «О нет!», «Как же это было?» и подобные.

Таким образом, необходимо изучение психологических условий, содействующих снижению фонетической интерференции у билингвов. Проблема психологических особенностей фонетической интерференции связана с вопросами стратегии обучения иностранному языку. Преподаватель развивает психологический и методический компоненты учебной автономии: стимулирует деятельность по отработке произношения звуков, помогает преодолевать трудности, способствует преодолению неуверенности, развивает позитивное отношение к процессу учения, освоения фонетики, помогает определить промежуточные и конечные цели, предлагает задания на постановку произношения. В дальнейшем преподаватель способствует определению собственного учебного стиля студентов и подходящих для них учебных стратегий при одновременном развитии коммуникативных компетенций.

Список литературы

1. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Часть 1 Вокализм [Текст] / Н. Д. Дьячковский. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 192 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Изд-во ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
3. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) [Текст] / И. И. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989. – 240 с.
4. Böhntlingk, O. Über die Sprache der Jakuten [Текст] / O. Böhntlingk. – SPb., 1851. – 178 s.

References

1. D'jachkovskij, N. D. Zvukovoj stroj jakutskogo jazyka. Chast' 1 Vokalizm [Tekst] / N. D. D'jachkovskij. – Jakutsk: Jakutknigoizdat, 1971. – 192 s.
2. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – Izd-vo LKI, URSS Jeditorial, 2010. – 264 s.
3. Haleeva, I. I. Osnovy teorii obuchenija ponimaniju inojazychnoj rechi (podgotovka perevodchika) [Tekst] / I. I. Haleeva. – M.: Vysshaja shkola, 1989. – 240 s.
4. Böhntlingk, O. Über die Sprache der Jakuten [Текст] / O. Böhntlingk. – SPb., 1851. – 178 s.

ERRATUM

К статье:

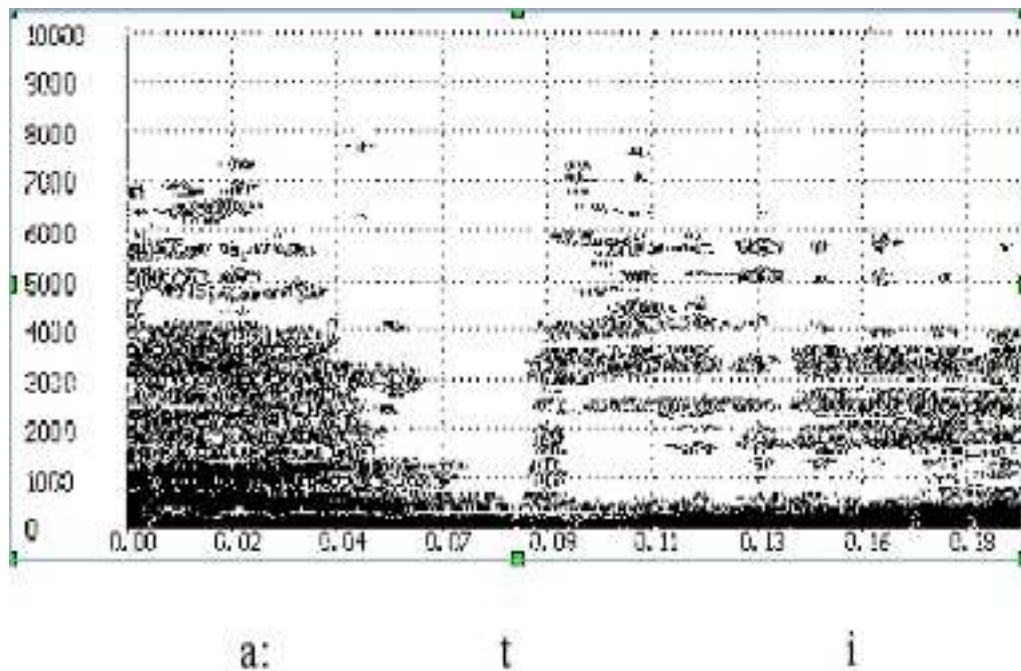
Гусева, С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 1. – С. 16–34 .

1. Ошибка в ссылке на странице 17 в последнем абзаце: [Бондарко, Вербицкая и др., 1974].

Приводим верную ссылку: [Стили произношения..., 1974].

2. Технический сбой при добавлении рисунка 1 а на странице 21.

Приводим верный рисунок.



**Р и с у н о к 1а. Реализация фрагмента [a:ti]
из слова mathematischer в речи диктора L: рема**

Редакция приносит извинения автору за доставленные неудобства.

Информация об авторах

Андросова, Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: androsova_s@mail.ru

Блохинская, Людмила Олеговна, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: blokhinskaya@mail.ru

Дмитриева, Сахая Афанасьевна, ассистент кафедры немецкой филологии института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: sa.dmitrieva@s-vfu.ru

Караваева, Вероника Георгиевна, аспирант кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: berenices1988@gmail.com

Корыткин, Юрий Анатольевич, магистрант кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: korytkin76@mail.ru

Кравец, Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravets@mail.ru

Ма, Татьяна Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: tdovnar@mail.ru

Матвеева, Елена Владимировна, старший преподаватель и аспирант кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: matveeva_555@mail.ru

Морозова, Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: morozova_olga06@mail.ru

Наумов, Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский государственный политехнический университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Процукович, Елена Александровна, старший преподаватель и аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: amursea@mail.ru

Селюткина, Ираида Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: siya_irina@mail.ru

Тэн Хай, аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Хэйхэ, КНР, e-mail: tenghai123@mail.ru

Яковлева, Анастасия Николаевна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой немецкой филологии института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: anyakovleva@inbox.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: androsova_s@mail.ru

Lyudmila O. Blokhinskaya, assistant professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: blokhinskaya@mail.ru

Sahaya A. Dmitrieva, teaching assistant at the German Philology Department, M. K. Ammosov North Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: sa.dmitrieva@s-vfu.ru

Veronika G. Karavayeva, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: berenices1988@gmail.com

Yuriy A. Korytkin, Master of Linguistics student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: korytkin76@mail.ru

Tatyana V. Kravets, PhD, associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, St.-Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

Tatyana Y. Ma, Doctor of Philology, professor, Department of Translation and Intercultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: tdovnar@mail.ru

Elena V. Matveeva, senior teacher and PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: matveeva_555@mail.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, the Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: morozova_olga06@mail.ru

Elena A. Protsukovich, senior teacher and PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: amursea@mail.ru

Iraida Ya. Selyutina, Doctor of Philology, professor, Leading Scientific Researcher, Department of Siberian People Languages, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: siya_irina@mail.ru

Teng Hai, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Heihe, China, e-mail: tenghai123@mail.ru

Anastasia N. Yakovleva, Doctor of Education, Head of German Philology Department, M. K. Ammosov North Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: anyakovleva@inbox.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андросова С. В., Караваева В. Г.</i>	Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка	5
<i>Корыткин Ю. А.</i>	Спортивный дискурс и его интонационные особенности	21
<i>Кравец Т. В., Блохинская Л. О.</i>	Пути и способы преодоления трудностей при переводе специальных английских текстов на неязыковых факультетах	36
<i>Матвеева Е. В., Ма Т. Ю.</i>	Когнитивный потенциал стилистического приёма антитезы	45
<i>Морозова О. Н., Андросова С. В.</i>	Интонационные модели эвенкийского языка	55
<i>Наумов В. В.</i>	Язык чувств (из жизни животных и людей)	71
<i>Процукович Е. А.</i>	Уровень владения эвенкийским языком в местах компактного проживания эвенков Амурской области	85
<i>Селютина И. Я.</i>	Сравнительная характеристика среднеязычных согласных в тюркских языках Южной Сибири (по данным МРТ)	94
<i>Тэн Хай</i>	Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков	105
<i>Яковлева А. Н., Дмитриева С. А.</i>	Интерферентные явления в обучении немецкому языку студентов-билингвов	114
<i>Erratum</i>	120
<i>Информация об авторах</i>	121

CONTENTS

<i>Androsova S. V., Karavaeva V. G.</i>	Flaps / Taps in American and British English	5
<i>Korytkin Y. A.</i>	Sport commentary discourse and peculiarities of its intonation	21
<i>Kravets, T. V., Blokhinskaya, L. O.</i>	The ways of overcoming difficulties in translating special original English literature at non-linguistic departments	36
<i>Matveeva, E. V., Ma, T. Y.</i>	A cognitive potential of the stylistic device of antithesis	45
<i>Morozova, O. N., Androsova, S. V.</i>	Models of intonation in the Evenki language	55
<i>Naumov, V. V.</i>	The language of feelings (from animal and people lives)	71
<i>Protsukovich, E. A.</i>	The level of the Evenki language skills in the Amur Evenks residences	85
<i>Selyutina, I. Ya.</i>	Comparative characteristics of mediolingual consonants in the Turkic languages of South Siberia (MRI investigation)	94
<i>Teng Hai</i>	Universal and language-specific features of pauses in spontaneous speech of speakers of different languages	105
<i>Yakovleva, A. N., Dmitrieva, S. A.</i>	Positive and negative transfer effects in German language acquisition by Yakut-Russian bilingual students	114
<i>Erratum</i>	120
<i>Our authors</i>	121

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 1, No 2, 2015.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.06.15. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500. Заказ 626.
Отпечатано в типографии АмГУ.